

ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ

Михаил Макаров

РОМАН О НЕБЛАГОДАРНОЙ ПРОФЕССИИ - 2

Роман о неблагодарной профессии

Михаил Макаров

Эффект присутствия

«Э.РА»

2021

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Макаров М.

Эффект присутствия / М. Макаров — «Э.РА», 2021 — (Роман о неблагодарной профессии)

ISBN 978-5-907291-47-8

Роман основан на материалах реальных уголовных дел, в расследовании которых автор принимал активное участие. Повествование развивает сюжетные линии книги «В понедельник дела не делаются». Место действия – среднерусская провинция. Совершённое в канун нового тысячелетия двойное убийство даёт очередной импульс противостоянию организованных преступных группировок. Бандитскому беспределу противостоит упорная повседневная работа сотрудников милиции, прокуратуры и ФСБ, успеху которой мешают межведомственные склоки, коррупция в собственных рядах и несовершенство закона.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-907291-47-8

© Макаров М., 2021
© Э.РА, 2021

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	14
3	18
4	23
5	31
6	35
7	40
8	46
9	53
10	60
11	64
12	69
13	78
14	82
15	88
16	93
17	99
18	102
Часть вторая	110
1	110
2	117
3	123
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Михаил Макаров

Эффект присутствия

Все персонажи вымышлены

Наличие прототипов автором отрицается категорически

Любые совпадения случайны

Большинство ситуаций возможно

*Формы и методы работы правоохранительных органов
приближены к реальности*

© Михаил Макаров, 2021 г.

Часть первая

1

30 декабря 1999 года. Четверг.

20.30 час. – 21.15 час.

Если есть вероятность, что неприятность может случиться, то она произойдет обязательно, причем в самое неподходящее время.

Раньше подобная закономерность называлась законом подлости. Теперь – законом Мёрфи по фамилии капитана ВВС США, изучавшего в Калифорнии причины аварий военных самолетов.

Саша Кораблёв, перед тем как стукнуть пальцем по клавише выключателя, от двери оглядел кабинет, проверяя, не забыл ли чего. Так – компьютер выключил. Обогреватель не просто вырубил, вилку из розетки выдернул для полной надежности. Пепельницу выставил на середину стола, подальше от бумаг. Вроде, порядок, не горим и не тонем!

Чуть больше суток оставалось до нового двухтысячного года. Все нормальные люди завершали приготовления к Миллениуму. Многие уже начали в кругу родных и близких культурно провожать уходящие год, век и тысячелетие. Но это нормальные люди, которым не надо третьего января везти в область пять отчетов и десять докладных по всем направлениям деятельности прокуратуры. Кораблёв, с середины декабря исполнявший обязанности заместителя прокурора, смутно представлял, как он в одиночку разрулит проблемы отчетного периода. Его предшественник, Коваленко Виктор Петрович, написавший рапорт о переводе в областной аппарат на рядовую должность, слёг в пульмонологию с хроническим бронхитом. До его выздоровления кадровые назначения заморозились.

Кроме опасений не справиться в авральном режиме с новой работой, Кораблёву было не по себе от ощущения своей причастности к изгнанию Коваленко. Саша немало отработал с Петровичем и относился к нему с уважением. Коваленко того заслуживал, был он мужик грамотный, умный и, что встречается гораздо реже, порядочный. Конечно, Кораблёв не виноват, что Петрович вышел на тропу войны с прокурором. Причину конфликта между начальниками Саша знал. Внутренне он находился на стороне Коваленко, но от участия в боевых действиях благоразумно дистанцировался. Петрович не имел ни единого шанса на успех. Все его декларации о коррумпированности прокурора повисли в воздухе. Предъявить он ничего не смог. А вот шеф продемонстрировал мастер-класс аппаратной игры, жестко взнуздав взбрыкнувшего заместителя.

Проверяющие из областной прокуратуры, получившие команду «фас», легко выявили множество недостатков в работе Коваленко, надзиравшего за милицией. В течение дня, не выходя из кабинета, областники, перелопатив две вязки «отказных»¹, отложили в сторону стопу материалов по фактам краж металла с предприятий. Формально всё это были укрытые от учета умышленные преступления. То, что сумма хищений в каждом случае не превышала минимального размера оплаты труда, на наличие состава квалифицированной кражи не влияло. О том, что подобная практика применялась по всей области при молчаливом согласии государева ока, нельзя было и заикаться. В результате из «отказных» материалов на свет родилось десять уголовных дел. А десять – уже система. Нарушения были выявлены и при проверке изолятора временного содержания. Как будто заместитель межрайонного прокурора мог пону-

¹ «Отказной» – проверочный материал, по которому принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела (проф. сленг).

дять начальника милиции отделать ИВС² в соответствии с европейскими нормами! Пиши, хоть запишись, а денег на капитальный ремонт изолятора нет и не предвидится.

Приказ о привлечении к дисциплинарной ответственности получился кудрявым. За ненадлежащее исполнение служебных обязанностей Коваленко был объявлен выговор. А дисциплинарка в прокуратуре это серьезно, это – на целый год. Причём, кроме пятна в послужном списке, наказанный получает чувствительный удар по карману. До снятия взыскания не видать ему ни квартальной премии, ни надбавки за сложность и напряженность. Но и это можно перетерпеть. Самое главное, что проштрафившийся нанизывается на крючок. В приказе чёрным по белому написано: «Проверить работу заместителя межрайпрокурора младшего советника юстиции³ Коваленко В. П. по результатам работы за первый квартал 2000 года». А что изменится за первый квартал? Коммунизм восторжествует в отдельно взятом Острожском районе? Нет таких предпосылок. Так что если через три месяца начальство не сменит гнев на милость, в работе Коваленко вновь будут выявлены недостатки, страшнее прежних. И получит он уже строгий выговор, а то и неполное служебное соответствие. И снова его законтролят проверить по итогам полугодия. В июле с деланным сожалением констатируют – ситуация в положительную сторону не изменилась, и предложат уйти по собственному. В общем, просчитав ситуацию, решил Петрович перевестись в областную прокуратуру, в отдел по поддержанию государственного обвинения.

Саша тряхнул головой, отгоняя рой тягостных мыслей.

«Я никого не подсиживал. Петрович сам ушел. Не надо было Хоттабыча на хрен посылать! А мне предложили, я согласился».

Если отбросить в сторону все самокопания, Саше льстило, что он стоит в пяти минутах от серьезного повышения. Шутка ли, в тридцатник заделаться заместителем прокурора третьего по величине города в области? Следственную работу он любил, но за шесть лет обрыдла она ему конкретно. А как родители обрадовались хорошей новости! Оля тоже однозначно одобрила. Папа ее, Валентин Борисович, стал при гостях громко восхищаться Сашиними успехами, вогнав парня в краску. Продувной Валентин Борисович не преминул прозрачно намекнуть, что, дескать, и он, человек в городе не последний, приложил руку к карьерному росту будущего зятя. Еще в начале ноября Саша сделал предложение Оле, девушка расплакалась и дала согласие.

Динамика, вроде, на всех участках отмечалась положительная, только вот времени катастрофически не хватало. Конец года у прокуратуры и у милиции – самый сенокос. Последние отчаянные попытки делались, чтобы нагнать показатели аналогичного периода прошлого года. Всю неделю Саша уходил с работы не раньше девяти вечера, о выходных забыл. Завтра, тридцать первого декабря, тоже рабочий день, хотя какая может быть работа накануне Нового года...

Но не приходит нельзя, милиционеры заявятся в последний день с карточками⁴ и делами. А шеф уехал к себе в Подмоскowie до третьего числа, сказал: «На отчетах встретимся». Саша остался на хозяйстве. Надо проследить, чтобы в коллективе начали пить хотя бы не с утра, а ближе к обеду. Когда же закупать все к празднику? Завтра в магазинах не протолкнёшься. Хорошо еще, подарок Оле успел купить. Сколько времени, кстати? Блин-компот, опять до половины девятого просидел...

Кораблёв стукнул по выключателю, свет потух, зато заверещал телефон, противней и требовательней, чем обычно. Хорошего от этой трели ждать не приходилось.

² ИВС – изолятор временного содержания.

³ Младший советник юстиции – классный чин сотрудника прокуратуры, соответствующий званию «майор» в других правоохранительных органах.

⁴ «Карточка» – статистический документ о ходе расследования уголовного дела.

«Сниму трубку – сниму проблему», – не сомневался Саша.

От проблем в его должности не убежишь и не спрячешься. Он уже знал, что это не мамка звонит, чтобы поторопить сынулю домой, к вкусному ужину. Когда мамка звонит, трель другая – мелодичная, мурлыкающая.

Не включая света, вернулся к столу, взял трубку.

– Слушаю.

– С наступающим тебя, Александр Михалыч, с наступающим, – зачастил знакомый голос оперативного дежурного по УВД. – У нас тут незадача. Два трупа в машине на Васнецова, десять. У вас кто дежурит? График куда-то подевался, подевался.

– Что за трупы, Андреич? – Оставалась ещё надежда, что трупы некриминальные, что влюбленная парочка задохнулась в гараже, случай распространенный.

– Не знаю, дорогой Александр Михалыч, минуту назад сообщение принял! – Андреич, действующий ветеран, подполковник, только чистого милицейского стажа имевший двадцать семь лет, мог себе позволить разговаривать с и.о. зампрокурора в таком тоне.

Саша и не думал обижаться, отношения у них были полуприяТЕЛЬские. Улица Васнецова находилась рядом, в паре кварталов, он решил подскочить туда сам.

– Винниченко у нас дежурит, Андреич, – сказал Кораблёв. – Не знаю, куда вы график девали, неделю назад вам новый направляли.

– Профессор Винниченко? Бориска? Всё понял, поднимаем. У него городской есть?

– Да. А судмедэксперта подняли?

– Вам первому доложили, – дежурный, отдавая дань новой должности Кораблёва, перешел на «вы». – Сейчас будем судика⁵ поднимать. Если найдем, конечно. Кстати, не знаете, кто дежурит?

– На этой неделе Никульский выезжал. Ему звоните.

– Понял! – Дежурный отключился.

Саша вышел в полутемный коридор, запер кабинет, подергал для верности ручку. Не горим и не тонем. В прокуратуре никого не было, несколько дней подряд он покидал корабль последним. На сигнализацию сдавались только кабинет прокурора и канцелярия. Выйдя из здания через запасной выход, еще пару минут провозился с незапамятных времен заедавшим замком.

Красная «девятка» Кораблёва с приметным, хотя и не блатным номером «858», стояла под окном его кабинета на расчищенном пятачке. Снега в этом году подвалило много, а сегодня ошарашил мороз за двадцать градусов. Ну что же, настоящая русская зима! Не то что в прошлом году, когда вокруг новогодней ёлки хороводы под дождём водили.

Пока прогревался двигатель, Саша выкурил сигарету, прогоняя в голове сценарий завтрашнего дня.

«Приехать пораньше, к половине восьмого. Подписать на выбор пару-тройку простеньких дознавательских дел из общей кучи. Эля напечатает сопроводилочки, увезёт дела в суд. До обеда судейские обещали на месте быть. Пусть хоть маленько менты поутихнут. Достали совсем: “Александр Михайлович, наши дела подписали? А когда подпишете?” Сами нанесли двадцать дел в последние дни. И ведь в каждом, кое-как сляпанном, подлянка. Не хватает ещё, чтоб первые дела, по которым утвержу обвинилочки⁶, прилетели из суда обратно. Та-ак... Потом – в торговый центр и на рынок. Список накидать надо сегодня. Шампанское, водка, колбаса, сыр, мясо хорошее, фрукты... Свечи, свечи не забыть...»

⁵ «Судик» – судебно-медицинский эксперт (проф. сленг).

⁶ «Обвинилочка» – обвинительное заключение по уголовному делу, итоговый процессуальный документ на стадии предварительного расследования (проф. сленг).

Саша встречал Новый год вдвоём с невестой, у неё дома. Будущие тесть с тещей любезно предоставили им квартиру, сказав, что сами будут праздновать в гостях.

Кораблёв приспустил стекло, выбросил в сугроб окурок. Плавно тронулся, выехал на плохо освещенную Советскую улицу. Дорога была скользкой и Саша, несмотря на свой солидный водительский стаж и зимнюю шипованную резину, двигался осторожно. Через два перекрестка на светофоре свернул на Васнецова. Миновал здание краеведческого музея, похожего на заснеженный старинный замок. Дальше дорога шла круто под уклон, к пойме Клязьмы.

«Ну, и где здесь наливают? Ага, во-он меня продавцы полосатых палочек дожидаются».

У торца кирпичного трехэтажного дома, в котором располагался детский клуб «Бригантина», в неоновом пятне фонаря виднелась белая «пятерка» с символикой ГИБДД. Под косым углом к машине «дэпээсников» стояла затонированная ВАЗ-21099 цвета «металлик». Чтобы не создавать толкучки на месте происшествия, Кораблёв проехал во двор и припарковался там.

Приближаясь к «девяносто девятой» разглядел, что лобовое стекло у неё во многих местах повреждено. Вокруг зияющих неровных пробоин мутнели густые паутины трещин, на капоте валялась стеклянная крошка. Надежды на бытовой несчастный случай не оправдались. На улице в машинах люди не задыхаются, только в закрытом гараже. Трупы криминальные. Расстрел! Саша затосковал: ах, как не вовремя...

Близко к «девяносто девятой» он подходить не стал, хотя видел, что снег вокруг неё истоптан. Завидев заинтересовавшегося тачкой молодого, модно прикинутого мужика, из «пятерки» ДПС тяжело вылез громоздкий гаишник в светоотражающем жилете поверх толстой зимней куртки.

– Мужчина, что вам надо? – строго спросил.

Кораблёв шагнул к нему.

– Прокуратура.

– А-а-а, – лейтенант и сам уже узнал Сашу, – следователь приехал.

Кораблёв не стал объяснять гаишнику, что никакой он теперь не следователь, а без пяти минут заместитель прокурора.

Сухо сказал:

– Доложите.

– Чего? – Лейтенант, похоже, воспринимал Кораблёва как заурядного нарушителя ПДД, до сих пор не лишённого прав из-за наличия в кармане прокурорского удостоверения.

Года два назад, что ли, он тормозил Сашу на проспекте, пытался наехать за непристегнутый ремень. Кораблёву гаишник запомнился как не в меру борзый. Фамилия его, кажется, была Бурлаков.

– Доложите, товарищ лейтенант, – не мигая, глядя в припухшие глаза инспектора, повторил Кораблёв.

Гаишник правильно среагировал на официальный тон.

– Это, как его, значит... Нас дежурный сюда послал. «Девяносто девятая» часа два тут стоит. Пацаны вокруг нее крутились местные. А тачка все не уезжает и не уезжает. Кто-то из взрослых вышел, увидел – стекла побиты, подумал на пацанов, позвонил «02». Мы подъехали, внутрь глянули, а там, бляха-муха, два жмура...

– Мужчины?

– Ага, два мужика.

– Данные мальчишек записали?

– Только имена и из каких они квартир... – Лейтенант полез в планшетку.

– С вас обстоятельный рапорт. Прямо сейчас.

– Нам это, как его, на маршрут надо возвращаться... – Инспектор потёр рукой румяную щеку. – Нам дежурный сказал, как приедет опергруппа, сразу можем сниматься. А рапорт мы на сдаче смены в дежурке оставим.

– Где вы видите опергруппу? – Кораблёв с трудом сдерживал раздражение.

«На маршрут им не терпится. Подзаработать им не терпится на Новый год! Зачем им место происшествия по двойному огнестрелу охранять? Тут никто денежку не даст. Все следы затоптали, бегемоты!»

– Гошан, ну чего, едем или где? – Клон лейтенанта, только со старшинским продольным галуном на погоне, приотворив дверь, высунулся на мороз.

Первый инспектор, громко хрустя сапогами по снегу, вернулся к патрульной машине, наклонился к напарнику.

– Подождем ещё... следак выёживается... вломит начальству... – Его не особенно заботило, что прокурорский может услышать.

Саша обошел расстрелянную «девяносто девяную». Не хотелось находиться в компании с «продавцами полосатых палочек», да и зябко на одном месте. Машина стояла «мордой» под уклон, отчего казалось, что кузов ее неестественно задрался кверху.

«Тачка новая совсем. Пошустрей моей, поустойчивее. Что хорошо в “девяносто девятой” – это багажник просторный...»

Кораблёв насчитал на лобовом семь пробоин, одна была как бы сдвоенная. Удивительно, что стекло не обрушилось. Других повреждений на машине Саша не разглядел. В Остроге в последние годы не так часто случалась стрельба, серьезными наработками по этой линии милиция и прокуратура похвастаться не могли.

Поэтому Кораблёв озадачился.

«Почему так много осколков на капоте? Стреляли-то снаружи в лобешник. Хотя, кто его знает, как стекла посыплются, если в лоб зарядить? И смотря из чего...»

Кораблёву не терпелось заглянуть в салон.

«Может, узнаю кто такие. Ну чего там опергруппа никак не доедет?»

Саша был в курсе, что группа в полном составе по мановению волшебной палочки не соберется. Следователя прокуратуры и судебного медика поднимают из дома, убийщиков – тоже. Громыхающий дежурный «УАЗик» совершает сложный маневр по адресам, стараясь выкроить маршрут покороче, чтобы сэкономить на бензине. До конца смены далеко. Ну без убийщиков, положим, можно осмотр начинать, а без следователя – нет. Криминалист, участковый и оперативник вот-вот объявятся, они в СОГе⁷ дежурят.

Кораблёв ещё раз посмотрел на снежную кашу вокруг «девяносто девятой».

«Пацаны топтались, жители, гаишники, “скорая” еще приезжала. Гляну одним глазом? Со стороны водилы злодей все равно не подходил».

Саша приблизился к машине и, едва касаясь ручки, приоткрыл дверку водителя. Из салона пролился проникновенный саундтрек из тарантиновского «Криминального чтива».

– *Girl you'll be a Woman soon...*

Под эту размеренную, романтическую песню танцевала Миа Уолесс, когда они с Винсентом Вегой вернулись из ресторана «Джек Рэббит Слимс» в особняк Марселеса Уолесса. Саша смотрел культовый гангстерский фильм раз двадцать и знал его наизусть.

В салоне ВАЗ-21099 горел верхний свет. Водитель сидел, держась обеими руками за руль, вывернув на подголовнике голову к задним сиденьям. Разглядеть лицо его не представлялось возможным. Второй, находившийся на командирском месте, уткнулся вбок к своей двери. На голове его была круглая кожаная шапочка, отороченная светлым мехом. Сзади мех был грубо вырван, перепачкан красным, черным, серым и желтым, по консистенции похожим на фарш. В черепе на затылке зияла дыра.

Кораблёв также осторожно прикрыл дверь.

⁷ СОГ – следственно-оперативная группа.

«Весёлая картинка, предновогодняя. Ничего не понимаю. Стреляли через лобовое, а попали в затылок».

Саша подошел к гаишникам. Неохватные, в накинутых на шапки капюшонах они стояли около своей «пятерки», наблюдали за действиями прокурорского.

– Да-а-а, – поделился впечатлением от увиденного Кораблёв и повторил. – Да-а-а... Чикаго, блин!

Лейтенант перекатил за щекой жвачку.

– Мы, значит это, со своим дежурным связались. Он посмотрел по базе. Машина зарегистрирована на Калинина Петра Владимировича, шестьдесят восьмого года рождения... Проживает Чехова, семь дробь три, квартира шестьдесят девять...

– Молодцы какие, – искренне сказал Кораблёв.

Инспектор на похвалу не купился.

– Может, отпустите нас все-таки? – Его отличала настойчивость.

– Мужики, чего вы на самом деле? – Кораблёв, учитывая инициативу, проявленную гаишником, стал давить на совесть. – Бросите меня тут одного? Я без формы, на гражданской машине, без оружия.

– Ла-адно, – милостиво изобразил кивок лейтенант.

«Калинин, Калинин... Знакомая фамилия, в голове вертится... Пётр Владимирович, Петруха, Петька... Чего-то знакомое, бандитское...»

Чтобы не стоять без дела, Кораблёв прошел к первому подъезду, у которого караулили две бабушки.

– Здра-авствуйте! – дружелюбно обратился он к ним. – Вы в этом доме живете?

– В этом, в этом, – женщина помоложе, в бордовом пальто с вылезшим нутриевым воротником, пошла на контакт. – А чего случилось-то? Говорят, убили. Кого убили-то?

– Разберемся. Может, несчастный случай. – Резона пугать пожилых людей не имелось, они могли полностью замкнуться.

Выяснив у женщин имена-отчества, Кораблёв поговорил с ними и узнал, что живут они тут с постройки дома, с шестьдесят второго года. Сами ничегошеньки не видели. Окна у обеих выходят во двор и на улицу Васнецова. Подозрительного шума или грохота не слышали. Один из гулявших пацанчиков, Димка, оказался внуком Лидии Матвеевны, – той, что в бордовом пальто. Она была из пятой квартиры. В настоящее время мальчик находился дома.

– Насилу загнала его, с утра блондится! Да чего он, шелапут, запомнить-то мог? Дневник ноне принес, одни тройки за четверть! – Прожившая жизнь русская женщина Лидия Матвеевна не хотела втягивать единственного внука в милицейские разборки.

«Поквартирный обход нужен самый качественный. Дом на отшибе стоит, дальше частный сектор, потом пойма, река... тупик. В доме два подъезда, три этажа. Это если три квартиры на этаже – сколько получится? Всего восемнадцать квартир в доме, минус клуб “Бригантина”. Кстати, как он на буднях работает?»

Лидия Матвеевна сообщила обходительному молодому человеку еще одну ценную информацию. Оказалось, что по соседству с ней в восьмой квартире живет участковый милиционер по имени Николай.

«Вот повезло, в доме, около которого заделали двойное убийство, сотрудник проживает. Да он здесь каждую собаку обязан знать. Кто к кому приезжает, кто кого навещает. Только почему он до сих пор не вышел? Не знает, что под носом у него побоище? Лидия Матвеевна с Таисией Прокопьевной знают, а он – ни бум-бум? Надо поторопить».

Кораблёв поднялся на третий этаж и остановился перед обитой рейкой дверью с привинченной металлической цифрой «б». На кнопку звонка пришлось нажимать много раз, никто не походил. Хотя люди в квартире находились. Громко играла музыка, ещё громче лаяла собака.

«О-о-о, как басисто гавкает!» – Саша на всякий случай сделал шаг назад.

Наконец дверь открылась. В проёме стоял участковый инспектор Кладов в тренировочных и линялой футболке с растянутым воротом.

– Здравствуйте, – удивился он при виде сотрудника прокуратуры на своём пороге.

– Николай, а вы почему до сих пор дома?

Кладов облизнул красные мокрые губы и пожал костлявыми плечами.

– А чё случилось?

Похоже, он и в самом деле не ведал о случившемся. Кораблёв в трёх предложениях ввел его в курс дела.

– Надевайте форму, выходите во двор, подключайтесь к своим. Сейчас сюда много народу нагонят.

Кладов слушал, полуоткрыв рот, отчего в совокупности с расслабленными лицевыми мышцами выражение его лица казалось неумным.

«Чудной он какой-то, – подумал Кораблёв. – Вроде не пьяный, не пахнет от него».

– У вас телефон в квартире есть?

Простой вопрос вызвал у хозяина заминку.

– Е-есть.

– Разрешите позвонить.

– Пожалуйста.

Кладов уступил дорогу, пропуская Сашу внутрь квартиры. Как только они поменялись местами, Кораблёву на грудь передними лапами взлетела псина. Лохматая, бело-рыжая узкая морда тянулась вперед, мелькнул вываленный розовый язык. Саша выставил вперёд руки, отстраняя собаку, норовившую лизнуть его в лицо.

– Извините! – Хозяин с усилием потащил собаку за ошейник из прихожей.

Телефон находился на полочке, привинченной к стене. Набирая известный только посвященным городской номер дежурной части (по «02» вечером не дозвонишься), Кораблёв огляделся. Дверь в ванную комнату была полуоткрыта. На дне ванной стояла алюминиевая молочная фляга емкостью тридцать восемь литров, по боку которой струилась вода из крана. Тесный коридорчик был заставлен множеством больших жестяных банок с наклейками «Томатная паста». Несколько пустых жестянок хищно шерились неровно обрезанными краями.

«Зачем ему столько пасты?»

– Милиция, – на третьем гудке в трубке отозвались.

– Это Кораблёв, прокуратура. Я на Васнецова уже полчаса как пляшу. Где группа?

– Александр Михалыч, золотой мой, всех собрал. Судика долго искали, в гостях судик зависал, из гостей забирали! – Энергия так и пёрла из Андреича. – Саша, там реально двойное убийство? Не напутали ничего доблестные наши сотрудники ГИБДД?

– Все так.

– Значит, правильно я начальника поднял, в область доложил и план «Сирена»⁸ ввел. Все, дорогой, через пять минут группа у тебя будет. Удачи!

Участковый, не проявляя намерений экипироваться в присвоенную ему форму одежды, умильно наблюдал за деятельным Кораблёвым.

– Выходите поскорее, – Саша мотнул головой в сторону лестничной площадки и покинул квартиру.

На улице уже курили прибывшие техник-криминалист Гурьева Лариса, старший участковый Муравьев и малознакомый Кораблёву оперативник по линии антиквариата Савченко. Эта группа была доставлена на «дежурке» из здания УВД, с Ворошилова. Подлётное время

⁸ План «Сирена» – комплекс экстренных мероприятий, проводящийся наружными и оперативными службами милиции при вооруженных ограблениях, убийствах и других ЧП.

заняло не меньше тридцати минут. Можно было пешком пройти туда и обратно, причём прогулочным шагом.

«Криминалист не ахти попался. Лариска по жизни сонная. Никогда никаких следов не находит. Опер – не зональный, народа здешнего не знает. Только на “сходи-опроси” пригоден. Вот участковый добросовестный, старая гвардия».

– Юрий Анатольевич, это ведь ваша территория? – стацив перчатку, Кораблёв протянул руку Муравьеву.

Тот, прежде чем ответить на рукопожатие, приложил ладонь к срезу зимней шапки и представился по форме:

– Старший участковый инспектор майор милиции Муравьев.

Он делал так каждый раз, когда встречался с Кораблёвым или с другим сотрудником прокуратуры. То ли прикалывался, то ли страховался на всякий случай.

Заданный ему вопрос Муравьев за козырянием мимо ушей не пропустил.

– Участок не мой, Лазутина участок, он на сессии. А зона ага, моя. А вы теперь заместитель прокурора?

Последнюю фразу майор произнес вполголоса, чтобы не услышали остальные.

– Исполняю обязанности! – Саша сделал жест рукой, обозначающий, что ничего еще с его замством не решено, и вообще, сейчас не время обсуждать кадровые вопросы.

Вводя милиционеров в курс дела, он предложил Муравьеву и Савченко не мешкая приступить к поквартирному обходу.

– Сейчас уже почти половина десятого. Скоро люди спать лягут, многие просто дверь не откроют. Нас интересует в первую очередь «девяносто девятая». Приезжала ли раньше? К кому? Когда? Кто на ней ездил? Видели ли ее сегодня? Во сколько? В каждом адресе выясняйте данные всех проживающих. Кого сегодня нет, когда отсутствующие появятся. Потом все равно повторно обходить.

Оперуполномоченный Савченко, на вид Сашин ровесник, коренастый, с крепкими скулами, быстроглазый, слушал снисходительно. Во взгляде его читалось: «Кого ты, червь кабинетный, учишь как с людьми разговаривать».

– В общем, я в первый подъезд иду, а ты, Алексей, во второй, – распределил объекты Муравьев.

На секунду майор задумался и просиял вдруг.

– А ведь тут, – он посчитал по окнам, – на третьем этаже сотрудник наш живет, Коля Кладов.

– Во-во, – кивнул Кораблёв, – заодно его поторопите, Юрий Анатольевич. Я уже был у него в гостях и все объяснил.

Муравьев скрылся в ближнем подъезде. Оперативник Савченко вразвалочку двинулся к дальнему, на ходу закуривая. Вот-вот на место должно было нагрянуть большое милицейское начальство. Не исключалось, что ему нарежут другую задачу. Зачем, спрашивается, делать ненужную работу? У розыска свои боссы.

Саша занялся криминалистом.

– Лариса, пока тут столпотворения нет, сделайте, пожалуйста, хорошую панорамную съемку. Во-он с той точки...

– Только у меня мало плёнки, двенадцать кадров всего, – сразу обозначила свой потенциал Гурьева.

Как всегда – работать еще не начали, а проблемы уже нарисовались.

2

30 декабря 1999 года. Четверг.

21.00 час. – 21.45 час.

– Кто-то нагрешил сильно, а, Вадим? – начальник милиции Сомов, кряхтя, уселся впол-оборота к Птицыну.

– Я за собой ничего не чувствую, Евгений Николаевич, – исполняющий обязанности начальника КМ⁹ отозвался в тон.

Сообщение об обнаружении двух криминальных трупов отвлекло Сомова и Птицына от душевной предновогодней посиделки в узком мужском кругу. На троих не одолели ещё и бутылки «Каспия». Принимавшая сторона, предприниматель Савельев, друг и бессменный спонсор городской милиции, запротестовал против скоропалительного отъезда гостей.

– Евгений Николаевич! Вадим Львович! Неужели без вас не разберутся? Есть, наверное, кто помоложе, кому руку надо набивать?

С сожалением взирая на богато сервированный стол, Сомов вздохнул и замотал коротко стриженной седой головой.

– Нет, Лён, это всё равно что жене в койку дублёра отправить. Давайте, мужики, по одной на ход ноги, и мы помчались.

– Может, вернётесь через часик? Я подожду. – Огорчённое выражение лица придавало русому великану Савельеву сходство с ребенком.

– Часом не обойдемся. – Сомов поднял наполненную рюмку. – Давайте, чтоб нам сегодня подфартило.

Водитель начмила уложил в багажник «Волги» объёмистые пакеты с новогодними подарками, собранные Савельичем для семей Сомова и Птицына. Гости обнялись с радушным хозяином, пообещали в праздники обязательно созвониться и уселись в машину. Начальник УВД – на законное командирское место, и.о. начальника КМ – на сиденье за водителем. Разместиться позади Сомова было невозможно, он всегда до отказа отодвигал своё кресло.

Начальник милиции, поднеся ко рту тангенту автомобильной рации, вытаскивал из дежурного максимум информации о происшествии.

– Личность водителя предварительно установили, тащ полковник, – сквозь треск помех частил Андреич, – Калинин Пётр Владимирович... кх...кх... шестьдесят восьмого года, судимый по статьям... кх... освобожден по сроку...

Сомов поинтересовался, какие силы задействовала дежурная часть по особо тяжкому преступлению.

Выслушав доклад, оценил работу:

– Недостаточно. Оперативников поднимай всех, кроме заступающих на Новый год. Участковых начальник МОБ¹⁰ пусть десятерых выставит.

– МРО¹¹ пускай тоже в полном составе поднимают, – придвинулся вперед Птицын.

– Слышал? Убойщиков всех – на место! РУБОП¹² уведомил?

– Они уже там, тащ полковник... Давыдов, Комаров, кх...

– Собаку доставили?

– Послали за кинологом, тащ полковник...

⁹ КМ – криминальная милиция.

¹⁰ МОБ – милиция общественной безопасности.

¹¹ МРО – межрегиональный отдел по раскрытию убийств.

¹² РУБОП – региональное управление по борьбе с организованной преступностью.

– Ладно, действуй, не мне тебя учить, Андрей Андреевич. Конец связи! – Сомов щелкнул переключателем.

Впереди за стеклом, в рассекаемом голубым пучком галогеновых фар мраке, косо летел снег. Мелькали оранжевые катафоты на полосатых столбиках ограждения, повторявших изгиб шоссе. От загородной резиденции Савельича до города было не более тридцати километров. Шли под сотню, встречных машин попадалось мало.

Сомов, умиротворенный хорошим дагестанским коньяком, пока не проникся горечью гостинца, преподнесенного острожской милиции дедушкой Морозом. Наоборот, начальник УВД бодрился – разберемся, в первый раз, что ли, замужем. Хотя, объективности ради, следовало признать, что большинство бандитских огнестрелов конца восьмидесятых так и осталось глухими. В ту пору Сомов работал в должности заместителя начальника ГОВД по оперативной работе, тогда в Остроге не управление было, горотдел. И криминальную милицию тоже еще не изобрели, все работали на один результат. Но в те времена наверху с пониманием относились к тому, что некоторые убийства оставались нераскрытыми. А сейчас всю плешь бугры проедят, на заслушивания замучаешься кататься, работать времени не останется.

А работать реально есть над чем. По раскрываемости район находился на предпоследнем месте в области, опережая лишь подмосковный Григорьевск. Но на Григорьевск бугры уже махнули рукой, там безвыходная ситуация сложилась. Сто километров до столицы, все вменяемые сотрудники сбегают в Москву, где милиционер за ту же работу получает в три раза больше. В Остроге же имелся свой национальный колорит. Традиционно в городе проживало много судимых. Может, название тому способствовало. Высок был процент безработицы. Дела на градообразующем предприятии, механическом заводе, второй год шли неважно. Через раз дышали и другие оборонные заводы, за счет которых Острог расцвел в брежневские времена. На грани банкротства стоял экскаваторный завод, пионер отечественного экскаваторостроения. А нет работы – люди от отчаянья и безделья пьют по-чёрному, о будущем не думают, безобразничают. Резко скакнули вверх уличные грабежи. Заметно подросло и количество разбоев. Зашкаливает число квалифицированных краж: из квартир, из дач, из садовых домиков. Общая раскрываемость преступлений по городу и району чуть больше пятидесяти процентов составила. А ведь десять лет назад под девяносто держали. Газетчики, а за ними политики кричат – укрывала милиция преступность, за счёт этого и создавала хороший показатель.

Ни хрена! Просто ерунду всякую не возбуждали, лишнюю работу не делали. Украли, к примеру, в подсобном хозяйстве механического завода из бытовки два бэушных ведра и совковую лопату. Ущерб, с учетом износа, составил пятьдесят рублей. Предприятие безо всякого нажима дает справку: ущерб для нас малозначителен. Не тревожьте нас, товарищи милиционеры, мы спишем эти ведра несчастные. Не таскайте наших сотрудников, не отвлекайте от работы. Заявили потому, что так положено, справочку из органа внутренних дел надо, чтобы малооценку по бухгалтерии списать.

Но нам доводы разума – по барабану! Мы, возбуждаем уголовное дело, потому что кража чужого имущества из иного хранилища совершена, а стоимость похищенного роли не играет. И вот получи дело, которое надо обрабатывать. Никогда его не раскроешь! Никто от этого злодеяния не пострадал. Ну давайте, господа хорошие, не будем силы отвлекать на ерунду, давайте будем по реально опасным преступлениям работать! В конце сентября десять дел вот таких областная прокуратура возбудила из отказных материалов. Где двести пятьдесят, где четыреста рублей ущерб. С помпой возбудила, как укрытые от учёта. А по каждому такому факту нужно служебную проверку провести, кучу бумаг собрать, мотивированное заключение написать, приказ о наказании сочинить. Ездил с этими делами в управление, там один совет дали – налаживай отношения с прокурором. Поехал в областную прокуратуру, челом бил, зачем сразу десять возбуждать, давайте пятью ограничимся, пятёрка – отметка хорошая. Там молодые перспективные ребята в аккуратных синих мундирчиках морды кирпичом сделали. Отвечают как

по писаному: сейчас другие времена наступили, честные. Да-а, времена действительно пришли новые. Профессионалов становится все меньше, все как флюгеры вертятся, начальству в рот смотрят. Под конец разговора в прокуратуре области разгорячился. Заявил, давайте объективности ради по всем районам такую хрень возбуждать. Чего только в Остроге? Перспективные ребята ответствовали – извините, Евгений Николаевич, у нас очень много работы, к коллегии готовимся по вопросу соблюдения конституционных прав граждан на стадии уголовного судопроизводства. Так и уехал несолоно хлебавши.

Получается, прокуроры меж собой дерутся, а у ментов последние вихры трясутся. Ну надо вам своего сотрудника приструнить, ваше право. Но зачем же милицию бедную кошмарить? А вообще, спокойней надо относиться к происходящему, не мальчишка давно, сорок семь годков за плечами. Забыл народную мудрость: «Все болезни от нервов, только триппер – от удовольствия».

По личному составу еще проблем накатило. Ну ладно, за этого подсвинка Проскурина поделом. Хотя район к следственному отделу косвенное отношение имеет, следователей на службу область принимает. С себя вины не снимаем, проглядели взяточника. Работу с личным составом будем усиливать. А вот с оперативником Рязанцевым – беспредел в чистом виде. Парень задерживал бандитов за вымогательство, применил физическую силу в полном соответствии с законом «О милиции». Превышением служебными полномочиями там и не пахнет. А ведь скоро три месяца, как мальчишку под стражей держат. И закрыли-то сыщика в День уголовного розыска! Когда такое было?! Кто-то обнадеживает, мол, оправдают Рязанцева, мол, нет там состава преступления. Слабо в это верится. Раз попал в жернова – перемелют они за милую душу в труху. Но склонять парня к увольнению по собственному желанию Сомов не стал. Раз закон нынче разрешает милиционера только после решения суда увольнять, пусть всё будет по закону. Какая разница? Если осудят Рязанцева, в органах ему все равно не работать. Выслуги у него нет, так что пенсии в случае увольнения по отрицательным мотивам не лишится.

Все это проделки нового прокурора, Треля Олега Андреевича. Сомов на своем веку посмотрелся в Остроге на разных прокуроров, нравы и обычаи этой гонористой братии знает. Система так построена, что вся раскрываемость завязана на прокуратуре. Преступление раскрытым считается лишь после того, как товарищ прокурор обвинительное заключение по направляемому в суд делу утвердит и статкарточку формы «один-один» подпишет. Можно, конечно, ответку дать прокурорским за Рязанцева. Пьяненькие они по городу ездят и по кабакам, случается, озорничают. Но возни много, неприкосновенность у них опять же, надо все ювелирно делать, а кадры сейчас не те в милиции. А какого результата добьешься? Прокурора за то, что его подчиненного пьяного за рулем задокументировали, с работы не снимут. Наказать – накажут, а он только злее станет. У наших структур эффективность разная. Ментам надо вдесятером тужиться, чтобы кирпич на сантиметр сдвинуть, а прокурор мизинцем шевельнет, и камнепад на фуражки с красными околышами посыплется.

Ладно, понадеемся, что новый прокурор Трель проходит стадию самоутверждения. Руководствуясь при этом принципом, что сначала надо сжать за горло, а потом отпустить, иначе уважения не добьешься. Горячку пороть не станем, но и спиной к этому вундеркинду поворачиваться поостережемся.

О пенсии задумываться еще рано. До пятидесяти лет, по крайней мере. Предстоит еще дочку на ноги поставить, она только на втором курсе учится. Достойную работу ей найти, замуж за хорошего человека выдать, с жильем молодым помочь. Да и свой квартирный вопрос надо до ума довести. После покупки новой квартиры в долгах увяз по самые уши. Савелий, понятное дело, подождет, а вот перед вторым кредитором ох, как не хочется долго в должниках ходить. Дернул же лукавый занимать у жучары Катаева! Такие надежды строил на «тринадцатую» зар-

плату по концу года, хотел из нее пять тысяч вернуть, ан в связи со всеми приключениями одни корешки от «тринадцатой» остались.

– Ну чего, Валер, доехали с божьей помощью. – Начальник милиции разглядывал освещенный участок возле детского клуба на улице Васнецова, на котором в столь поздний час собралось много народу и транспортных средств. – Встань где-нибудь в сторонке.

3

30 декабря 1999 года. Четверг.

21.45 час. – 22.15 час.

Поднятый на ночь глядя по тревоге служивый люд мёрз в ожидании руководства. Делом занимались только следователь прокуратуры Винниченко и Саша Кораблёв, помогавший коллеге советами, в какой последовательности рациональнее начать осмотр места происшествия.

Оперативники и участковые сбились в несколько кучек, над каждой вились клубы морозного белого пара, подсиненного табачным дымком. Милиционеры притаптывали ногами, толкались, чтобы не заоченеть. В одной из групп травил анекдоты оперуполномоченный Савченко, проигнорировавший требование Кораблёва обходить квартиры второго подъезда. Саша заметил это, но устраивать разборательство не счёл нужным.

Завидев серебристую каракулевую шапку начальника УВД, милиционеры приутихли и подтянулись. Сомов и Птицын подошли к расстрелянной «девяносто девятой».

– Привет, Саш, – полковник по-свойски хлопнул Кораблёва по плечу, протянул руку. – Да не снимай перчатку, стужа-то какая.

– Внутри можно глянуть? – Птицын не здоровался с Кораблёвым, днём они виделись в милиции.

– Можно.

И.о. начальника криминальной двумя пальцами снизу подцепил ручку двери, потянул на себя. Пригнувшись, заглянул на минуту внутрь, затем уступил место Сомову.

Тот разглядывал убитых долго. Когда повернулся, лицо у него было перекопившееся, как будто он разжевал горькую таблетку.

– Кто второй, Вадим Львович? Физиономии не видно.

Ответ последовал не сразу.

– По всей видимости, Рома Зябликов. Он после освобождения плотно с Петрухой кентовался. Всю дорогу вместе.

– Если это они, тема в принципе понятна... – Начальник милиции еще больше посмурнел. – Поганая тема.

– Сложно будет, – согласился Птицын.

Кораблёв, хорошо зная привычку оперативников напускать тумана, все равно поинтересовался:

– Есть информация, Евгений Николаевич?

– Только предположения, Саша, пока только предположения, – Сомов продемонстрировал нежелание откровенничать.

– Просветите, кто хоть они такие. Это не секрет, надеюсь?

– Серьезные бандиты, – пояснил Птицын, – из спортсменов, из борцов в большинстве... В восемьдесят восьмом году орудовали. Стандартный перечень услуг: вымогательства, грабежи, разбои... Дерзкие парни. На «Текстильщике» столкнулись лбами с судимыми, получился конфликт. Спортсменов больше было, они сильнее, наглее. Двоих «синих» грохнули и закопали на свалке в Ащеринском карьере. После убийства их группой занялись плотно. Областная прокуратура расследовала, сопровождение наше в основном было. Область тоже помогала... Красивое дело получилось, групповое, на семь человек. Калинин, Зябликов, Пандус, два брата Жидких, Рубайло и Смоленцев... Десятка два эпизодов им доказали. Судил их областной суд, полгода процесс шел. Это было... было это в восемьдесят девятом году. Сроки им впаляли неплохие. Не меньше чем по червонцу на рыло... Вру, Смоленцеву – семёру дали, он самый вменяемый, кстати, был. Младший Жидких раскрутился в колонии, сидит еще. А остальные вышли. Кто в этом году, кто в прошлом.

– И чего, облсуд за двойное убийство всего червонец дал? – усомнился Саша. Птицын посмотрел на Сомова, тот разрешающе кивнул.

– Там, Александр Михайлович, восьмой участник группировки был. На него в суде все стрелки по убийству перевели. Он до сих пор в бегах. Петрухи Калинина брат родной, Мишка. Гаишник.

– До сих пор бегают? Больше десяти лет?

– Ладно, время у нас еще будет, версий навывдвигаем, насудачимся до хрипоты, – начальник милиции прервал разговор. – Пошли к народу. Народ без дела простаивает, а время идет.

– Замерзли, хлопцы? – весело спросил Сомов, приближаясь к подчиненным.

– Надо по сто пятьдесят гвардейских выдать для сугреву, товарищ полковник, – потирая хрящеватый нос, предложил долговязый чернявый оперативник розыскного отделения Муратов.

Все дружно заржали, облако морозного пара окутало милиционеров.

– А ты, Лева, разве не успел за ужином? – поддержал парней начальник милиции.

Цепко оглядел присутствовавших.

– С розыска семерых вижу. Сан Саныч, чего так мало?

Начальник уголовного розыска Борзов, человек с говорящей фамилией, фанат провинциального сыска, за словом в карман камуфлированной куртки не полез.

– Маштаков, Калёнов утром заступают на сутки. По вашему распоряжению, товарищ полковник, я их не тронул. Малов с Петровым – в отпуске, Сметанкин, Кобылянский – на сессии, Титов после суток. Рязанцев – в учреждении ИК-1. Две вакансии. Майор Борзов доклад закончил.

Кораблёв при упоминании фамилии Рязанцева повел шеей, как будто ему за воротник попала труха. Камень, брошенный начальником розыска в его огород, достиг цели.

– От МРО почему один человек? – Птицын обратился к старшему группы по раскрытию убийств Сутулову.

Тот затрепетал, у подразделения областного подчинения были непростые отношения с территориальной криминальной милицией. Каждый считал, что другой выезжает на его горбу.

– Ко...Ковальчук на б-боль...больничном... В-ва...Валеру не нашли... А ч-че такого? Д-дежурю я...

– Какое дежурство, Владимир Борисович? – Птицын вскипел. – Чего ты говоришь? Двойное убийство, огнестрел... Ваша линия, вам ОПД¹³ заводить. На такие убийства вы в полном составе обязаны выезжать.

– Потом разберемся! – Сомов перешел к пересчету участковых. – Пять штыков. Негусто. Смирнов, где еще столько же?

Замначальника службы участковых, маленький, похожий на оголодавшего птенца капитан ответил, что подняли всех кого можно.

– Товарищ полковник, мы двенадцать человек выставляем завтра вечером в усиление к наружным службам на уличные елки. У нас ещё Муравьев Юрий Анатольич здесь, он квартиры обходит.

– Ладно, давайте распределимся... – Мороз заставил начальника УВД поднять воротник куртки. – Участковые на обход. Двое – по частному сектору, остальные – шагом марш в десятый дом. Время позднее, граждане спать ложатся. Смирнов, ставьте подчиненным конкретные задачи. Чего розыску нарежем, Вадим Львович?

Прежде чем высказаться, Птицын обернулся к Борзову.

– Сколько у нас транспорта?

¹³ ОПД – оперативно-поисковое дело, заводится сотрудниками уголовного розыска по нераскрытым тяжким и особо тяжким преступлениям.

– Наша «Нива» и «дежурка».

– Полагаю, Евгений Николаевич, направить группу во главе с Сутуловым по адресам убиенных. Зябликов с женой жил, Калинин – с родителями. Выяснить, куда они сегодня уехали, с кем, какие проблемы у них были. Понятно, Владимир Борисович?

– О т-том, что и-и... их г-грохнули, р-родне г-говорить? – уточнил Сутулов.

Птицын ответил не задумываясь, для него вопрос был ясен.

– Придется сказать. Если скрывать, они вообще ничего не расскажут. Учёные... А так, на эмоциях, может, чем и поделятся. Вы едете на «Ниве». Вторую группу пошлем в рейд по адресам членов ОПГ¹⁴. Сан Саныч, старший ты. В список включай Клыча, Рога, Жидких, Пандуса, Рубайло... Кто из них будет на месте, везите в отдел. Кого нет – опрашивайте соседей, когда последний раз видели, с кем... По крайней мере, какие-то ориентиры по горячему наметим, кто где был ночью сразу после убийства. Легче будет потом алиби проверять. Сбор у меня в кабинете в двадцать четыре. Или у вас соберемся, Евгений Николаевич?

Сомов отогнул рукав форменной куртки, посмотрел на часы, что-то прикинул.

– Давай у меня.

– Все, мужики, по коням! – И.о. начальника КМ проследил, чтобы оперативники не предотварили отъезд перекурком.

Кораблёв про себя одобрил план первоначальных действий. Поделился своими сомнениями.

– Евгений Николаевич, криминалист у нас слабоват. На такой осмотр нужен человек поопытнее.

Сомов глянул на Гурьеву, охранявшую свой тяжелый пластмассовый чемодан.

– Согласен. Вадим Львович, сходи, пожалуйста, в мою машину, передай по рации дежурному, чтобы подняли начальника ЭКО¹⁵.

Птицын удалился, а Сомов спросил у Кораблёва:

– Тебя, Саша, с повышением можно поздравить? Коваленко уходит, тебя – заместителем назначают.

– Преждевременно, Евгений Николаевич... – Кораблёву надоел этот вопрос, всеми задаваемый, но отвечать приходилось.

– Шеф-то твой в городе?

– Домой уехал на Новый год.

– Значит, ты прокуроришь? Молодца! – Начальник УВД одобрительно улыбался.

Тяжелый, с округлыми формами и тугим загривком, он походил на откормленного кота, хозяйкиного любимца. Саша знал, что у этого кошака острые когти.

Со стороны краеведческого музея шустро подкатила и лихо затормозила, кивнув длинной антенной, зелёная «шестерка» с тонированными стеклами. Из тесного авто осторожно выбрался начальник РУБОПа Давыдов.

– Здравия желаю! – До двух метров рубоповец не дорос совсем немного.

– Долго едешь, Денис, – с укоризной сказал Сомов. – Клиентура-то чисто твоя.

– С человеком встречался, товарищ полковник, – объяснил Давыдов.

– По этой теме?

– Так точно. Мы глянем на пострадавших, а то я только со слов знаю.

– Посмотри, Денис, хорошенько посмотри.

Давыдов и приехавший с ним старший опер Паша Комаров, смуглый, похожий на югославского артиста Гойко Митича, исполнителя роли индейца Чингачгука, прошагали к «девяносто девятой».

¹⁴ ОПГ – организованная преступная группировка.

¹⁵ ЭКО – экспертно-криминалистический отдел милиции.

Вернувшись через пару минут, начальник РУБОПа высказался.

– Жуть. За что же с хорошими ребятами так обошлись?

В его интонации присутствовало все, кроме сочувствия.

– Денис, второй труп – точно Зябликов?

– Собственной персоной, Евгений Николаевич. Я с ним пять лет в одной секции занимался.

Кораблёв озвучил свои умозаключения относительно того, что убийца находился в салоне на заднем сиденье, откуда и открыл огонь на поражение.

Первой реакцией Сомова оказалось сомнение:

– Чего они, дураки, что ли, киллера себе за спину пускать?

Тогда Саша обратил внимание на характерный разброс осколков лобового стекла на капоте и на расположение ран на обоих трупах.

– Хм, а что? Логично Александр Михайлович рассуждает, – пробасил Давыдов. – Они злодею доверяли, потому и затылки подставили.

По недосказанности чувствовалось, что рубоповец обладает некоей информацией.

– Товарищ полковник, разрешите вас на пару слов, – подтверждая предположения Кораблёва, Давыдов, деликатно коснувшись локтя начальника УВД, отвел его в сторону.

Надо понимать, для обмена секретами, не предназначенными для прокурорских ушей.

Подошедший Птицын сообщил Саше, что за начальником ЭКО Айвазяном он машину послал, и еще – что его срочно зовет на помощь следователь. Винниченко, у которого зуб на зуб не попадал, находился в замешательстве. На сильном морозе отказывались служить по назначению и шариковая и гелиевая ручки. Попытки писать карандашом на листке, положенном на «дипломат», к положительным результатам не приводили. Грифель карандаша протыкал и рвал бумагу, оставляя бледные неразборчивые каракули. Леденящие порывы ветра вырывали из рук разлинованный бланк протокола. Вдобавок у Бори были огромные перчатки, похожие на мотоциклетные краги, не предназначенные для канцелярских занятий.

– Что делать будем, Сашк? – шмыгая носом, спросил Винниченко. – Как протокол, Сашк, писать?

Следователь не воспринимал Кораблёва как начальника не столько из-за того, что отработал в прокуратуре на три года больше, а по причине особенностей своего характера. Такими в фильмах изображают чудиков. Не напрасно острые на язык менты наделили Борю прозвищем «чокнутый профессор» и еще вторым, неприличным.

– Наговори на диктофон, потом расшифруешь, – предложил Саша.

Если бы все было так просто.

– У меня батарейки сели, – сказал Боря, – да и диктофон дома... «Сломанный», – мысленно закончил за него фразу Кораблёв.

А вслух сказал:

– Чего делать?! Пиши как сможешь на черновике, с утра в кабинете перепечатаешь. Понятых вызовешь, они тебе подпишут.

– Это все я понимаю... – Винниченко поднял руку и шевельнул перед Сашиним лицом неуклюжими кожаными пальцами своей краги. – Как салон осматривать? Я задубел весь, как пингвин на полюсе.

Кораблёв и сам уже плохо ощущал ноги, ступни буквально прожигало через подошвы. Не спасала отбиваемая на льду чечетка.

– Чего, Сань, холодно? – спросил Птицын.

Его до сих пор грел изнутри коньячок, употребленный в резиденции Савельича. Выслушав сомнения Кораблёва насчет возможности продолжения важнейшего процессуального действия в столь экстремальных условиях, и.о. начальника криминальной милиции моментально нашел выход. Вообще, сегодня ему удавалось колоть вопросы, как орехи.

– Какие проблемы? Сейчас озадачу начальника ГИБДД, пусть организует сюда эвакуатор. Отвезем тачку в теплый бокс в автоколонну. Там осматривайте себе на здоровье. Годится?

– Спасибо, Вадим Львович.

Отзвонившись, Птицын коснулся пальцем Сашиной груди.

– В чём ты испачкался?

Кораблёв скосил глаза и увидел на самом видном месте новой турецкой дубленки мутные вензеля. Торопливо стащил перчатку и поковырял ногтем – ледышки какие-то... Чего это такое на самом деле? Ах ты, скотина... Это же участкового Кладова псина напускала ему слюней на дубленку, а на морозе они в один момент схватились. Испоганила сучка такую дорогую вещь!

Саша, весь на эмоциях, пересказал Птицыну историю про участкового и его собаку.

– Лохматая такая, белая с рыжим, здоровая... Как эта порода называется? Еще фильм был детский, многосерийный... Лэсси, Лэсси!

– Порода называется «колли», – подсказал и.о. начальника КМ и дал Кораблёву совет не колупать сейчас дубленку, а дома, в тепле дать отойти и чистой щеточкой осторожно отчистить.

Саша соглашался, что так будет разумнее, но ходить чмошником было не в его правилах, и он никак не мог успокоиться.

– Еще у него, у участкового, вся квартира заставлена банками с томатной пастой, а в ванной – молочная фляга... Зачем ему, Львович, столько томатной пасты?

– Самогонку он из нее гонит на продажу, – нейтрально ответил Птицын, провожая взглядом резко сорвавшуюся с места рубоповскую «шестёрку». – Ах, Дениска, ах, гонщик! Полетел куда-то. Будем надеяться, что за результатом...

4

30 декабря 1999 года. Четверг.

22.45 час. – 23.30 час.

Тревожно было на душе уважаемого в определенных кругах человека, Калачёва Владимира Дементьевича. Молодая жена давно уложила ребенка, сама удалилась в спальную, а Клыч не находил себе места. Настроение совсем не походило на предпраздничное, хотя этот Новый год, в отличие от двух предыдущих и многих прошлых, ему подфартило встречать на свободе. Вроде, и нет достаточных причин для беспокойства, проблемы, обозначившиеся в последние месяцы, успешно решены. Причём так, что комар жала не подточит. Но всё равно неопределенность корёжила. Правильно мудрость народная говорит: хуже нет ждать и догонять.

Клыч достал из холодильника бутылку водки. За ужином он причастился, но уже одиннадцать вечера скоро, действие снадобья закончилось, требовалось ещё. Клыч взвесил в руке матовую литровку «Абсолюта», прикидывая, а стоит ли: завтра – долгий хлопотный день, праздничный вечер, новогодняя ночь.

«Рюмаху махну, а то не усну», – определился.

Понимал, впрочем, что не сможет заснуть и после рюмахи. Когда на таком нерве, литр надо засосать, чтобы отрубиться.

Из своих сорока трех лет Калачев, если все ходки¹⁶ сплусовать, отмантулил восемнадцать с половиной. Первый срок два года тянул по малолетке за «хулиганство», по «двести шестой», второй части. Потом сажали за грабеж, статья «сто сорок пятая», тоже часть вторая. Четыре года граждане судьи преподнесли. Был по жизни Клыч парнем правильным и дерзким, потому ходил в зоне в уважухе. Когда откинулся, немало уже людей с ним считалось, особенно на родимом «Текстильщике». Но столкнулись они лбами с Чесноком, тот никого не хотел праздновать. В ту пору еще не водилось слова «авторитет», говорили – «блатной» или «жулик». Конфликт случился на одной веселой хавире. Чеснок по беспределу наехал на Клыча, фуфелом обозвал. Оба были хорошо на кочерге, но Чеснок – кривее. В хате, кроме них, еще люди присутствовали. Если бы смолчал Клыч и утёрся, опарафинился¹⁷ бы по полной. В общем, припорол он Чеснока. Приняли Клыча наутро, похмельного, ни хрена не соображавшего. Люди в хате, перед которыми Клыч парафиниться не пожелал, с лёгким сердцем ввалили его мусорам, не задумались. За убийство по «сто третьей» статье навесили Клычу восемь лет как рецидивисту. Чалился он на «шестерке», откуда вышел по сроку. По тогдашним понятиям в падлу было идти «козлиной тропой» на УДО¹⁸.

Когда освободился в начале девяносто второго, не узнал страны и родного города Острога. Советская власть вдруг в одночасье кончилась, восторжествовала демократия. Работать отныне стало необязательно, даже сто раз судимому. Не надо париться, что тебя за тунеладство упекут, статью такую умные головы отменили. Принудительный труд запрещенным стал и на воле, и в зоне. Вышел Клыч, правда, с административным надзором¹⁹, как полагается честному каторжанину, но и тут сюрприз приятный правители припасли. Постановили головастики, что уголовная статья за злостное нарушение правил надзора – неконституционная, и заморозили её, а потом и вовсе из кодекса вымарали. Повсюду во множестве расплодились частные собственники, кооператоры. Три шкуры эти мелкие капиталисты, торговавшие всякой

¹⁶ Ходка – судимость (жарг.).

¹⁷ Опарафиниться – опозориться (жарг.).

¹⁸ УДО – условно-досрочное освобождение из мест лишения свободы.

¹⁹ Административный надзор – наблюдение со стороны органа внутренних дел за лицом, освобожденным из мест лишения свободы, не вставшим на путь исправления. Систематическое несоблюдение установленных ограничений влекло ответственность по ст. 198-2 УК РСФСР.

разноцветной дрянью, драли с трудящихся. Жирели на глазах, забыв, что еще Христос велел делиться. Напомнила им про это братва, начала с кооператоров процент снимать. И себе на прожитье, и на общее, чтобы в зонах корешки не замерзали. Клычу, благодаря уму своему, волчьему чутью и авторитету, удалось удачно вписаться в бригаду спортсменов. Сил у боксеров имелось немеряно, а вот масла в голове дефицит был. В руках Клыча бригада стала управляемой, обзавелась оружием. Конкуренцию им составляли только судимые, но они были разобщены и хорошо известны ментам. Когда Клыч парился за Чеснока, в городе работала еще одна бригада, тоже из спортсменов, только из борцов. В восемьдесят девятом их всех пересажали. С некоторыми Клыч пересекался на зоне. Заценил – перспективные ребята, далеко пойдут, только сперва каждому по отмерянной десятке оттянуть надо.

В девяносто втором было настоящее раздолье для творчества. Задорные годы. Какая жизнь открылась! При Лёне Брежневе спиртным торговали строго с одиннадцати до семи вечера, а при Горбачеве (сам не видел, пыхтел), вообще – с двух до семи. Народ насмерть давил друг друга в очередях за водярой. А теперь, куда ни глянь, круглосуточный ларек, импортным бухлом набитый. Кабаков частных наоткрывали, в которых телки паслись охрентельные. Братва поголовно тачками обзавелась, и Клыч тоже «мерина» взял в приличном состоянии, права купил. Как с неба манна свалилась.

При коммунистах чем он промышлял? На мелькомбинате с пацанами муку тырили, цыганам ее толкали по дешевке. С навару в деповской столовой портвейн пили. По «Текстильщику» Клыч гонял на трескучем мопеде. И запахло это не считалось. Адмнадзор над ним висел, после девяти вечера без риска из дома не высунешься, в кабаки и на вокзал вообще ему ход был закрыт, как нигеру в белый квартал. Каждое утро к семи надо было на завод переться, за высокий забор с колючей проволокой. А там – драчёвый напильник в руки и арбайтейн, майн либен. Попробуй только прогулять или с угару прийти, тут же участковому в опорник настучат.

Как страшный сон все это вспоминается. То ли дело при новой власти: коммерсы отстегивали, братва гуляла – не жизнь, а сказка. Но некстати менты раскачались, образовали у себя «шестые отделы»²⁰, чтобы бороться с организованной преступностью, к которой Клыча и его ребят-боксеров причислили. Во главе острожского «шестого отдела» поставили Вадика Птицына. Ох, и залютовал Вадик. Чего, спрашивается, парню не лабалось в привокзальном кабаке? Денег ему, что ли, мало в оркестр засылали? Пацанов тупо принялись приземлять. Кого – за ствол, кого – за кулак, кого – за рэкет.

Придумал Птицын и Клычу статью на ровном месте. Вписался Клыч по просьбе не последних в городе людей подсобить рабочему классу на механическом заводе. Крендель один, Калистратов, взял у профсоюза деньги, собранные с работяг на сахарный песок, который тогда в большом дефиците был. Взял бабосы Калькулятор и включил динамо, завтраками всех кормит, пропадает надолго. А пролетарии шумят: «Где наш сахар-песок? Где копейки наши трудовые?». Ну вот мужики и попросили Клыча провести с Калькулятором беседу, пусть наконец-то сахар на завод привезет. Пригласил Клыч фармазонщика²¹ на бережок Клязьмы. Калькулятору, кстати, собственное погоняло не нравилось, хотел, чтобы Графом его звали. Не понимал фуфлыжник²², что такую кликуху заработать надо. Интеллигентно беседовал с ним Клыч, пальцем не тронул. Поинтересовался только, хорошо ли плавает Калькулятор, а то в Клязьме течение быстрое, сплошь ямы да водовороты, можно нырнуть и не вынырнуть. Калькулятор на удивление прытким оказался, адреснулся к ивановской братве с жалобой на беспредел. Приехал из Иванова положенец²³, забил Клычу стрелу. Пришлось ехать, объясняться. Положенец выслу-

²⁰ «Шестой отдел» – устоявшееся в правоохранительной и уголовной средах название подразделений по борьбе с организованной преступностью.

²¹ Фармазонщик – жулик, мошенник (жарг.).

²² Фуфлыжник – человек, не выполняющий обещанного (жарг.).

²³ Положенец – один из руководителей воровской общины (жарг.).

шал и рассудил, что Клыч понятий не нарушал, а иуда Калькулятор упорол косяк, за который надо платить неустойку обеим сторонам. Калькулятор перед гостем рассчитался, а Клычу заявил, будто нет у него больше бабла. Как нет, удивился Клыч, а «Волга», «ГАЗ-24-10», движок девяносто восемь лошадей, черная, как у прокурора? Предложил Калькулятору не медля двигать к нотариусу, чтобы «Волгу» переписать на нового владельца, Калачева В. Д. Поехали к нотариусу, документы там оформили, а на выходе Клыча повязал «шестой» отдел. У них уже и следаки свои имелись, на братву натасканные. Один из таких и вёл дело, по фамилии Самандаров, чурбан бессердечный. Внаглую предъявил он Клычу вымогательство с угрозой убийством и причинением крупного ущерба. Статья сто сорок восьмая, часть четвертая, за которую корячилось от пяти до двенадцати лишака. Больше чем за мокруху, ёхарный бабай!

Прошлые разы, когда Клыча сажали за дело, он был в признанке. А теперь уперся. Не себе «ГАЗ-24-10» брал, продать тачку хотел, чтобы рабочим деньги за сахар-песок вернуть. Угроз никаких не высказывал, тихо-мирно все было, наоборот – потерпевший так называемый на него наслал кого-то чертилу из города Иванова.

Хорошо хоть с адвокатом ему в тот раз повезло. Раньше адвокат для проформы был, только и мог что клянчить: дайте, товарищи судьи, моему подзащитному поменьше, чем обвинение просит. А тут умные люди посоветовали Клычу нанять Панкратову Римму Устиновну. Он послушался и не прогадал. Бесстрашная баба! Как она со следаком, а потом в суде с прокурором рубилась! Клычу порой даже жутковато становилось. Думал: а ну как разозлит она прокурора, запросит тот по верхней планке, а судья его и поддержит, – они же, суки, в одной упряжке.

Всю подноготную вытащила Римма Устиновна на суде. В подробностях пришлось судье выслушивать историю про афериста Калькулятора, который через корягу работяг кинул. Несколько дней терпилу²⁴ допрашивали с пристрастием, семь потов с него сошло. В суд его менты сопровождали и из зала тоже увозили, берегли как родного. Очень Вадику Птицыну хотелось Клыча упечь надолго. Прокурором на суде выступал такой Маштаков, молодой да ранний. Задницу рвал на фашистский крест. Ничего, бог – не фраер, правду видит. Потом рассказывали: спился этот Маштаков, из прокуратуры выгнали его с позором, как ссаного кота. Сейчас он в ментовке нухрит... участковым, что ли. Римма Устиновна так всё складно гражданам судьям объясняла, так прелестно. Виноватыми у неё получались жулик потерпевший, провокатор-начальник «шестого» отдела и фальсификатор следователь. А он, Клыч, выходил как защитник бедных, вроде Робина Гуда или Гриши Котовского. Больше месяца процесс шел, Клыч, глядя на ломившего напролом адвоката, и впрямь поверил, что его оправдают. Однако облом получился, засудили, падлы. Но не напрасно Римма Устиновна боролась, заронила она сомнения в душе судьи. И дала та по нижнему порогу всего четыре года, хотя прокурор, сучара, просил девять. Самого бы, алкаша, закрыть на пару лет – на стенку бы полез, дрищ.

Заехав в зону, Клыч задумал выйти условно-досрочно. Блатные понятия в девяностых менялись, и это было разумно. Зачем проламывать лбом стену, тубик в ШИЗО²⁵ зарабатывать, если можно без косяков откинуться раньше звонка. Он не надевал повязку и в актив не вступал, а просто не лез, как раньше, в бутылку. Статус позволял самому не чертить. Молодежи много в лагере борзой, пусть молодежь авторитет себе зарабатывает. Во времена рыночных отношений администрация колонии не чуралась принимать спонсорскую помощь. Сделали дружбаны острожские конкретный подгон²⁶ на отряд: телевизор «Филипс», видик «Элджи», холодильник – хозяин и подобрел.

²⁴ Терпила – потерпевший от преступления (жарг.).

²⁵ ШИЗО – штрафной изолятор для осужденных, нарушающих режим содержания в исправительной колонии.

²⁶ Подгон – подарок (жарг.).

Удалось Клычу откинуться в девяносто седьмом по УДО. Полтора года он хозяину оставил и зарекся крепко: аллес, больше не сяду. Сороковник на носу, а что он видел, кроме жилзоны, локалки²⁷ и промки²⁸? Бригада его боксерская за два с половиной года отсутствия Клыча порастрепалась. Кто сидел, кого в разборках грохнули, кто спился, кто сторчался. А какие крутые парни были! Но пять рыл Клыч к себе подтянул. Золотая пора к тому времени отошла. Нельзя стало, как раньше, без опаски трясти барыг. Менты совсем гайки закрутили, сделали из Острога красный город. Клыч качнулся в бизнес, стали с парнями металл продавать, на Эстакаде станцию техобслуживания купили, на Малеевке – магазин продуктовый. Ну и старый промысел – рэкет – не забывали. Только собирали теперь со всех и понемногу, чтобы не плодить обиженных. Брали с точки на рынке по столынику в месяц. Кто за несчастную стошку потащится в ментовскую кипеж поднимать? Не обходилось без стрелок и разборок, – не одни, чай, в городе, – но забиваться они стали гораздо реже, чем раньше, и разрешались без стрельбы. Жизнь потекла размеренная, против чего Клыч не возражал.

Через полгода после освобождения он женился. Препятствий к тому не имелось, он же не *законник*²⁹, он просто авторитет. Да и законные воры нынче женятся только в путь. В жены Клыч взял офигенно красивую деваху на двадцать лет его младше, на полголовы выше, парикмахершу из салона «Локон». Девчонки, как галки – ведутся на все яркое, броское, на тачки иностранные, на дорогие кабаки, на модные шмотки да на букеты нарядные. В советские времена такая красотуля как Ленка на Клыча и не глянула бы. Кто бы ему позволил рассекать по городу на серебристой «Тойоте Лэнд Крузер-100»? Гонял бы Володя и дальше по «Текстильщику» вокруг «Кремля» на мопеде, на него права не нужны и шлем к нему не полагается.

Ленка на пятом месяце ходила, когда снова на него власти окрысились. В этот раз «шестой» отдел сам справиться не мог, «фээсбэшники» им подсобляли. Этим-то он где дорогу перешел? Шпионов бы лучше ловили. По ходу дела, жаба всех душила, что зажил Клыч хорошо и спокойно. Задумали менты и «фээсбэшники» слепить из него наркобарона. В передаче, которую он загнал братве на «шестерку», при досмотре обнаружили героин. Закрыли Клыча, стали шить ему «двести двадцать восьмую» статью уже по новому уголовному кодексу. Клыч ничего не признавал. Римма Устиновна, вновь его защищавшая, такие пламенные речуги задвигала, что братва в зале хлопать несколько раз принималась. Доказухи на него, кроме путаных показаний контролера, который под ментовскую дудку плясал, не было. К тому же, как адвокат раскопала, следачка кучу нарушений при расследовании допустила, хотя прав на это не имела. Прокурором был говорливый бородач Веткин, подполковник целый, или как там у них, у прокуроров – советчик или советник какой-то... Судила судья Белецкая, по виду стервозина; такая откусит голову и не икнет даже. Но потом Клыч разглядел, что она своей тропой идет, на поводке прокурорском не бежит, хвостом не виляет. Многие ходатайства адвоката судья удовлетворяла влёт, что бородатому Веткину не в нюх было. Ленка на суде ревела постоянно, хотя Клыч и семафорил ей из клетки: тебе же, дура, нервничать нельзя. Прокурор снова девять лет запросил. Как будто других цифр они не знают. Римма Устиновна просила полностью оправдать своего подзащитного, а фальсификаторов «правоохранителей» самих на скамью подсудимых посадить. Это, конечно, она лишканула, кто ж их посадит, но звучало красиво, братва щерилась. Неделю томился Клыч в надежде, неужто никогда в России не будет справедливости? Приговор удивил многих: по наркотной статье, при опасном рецидиве дали ему ниже низшего, всего три года. Римма Устиновна бушевала, как на баррикаде, про произвол кричала, грозилась до Европейского суда дойти, тридцать седьмой год вспоминала. Клыч ее

²⁷ Локалка – отгороженная территория нескольких отрядов в исправительной колонии (жарг.).

²⁸ Промка – промышленная зона в исправительной колонии, в которой работают осужденные (жарг.).

²⁹ Законник – вор в законе, верхняя ступень в криминальной иерархии (жарг.).

увещевал: не принимайте, Римма Устиновна, так близко к сердцу, что с этих козлов возьмешь. Три года всё-таки это не девять. Но и не пятнадцать суток!

Тяжко ему дался последний срок, сердечко барахлить стало, тоска смертная заедала. Откинулся Клыч по амнистии, на следующий день после того, как про неё в газете пропечатали. Спасибо кентам, поспособствовали. Дело его на самом вершине стопки оказалось, чтобы сразу тюремный прокурор в нужном месте закорючку свою поставил. Год ему государство подарило с барского плеча, а два счавкало. Вовка родился, когда Клыч сидел. Ко многим безвозвратно утраченным простым человеческим радостям прибавились новые потери. Жену в роддом увезли без мужа, встречали в фойе больницы с завернутым в одеяло младенцем тоже без него. Первый раз Клыч увидел сына в годовалом возрасте, на долгосрочной свиданке.

Выйдя в мае девяносто девятого на свободу, Клыч ринулся наверстывать упущенное. С жадностью занялся бытом. В рекордные сроки довел до ума затухший в его отсутствие ремонт в новой квартире, купленной за месяц до посадки. Вникал во все мелочи, даже вроде и не мужские. Ходили с Ленкой вместе по магазинам занавесочки подбирали, белье постельное, мебель по фэн-шую расставляли. Больше всего хотелось домашнего уюта и спокойствия. Выкупил для любимой жены, которой в декрете сидеть надоело, салон красоты «Локон». Теперь Ленка полная хозяйка в том самом «Локоне», в котором раньше за копейки горбатилась. Все эти дела требовали больших бабок. Без Клыча бизнес не лопнул, но и развиваться перестал. Дербанить его деньги пацаны стремились, знали, что скоро выйдет. И не крысили вроде, а доходов желаемых не было. С «Первомайского» рынка тридцать штук в месяц капало, двадцатник станция техобслуживания приносила, столько же – аренда площадей в малеевском магазине, пятнашку собирали с таксистов, десятку один почтенный человек в память о прошлых услугах кидал. Итого получалось девяносто пять штук. Расходуй Клыч все на семью, можно было бы концы с концами сводить. Но жил-то он не в барокамере – куда ни кинь, издержки. Десять косарей на общак³⁰ смотрящему³¹ за городом заслать – святое дело. Пацанам – по десятке на бензин, остальное сами заработают, не маленькие. Римма Устиновна, домашний адвокат – на постоянном абонементе, ей пятерочку в месяц, не считая целевых гонораров, отдай и не грехи. Да, полно статей расходов, все перебирать – только лишний раз расстраиваться. Как умудряются работяги на три тысячи деревянных в месяц существовать, в голове не укладывается. Ну это их головняки!

Беспокоило Клыча то, что на острожской делянке становилось тесновато. Незадолго до него освободились ребятишки Ромы Зябликова, которых менты приземлили в конце восьмидесятых. Вышли парни, ан все занято в песочнице, надо локтями толкаться, не вставать же нормальным пацанам к станку.

Отрадно, что удалось сохранить паритет с Катаевым Серёжей. Этот перец стручковый уверенно себя чувствовал, возглавлял крупную фирму «Наяда ЛТД». Впрочем, он всегда был коммерсом, в начале девяностых только косил под приклатненного, отдавая дань тогдашней моде. Судимость имел единственную и ту условную, за хранение огнестрельного оружия. Чтобы прикрыться от братвы, Катаев, воспользовавшись частной размолвкой, переманил к себе одного из близких Клыча – Олежку Рожнова, сделал его своим вице-президентом по безопасности. Жаль Рога, перспективный он парняга. А может и к лучшему, что их пути разошлись, в последнее время борзеть Олежа начал, зубы показывать. Вот пускай на Катаева клыки свои точит. С Катаевым у Клыча получалось расходиться краями еще и потому, что их интересы лежали в разных орбитах. Приходилось с сожалением соглашаться, что уровни на сегодняшний день у них разные. Катаев достиг более высокого, он занимался строительством, у него также имелось свое, достаточно серьезное производство, деревопереработка. Крышев

³⁰ Обшак – касса воровского, криминального сообщества (жарг.).

³¹ Смотрящий – один из руководителей воровской общины, держатель общака (жарг.).

Катаева столичный славянский вор Гашёный, известный по России законник. Гашёному Катаев отстегивал регулярно и неслабо.

Если Клыч сожалел порой, что от него откололся Рог, то уходу из группировки Борьки и Костяна Молотковых только порадовался. Эти махновцы³² на раз могли подвести под цугундер. Все боксеры отмороженные, но Молотковым, видно, последние мозги на ринге отбили. Борька собрал вокруг себя таких же чертей и на Малевском рынке принялся беспредельничать. Клыч, узнав, махнул рукой: «нехай». Там на окраине и полсотни торговых мест не наберется, на ханку³³ себе да на шалашовок дешёвых пусть стригут, лишь бы не вылезали из своей дыры. Вскоре молотковская кодла спалилась на квартирном разбое, троих менты приземлили³⁴, сам Борька загасился где-то.

К середине лета Клыч изобрел простую схему, которая сулила приносить ему стабильный и серьезный доход. План заработал, освободившееся от малоприбыльной мелочевки время Клыч посвятил развитию нескольких других интересных тем, обещавших хорошие деньги. Но в октябре как будто кто-то сглазил: грянула беда. Стержень, на который он намеревался нанизывать другие проекты, вдруг чужие захапущие руки выдернули с корнем и уволокли на свою территорию со словами: «Ты, брателло, себе еще нарисуешь».

Несмотря на то, что загребушие руки принадлежали публике серьезной, столичной, Клыч не собираясь сдаваться просто так, кинулся искать справедливости. В первую очередь у людей с понятиями. Он кентовался с нижегородским вором Бароном. Тот внимательно выслушал кентуху, согласился, что творится беспредел³⁵, и обещал разрулить ситуацию.

Параллельно Клыч адреснулся по красной линии, сделав через Катаева заплыв к межрайонному прокурору Трелю. Когда Клыча в семьдесят третьем году по малолетке сажали за бакланку³⁶, в Остроге прокурорил Николай Сергеевич Базанов, фронтовик, с протезом вместо правой руки. Годами ходил Николай Сергеевич в одном люстриновом костюме, ездил на инвалидском «Запорожце» и никто в городе не помышлял предложить ему не то что взятку, а самый пустячный подарок. Современный прокурор был дорого и модно одет, модельно подстрижен, рассекал на «Рено» стоимостью тридцать тысяч «бакинских», жил в просторной квартире в элитном доме. Если бы раньше Клычу кто сказал, что будет он с прокурором сидеть за одним столом и за его здоровье тосты поднимать, сказавший не позавидовал бы покойному Чесноку, который не уследил за своим базаром. В прошлые времена и прокурор, узнав, что в компанию к нему занесло бродягу, пять раз судимого, шарахнулся бы, как черт от ладана. Но сейчас все по-другому, сейчас все предпочитают быть людьми деловыми. Трель выслушал историю нового знакомого, которого Катаев отрекомендовал предпринимателем, и сказал, что попробует подключить свои связи в МВД и Генпрокуратуре. Презент за свои хлопоты прокурор принял легко, без жеманства, что было воспринято Клычем позитивно, как признак налаживающегося сотрудничества.

Кое-какие меры по разруливанию ситуации Клыч и сам принял, полагая, что лишними они не будут. Зайдя с трёх сторон, надеялся выйти из кризиса без потерь, а возможно даже и с наваром. Партнёр, который легко отказался работать с ним и лёг под москвичей, заслуживал серьезного штрафа.

Клыч взял со стола мобильный телефон, нажал на клавишу. На дисплее высветилось 23:23. Чуть больше суток оставалось до Нового года. Удобная штука мобильник, немногие в Остроге ещё обзавелись, стоит недешево. Но умному человеку не жалко денег, потраченных на

³² Махновец – уголовник, не считающийся с воровскими понятиями (жарг.).

³³ Ханка – наркотики (жарг.).

³⁴ Приземлить – привлечь к уголовной ответственности, арестовать (жарг.).

³⁵ Беспредел – несоблюдение воровских понятий (жарг.).

³⁶ Бакланка – злостное хулиганство (жарг.).

полезную вещь. С мобильником он всегда на связи – в машине, в бане, на природе, на толчке даже. Отовсюду можно проблемы решать. И чего только не придумают чёртовы капиталисты.

Неожиданно раздавшаяся нежная мелодия звонка показалась оглушительной. Клыч вздрогнул, непроизвольно втянул голову в плечи и выронил мобильник, тот глухо стукнул по столу. Звонили в дверь, причем настойчиво. Рулады как залились, так и не прекращались. Не ждавший гостей Клыч запахнул халат, скинул тапки и, неслышно ступая, прокрался в прихожую. На экране видеомонитора, повешенного слева от входной двери, виднелось черно-белое изображение двоих мужчин, стоявших по ту сторону. Один, в камуфлированной куртке, смотрел прямо в глазок видеокамеры. Это был начальник уголовного розыска Борзов, которого Клыч терпеть не мог за бесцеремонность.

«Шляпу спецом снял, чтобы я его узнал».

Второй мент находился позади Борзова, ближе к лестничному маршу, разглядеть его лицо было невозможно. Впрочем, это значения не имело.

Начальник розыска продолжал с маниакальным упорством насиловать кнопку звонка, напевы которого уже не казались хозяину приятными, как при покупке, а напротив – противными, раздражающими.

«Ребенка разбудит», – не успел подумать Клыч, как услышал сонное хныканье из детской.

Сзади послышались шаги, мягко щелкнул выключатель светильника в коридоре. Клыч отчаянно махнул вышедшей из спальни, прикрывавшей ладошкой зевоту, жене.

– Иди к Вовке, – прошипел.

Взбесившийся звонок не умолкал, булькал серебряно.

Клыч снял трубку видеодомофона и спросил глухо:

– Кто?

– Майор милиции Борзов, уголовный розыск, – обрадовано отозвался незванный гость, отпустив кнопку звонка. – Открой, Володя, поговорить надо.

– Зачем? Что случилось? – Клыч задавал вопросы машинально.

Понимая, что этот камуфлированный клещ объяснять ему ничего не будет.

– На минуточку только, – заверял Борзов, – не кричать же на весь подъезд. Пара вопросов.

Клыч выбрал линию поведения.

– Ночь сейчас. Не открою.

– Боишься, что ли, Володя? – начальник уголовного розыска попытался подначить его, как пацана.

– Может, ты снова пьяный, – этими словами Клыч отрезал себе путь к отступлению.

– Ах ты, сука, какая! – Борзов несильно ударил кулаком по бронированной двери.

– Вызывайте днем, как положено, по повестке.

– Не откроешь, значит?

– Ночью не открою.

– Ну ладно, не последний раз встречаемся, Вова! – Майор, не сводя глаз с видеокамеры, натянул на голову черную вязаную шапочку.

Минуты три еще он похулиганил, потерзал звонок, обещая при этом через полчаса вернуться с санкцией прокурора на обыск. Клыч стоял, упершись лбом в стену, терзаемый бешеным стуком крови в висках. Наконец, серенады звонка стихли. Вниз по лестнице, перебивая друг друга, дробно скатились шаги.

Ленка таращила испуганные серые глазищи.

– Что случилось?

Клыч обернулся, попытался успокоить ее улыбкой, не послушались дрогнувшие губы. Подошел, обнял тоненькое родное тельце, ткнулся лицом в выступающую ключицу.

– Всё хорошо, зая, всё у нас хорошо.

– Правда?

– Разве я тебя когда-нибудь обманывал, маленькая?

5

30 декабря 1999 года. Четверг.

22.45 час. – 23.30 час.

Когда расстрелянную «девьяносто девятую» с двумя трупами в салоне затащили лебедкой на платформу эвакуатора и там закрепили, Кораблёв предупредил Птицына, что по пути в автоколонну заскочит к себе в прокуратуру решить пару вопросов.

– Не потеряем груз, Вадим Львович? – Саша с сомнением оглядывал сложную конструкцию.

– Сзади сотрудники поедут, они проследят, – и.о. начальника КМ показал на возвращающуюся на место происшествия патрульную «пятёрку» ДПС. – Я, собственно, с ними поеду. Начальник на своей отъехал.

На улице провели все возможные мероприятия. Собака след не взяла, только кружила. Эксперты сфотографировали следы обуви на снегу, в надежде на то, что хоть один из них принадлежит преступнику. Кузов автомобиля обрабатывать «на пальцы» решили в тепле. Поквартирный обход, проведенный участковыми, положительных результатов не дал.

Быстрота посещения семнадцати квартир и десяти домов частного сектора вызвали у Птицына определенные подозрения. Поэтому отчет заместителя начальника службы участковых Смирнова он выслушал со скепсисом. Но не зря Смирнов слыл мастером грамотного доклада. На слух, без проверки, на которую не имелось времени, придраться было абсолютно не к чему. Птицын понимал, что люди устали, у всех новогодние хлопоты на носу, с утра всем на службу, но все равно негодовал на то, что участковые не прониклись серьезностью ситуации. А с чего им, собственно, проникаться? После разделения милиции на муниципальную и криминальную показатели раскрываемости стали оцениваться по двум отдельным линиям, МОБ и КМ. Соответственно и спрашивали каждого за своё. Поэтому, по большому счету, участковым раскрываемость убийств была по барабану. В зачет им шли свои статьи: уклонение от уплаты алиментов, обман потребителей, неквалифицированные составы краж и грабежей, другая мелочевка.

Птицын велел замначальника участковых проконтролировать, чтобы его подчиненные не забыли написать справки по результатам обхода. И еще, чтобы двух человек выделили на утро для повторных мероприятий. Надо было продублировать попытку побеседовать с теми жителями, которые ночью не открыли двери.

Усаживаясь на заднее сиденье машины ДПС, Птицын спохватился.

– Смирнов, зайдите к своему сотруднику, который в шестой квартире живет. Проверьте, чем он занимается в быту, завтра мне доложите.

Маленький капитан, нахохлившийся на морозе, как воробей, смотрел не мигая. По его отстраненной физиономии невозможно было определить, понял ли он задачу, поставленную и.о. начальника криминальной милиции.

Птицын хлопнул дверью. Времени разбираться с каждым участковым-самогонщиком не было. Да и мотивации тоже.

Этот разговор происходил без Кораблёва, который, вернувшись на Советскую, осторожно заезжал на своей «девятке» в плохо расчищенный от снега двор прокуратуры. Дольше чем обычно добивался взаимности у замка двери запасного выхода. Конечности закоченели окончательно, несмотря на то, что на месте происшествия Саша старался не стоять без движения. Попав наконец в кабинет, он первым делом включил в розетку чайник.

«Без кофе никуда не поеду. Еще покурю по-человечески».

Существовавшая система оповещения начальства о происшествиях обязывала Кораблёва совершить ряд неотложных действий. В последние годы несвоевременное информирова-

ние областного руководства наказывалось очень жестко. Запросто можно было угодить в приказ со всеми вытекающими. На областниках, в свою очередь, лежала обязанность в суточный срок сообщать о наиболее тяжких преступлениях в Генеральную прокуратуру. Там сообщения брали на контроль, заключающийся в ежемесячном истребовании с мест подробных письменных информаций о ходе расследования. Начальство не столько ругало за нераскрытое преступление, сколько за промедление с направлением специального донесения. Возможно, в этом крылась определенная логика, но Кораблёву она была пока не подвластна.

Саша подвинул к себе телефон. Хорошо, что у него, единственного из всех следователей, имелась «восьмерка» и он мог звонить по межгороду. А то пришлось бы поднимать Элю, снимать с сигнализации канцелярию, а это со всеми разъездами еще час. Вообще, надо после сдачи отчетов разориться на мобилу. Дорого, но зато как удобно. Друг Диман купил и не нарадуется.

Первый звонок Кораблёв сделал прокурору. Уезжая, Трель наказал Саше прикрыть его в случае чего. Это означало, что, несмотря на все свои прихваты, прокурор всё-таки остерегался полностью забивать на службу. Держа перед собой открытой записную книжку, Саша набрал домашний номер Треля. Выслушав полтора десятка длинных гудков, стукнул по рычагу. Дождавшись непрерывного сигнала, повторил попытку и получил аналогичный результат. Звонок на мобильный телефон оказался более успешным.

Трель откликнулся почти сразу:

– Слушаю вас.

В динамике Саша слышал басовый грохот музыки, женский залиvistый хохот, одобрительные мужские возгласы.

– Олег Андреевич, это Кораблёв вас беспокоит.

– Что?! Не слышу! Подождите, я выйду.

Прокурор проявился через несколько секунд.

– Да.

– Извините что отрываю, Олег Андреевич... – Саша был воспитан в традициях уважительного отношения к начальству. – У нас убийство двойное. Огнестрел.

– Кто, чего? – Трель мобилизовался, голос его казался вполне трезвым.

Саша изложил время, место, способ совершения преступления и данные о погибших. Их фамилии прокурору, человеку в Остроге новому, ничего не говорили.

Алкоголь все-таки дал о себе знать шуткой сомнительного качества.

– Главное, что хорошие люди не пострадали. А без этих только воздух чище будет.

Кораблёв не отреагировал на этот пассаж. Он прикидывал, в каком режиме и сколько придется впахивать по резонансному убою.

– В область звонил? – Трель не забыл о порядке доклада наверх.

– Вам – первому, Олег Андреевич.

– Молодец. Я сам шефу доложу. Я – в городе, понял?

– Конечно! – По приказу прокурор был обязан выезжать на все убийства.

– Продиктуй мне фактуру. Секунду, листок с ручкой возьму.

На тумбочке гневно забурлил, заплелся кипятком, заблямкал крышкой вскипевший чайник. Саша, не отнимая от уха трубки, распутал шнур, чтобы не утащить за собой телефон. Вышел из-за стола и выдернул из розетки вилку. Сверяясь с записями, сообщил известные ему сведения.

– Если недостаточно, я уточню в дежурной части. – Кораблёв уловил в своем голосе угодливую интонацию, поморщился.

– Для первого доклада хватит! – Прокурор разбирался в аппаратных правилах.

Подчинённого он проинструктировал детально.

– Лично проследи, чтобы меня указали в сводке. Утром подготовишь спецдонесение в область. Отправишь факсом с утра же. Завтра короткий день, а им еще надо успеть в Москву отрапортовать.

– А подпишет кто?

– Ты и подпишешь, как исполняющий обязанности зама. Привыкай. А я у шефа сейчас заодно отпрошусь домой слетать, семью с праздником поздравить. Все запомнил?

– Все.

– Действуй, Саша. Помни, что работаешь на себя. С наступающим.

– И вас также, – спохватился Кораблёв.

Он испытал облегчение от того, что Трель взял на себя задачу доложить о случившемся прокурору области. Общение с такими большими людьми было для Саши слишком волнительным. В то же время отсутствие прокурора на месте происшествия его не смущало. Алгоритм действий следственно-оперативной группы Кораблёв знал досконально. А от Олега Андреевича все равно проку не было бы, в вопросах следствия он не шарил. В органы Трель пришел пять лет назад из арбитражного суда, причем сразу в прокуратуру области на пост начальника гражданско-судебного отдела. На первоначальной аттестации было решено присвоить ему с учетом судейского стажа классный чин «юрист первого класса», что соответствует капитану. Большую звезду «младшего советника юстиции» Олег Андреевич получил по сроку. Не за горами виднелись погоны «советника юстиции», подполковника. По слухам, выглядевшим правдоподобными, один из заместителей Генерального прокурора приходился Трелю тестем. Что тут скажешь? Повезло человеку. Саша не имел причин обижаться на Олега Андреевича. Прокурор относился к нему с приязнью, двигал к себе в заместители.

Не будь еще некрасивой истории с изгнанием Коваленко!

Кораблёв на глаз насыпал из банки в кружку растворимый Nescafe, залил кипятком и перемешал. По кабинету поплыл приятный аромат. Необходимо было срочно хлебнуть кофейку для поднятия производительности труда и настроения. Осторожно, чтобы не обжечься, Саша сделал глоток, сразу вспомнив еще об одном деле.

На продолжение осмотра следовало взять фотоаппарат с цветной пленкой. Преступление не рядовое, надо чтобы все получилось красиво. Качество фотографий, которые печатали эксперты ЭКО, давно перестало устраивать Кораблёва. Криминалисты пользовались фотобумагой и реактивами с безнадежно просроченными сроками годности, отчего снимки получались мутными и серыми. Экономя дефицитную бумагу, эксперты печатали фотографии размером со спичечный коробок. Порой даже вытрясти с них снимки было целой проблемой. Нередко они отделялись справками о том, что изготовить фотографии не представилось возможным якобы в связи с заводским браком пленки. И это в то время, когда возрастала активность стороны защиты и наглядность доказательств становилась все актуальнее. Саша, с детства увлекавшийся фотографией, быстро понял преимущества появившейся в продаже импортной цветной пленки и открывшихся фото-салонов «Кодак-экспресс». Теперь отпала нужда занавешивать окно в ванной, разводить проявитель и фиксаж, возиться с увеличителем «Юность» при свете красного фонаря, промывать снимки, сушить их на электроглянцевателе, обрезать при помощи фотоножа. Сейчас всё просто до примитива: отщелкал пленку, сдал в проявку. Отсмотрел потом негатив и продиктовал симпатичной девушке, какие именно снимки надо изготовить. Или просто сказал: «Все хорошие – по одной». На следующий день заехал, заплатил денежку, достаточно по их зарплате приемлемую, и получил красно-белый конверт с красочными глянцевыми снимками.

Еще год назад Саша стал применять при выезде на происшествия купленную на личные деньги пленку «Кодак». Фотоаппарат он использовал тоже личный, «Зенит-122» с зеркальным объективом. Только надо было обязательно предупреждать девушек, принимавших заказ в салоне, чтобы они не пугались при виде страшилок на снимках и не думали, что пленку в

печать им отдал маньяк. Теперь на фотографиях можно было во всех жутких подробностях разглядеть раны на жертвах убийств, свежая кровь была красного цвета, а запекшаяся – дегтярно-черного. Товарищи судьи, ни разу не видевшие воочию криминального трупа, приобрели возможность получить наглядное представление о результатах действий гражданина РФ, вершить правосудие над которым им было доверено. Евгения Марковна Молодцова, специализировавшаяся на рассмотрении бандитских дел, как-то не без намека польстила Саше, что его дела самые красивые, под стать автору.

Инициативу Кораблёва одобрил Коваленко, надзиравший до последнего времени за прокурорским следствием. Пообещав пробыть в области через отдел криминалистики финансирование цветной фотопечати, он призвал и остальных следователей последовать примеру добросовестного коллеги. Чтобы эффективнее использовать расходные материалы, договорились вчетвером сбрасываться на пленку и расходовать на выездах поровну. Так быстрее отщелкивалась кассета, и меньше тратилось денег. Задумка обломалась на Боре Винниченко. Получив в руки дежурный фотоаппарат, он либо расходовал всю пленку по последнему кадру, либо засвечивал ее, испортив отснятое другим следователем. Боря только один раз сбросился на печатные фоток, у него никогда не было денег. Централизованного финансирования не дождались, главный бухгалтер прокуратуры области назвала их идею блажью. Постепенно все острожские следователи, кроме Саши, отказались от применения цветного фотографирования. А Кораблёв продолжал, он привык работать с личным клеймом качества.

И сейчас он вынул из нижнего ящика стола тяжелый фотоаппарат в поцарапанном чехле. Посмотрел на время.

«Ох ты, чёрт, половина двенадцатого! Не получится у Львовича собрать совещанье в двадцать четыре. Часа три на осмотр уйдет, не меньше. Самое главное и интересное впереди. В таком деле спешка не нужна. А ведь дома мамка не спит, дожидается. Я ж в восемь звонил, сказал, разогревай ужин, скоро буду. Позвонить или нет? Вдруг уснула? Разбужу. Не-ет, она будет дожидаться, лифт слушать. Вот ещё один довод за сотовый телефон. Позвонил бы с Васнецова: “Мама, я на выезде, приеду поздно, не жди, спокойной ночи, целую, Саша”. Надо позвонить. Или?..»

6

30 декабря 1999 года. Четверг.

23.00 час. – 23.50 час.

– Проходите, Олег Геннадьевич, присаживайтесь, – начальник РУБОПа гостеприимно распахнул дверь, пропуская Рожнова в кабинет.

Рог помедлил и с неохотой шагнул через порог.

– Без адвоката я всё равно разговаривать не буду.

– Твое право. – Давыдов не умел долго «выкаты». – Во-он туда к столу.

Рог расстегнул молнию на куртке, присаживаться не торопился. Доставка среди ночи в «шестой» отдел заведомо не сулило приятных сюрпризов.

«Какую поганку они на этот раз замыслили?»

Он согласился проехать с рубоповцами в милицию только потому, что находился под следствием. Над ним висели целых три статьи: «сто шестьдесят третья», «двести двадцать вторая» и «триста девятая». Вымогательство, незаконное хранение боеприпасов и принуждение потерпевшего к даче ложных показаний. Сразу после возбуждения дела следователь Самандаров задержал Рога на семьдесят два часа. Потом выпустил, не найдя понимания в прокуратуре. Спустя пару недель увеличил объем обвинения и закрыл. Почти месяц Рожнов провел под стражей. Ушлomu адвокату удалось вытащить клиента, обжаловав арест в суде. Мера пресечения в виде заключения под стражу судья изменил на залог в тридцать тысяч рублей. Адвокат втолковал Рогу, что теперь тот должен быть предельно осторожным. Нужно вовремя являться к следователю, отвечать на его телефонные звонки, не уезжать из города без ведома следствия, не делать никаких поползновений в сторону потерпевшего. За любой его неосмотрительный поступок рубоповцы ухватятся, как псы, и снова поволокут в камеру. Ах, какой лютей скрежет ментовских зубов стоял в зале, когда судья распорядился выпустить обвиняемого Рожнова из клетки!

Наконец Рог уселся на простонавшем под его массой стуле с обтрепанной бордовой обивкой. Выглядел он более чем внушительно: громоздкая машина с бочкообразной грудью и длинными руками. Мощные ляжки туго обтягивала черная ткань джинсов. На голове топорщился светлый жесткий ежик, серые глаза настороженно зыркали из-под выступавших надбровий. Нос Рога имел профессиональный боксерский дефект – вмятую переносицу. Тяжелый подбородок по вертикали разрезала глубокая ямка. В последнее время таких мужиков стали называть брутальными.

Расположившийся в своем кресле напротив Давыдов мало уступал Рожнову по комплекции, но выражение лица имел улыбочное и простодушное. Он не надеялся таким образом расположить к себе своего визави и тем паче обмануть его, но на всякий случай с привычной маской не расставался.

Паша Комаров разделся, бросил бушлат на диванчик, обитый кожзамом, взял пустую пластиковую полторашку и отправился на второй этаж за водой. Отсутствие в кабинете лишних ушей придало обстановке атмосферу некоторой доверительности. Начальник РУБОПа, налегая грудью на край стола, приглушенно поведал Рогу новость про найденных с простреленными головами Калинина и Зябликова. Повествуя, Давыдов буравил Рога медвежьими глазками, снимая реакцию.

Она выглядела вполне естественной для человека, ошарашенного известием об убийстве своих знакомых.

Рог отрывисто выругался, потом хрипло спросил:

– Кто?

Давыдов усмехнулся наивности вопроса:

– Я думал, ты подскажешь.

– Откуда? Я с ними и раньше дел не имел, а в последнее время и не виделся даже.

Начальник РУБОПа кивнул, соглашаясь. Или делая вид, что соглашается. До того как стать вице-президентом катаевского ООО «Наяда ЛТД», Рог ходил под Клычом. В начале девяностых рубоповцы сажали Рожнова за вымогательство. Дважды его осуждали условно. Городская прокуратура, в те годы боевая, оспаривала приговоры по мотиву мягкости, и областной суд соглашался, отменял непонятные решения. На третий раз, когда в суде уголовное дело о вымогательстве соединили с новым, возбужденным по факту хулиганства, учиненного Рожновым в ресторане «Старый Острог», ему, наконец, дали реально. Правда, немного, всего три года. Вышел он по звонку³⁷.

– Ты не гонишь, Денис? – Рожнов вопреки зароку разговорился, и это свидетельствовало о том, что от сердца у него отлегло.

«Не по моему делу выдернули!»

Вернувшийся в кабинет Комаров занялся электрочайником. Вскоре он снова ушёл, мыть кружки. Рог успел заметить, что опер взял только две. Угощать гостя милиционеры явно не собирались.

«Или в грязную нальют?»

Давыдов взял в руку пульт от телевизора, в углу раздался мягкий щелчок. Экран стоявшего на сейфе «Филипса» ожил. Энергичный, несмотря на полуночный час, ведущий аналитической программы в красивом блестящем галстуке подводил нерадостные итоги уходящего года.

– ...тринадцатое сентября. В столице на Каширском шоссе взорван восьмиэтажный дом. Сто двадцать один человек погиб, девять получили ранения...

– Соображения есть какие-нибудь? – начальник РУБОПа делал вид, что целиком погружен в рассказ диктора.

Но от Рога не укрылся скошенный в его сторону взгляд. Он ответил односложно.

– Без понятий.

– А с Клычом у Петрухи с Ромкой какие дела были? – рубоповец спрашивал ненавязчиво, казалось – формально.

– Говорю же, не знаю. У каждого свои гонки. И потом, вы меня месяц в камере мариновали. Отстал я от жизни.

– Поменьше месяца, Олег, поменьше, – Давыдов стёр улыбку. – Ты за дауна меня держишь?! Весь город знает, что у Клыча с Зябликовым конфликт был серьезный. Из-за рынка!

– Весь город знает, а я – нет, – Рог упёрся.

– Клыч ведь своего не отдаст, а? Не в его характере задом сдавать. Как он Чеснока завадил, слышал?

Рог шевельнул неохватными плечами. История про то, как почти двадцать лет назад Клыч запорол в кильдыме³⁸ блатнягу Чеснока, воспринималась им как поросшая мхом легенда. Сейчас на дворе другие времена, двадцать первый век завтра начнется. Рогу стало жарко, он шире распахнул полы куртки, оттянул ворот пуловера. Снимать верхнюю одежду он не собирался.

«Еще подсунут мусора в карман пару патронов, им не привыкать».

– Там адвокат мой не подошел?

– А я знаю? – Давыдов ответил вопросом на вопрос.

Еще минут пятнадцать разговор катался ни о чем. К нему подключился подошедший Комаров. Паша уселся на край своего стола, качал ногой, обутой в шнурованный армейский ботинок, курил и внушал Рогу, что теперь в городе спокойная жизнь для братвы закончилась.

³⁷ Выйти по звонку – отбыть наказание в виде лишения свободы полностью (жарг.).

³⁸ Кильдым – притон (жарг.).

– Не жилось кому-то спокойно! Теперь нас будет начальство душить, развели, понимаешь, Чикаго... А мы будем вынуждены вам кислород перекрывать конкретно. А что делать? Ждите скоро маски-шоу в гости, весь ваш бизнес перетряхнем на хрен, налоговую напустим. Не нравилось вам жить спокойно...

– Ага, – не удержавшись, вставил свои пять копеек Рог, – особенно мне.

– Ты – частный случай, жертва своего необузданного темперамента. – Комаров ввинтил окурок в прикольную пепельницу в виде крохотного унитаза.

Прогнусавил зуммер телефона внутренней связи. Давыдов не торопясь снял трубку.

– Слушаю вас. Подождите минуточку, я выйду.

Устроив трубку рядом с допотопным аппаратом, начальник РУБОПа прошел через тамбур в смежный кабинет, закрыв за собой обе двери. Рожнов проводил его глазами, догадываясь, что разговор касается его персоны.

Давыдова беспокоил дежурный Андреич. Подполковника, накрученного сотней вводных, обрушившихся на дежурную смену после обнаружения двух криминальных трупов, понять было сложнее, чем обычно.

– Денис, тут адвокат лютует. Лютует адвокат. Ростик, лысый Ростик. Кожаная голова. Требуется пропустить к тебе. У тебя его клиент, говорит.

– Андрей Андреевич, разве можно допустить, чтобы ночью по управлению внутренних дел передвигались посторонние лица, – Давыдов подтрунивал над дежурным, с которым находился в приятельских отношениях.

– Дениска, не клюй мне мозги, – подполковник был настроен серьезно. – Или спускайся в фойе и сам разбирайся, разбирайся... Или я адвоката пропускаю к тебе.

– Вот из-за таких как вы, Андрей Андреевич, бандиты думают, что они муровца могут запугать³⁹, – начальник РУБОПа придал голосу обличительные интонации.

– Кого? Муромца? Тьфу, балбес. Все, у меня область на линии.

Давыдов расправил перекрутившийся витой телефонный шнур и вернул трубку на место. В принципе, цели, которые он поставил, выдернув Рога, были достигнуты. Разумеется, он не надеялся услышать от бандита шокирующих откровений. Но выйдя из милиции, Рожнов непременно доведет до сведения своего босса Катаева то, что к двойному убийству «шестой» отдел примеряет Клыча. Награждая ментов соответствующими эпитетами, сообщит также, что они грозят создать проблемы уязвимому с точки зрения закона полукриминальному бизнесу Катка. Новости станут обсуждаться, по городу пойдут волны, начнется движуха, которую предстоит отслеживать. Катаев, его ближайшее окружение и Клыч стояли у РУБОПа под техникой⁴⁰. Правда, не было гарантий, что милиция располагала сведениями обо всех телефонах, которыми пользовались члены ОПГ. Засветив в УВД Рога, Давыдов также надеялся отвести подозрения от своего действительного источника в среде братвы, который и слил информацию о конфликте между Клычом и группировкой Зябликова. Это должно было выглядеть правдоподобным, так как раньше Давыдов запустил дезу, что Рога освободили из-под стражи не за красивые глаза, свобода была ему дарована взамен на сотрудничество. Сделав несложный ход по вертикали, начальник РУБОПа понимал, что это лишь начало партии, имеющее целью скорейшее развитие сил.

Он заходил в свой кабинет через сквозной тамбур, когда в дверь раздался требовательный стук из коридора.

– О, как грозно, – Давыдов подмигнул Рожнову. – Не иначе, прокурор с проверкой.

– Разрешите? – в дверь заглянула голова адвоката Сизова, увенчанная кепкой из меха морского котика. – Разрешите войти, господи?

³⁹ Переделанная цитата из кинофильма «Место встречи изменить нельзя».

⁴⁰ Стоять под техникой – телефон находится на прослушивании (проф. сленг).

Сизов котировался не только в городе, но и за его пределами. В прошлом следователь военной прокуратуры, служивший в Подмосковье, по каким-то тщательно скрываемым причинам он всего год не дотянул до минимальной пенсии. Умный, контактный, поразительно работоспособный, прекрасно знающий законодательство, Сизов всегда создавал серьезные проблемы следствию и обвинению. Услуги его стоили дорого. Оперативные службы, плохо понимавшие в процессуальных крючках, старались с ним не пересекаться. Да и в среде следователей остались единицы, которые могли бороться с Сизовым на равных.

– А вам, Ростислав Андреевич, чего не спится? – притворно удивился Давыдов.

– За клиента беспокоюсь, Денис Владимирович, – золотозубо улыбался Сизов, проходя в кабинет и снимая головной убор.

Блестящей лысиной, густыми казацкими усами, худощавым лицом он напоминал артиста Розенбаума. Отличался лишь параметрами – невысокий, легкий.

– Можно? – Адвокату не казалось зазорным поминутно спрашивать разрешения.

Он уселся на стул рядышком со своим клиентом, заняв рубеж обороны. Поудобнее установил на коленях портфель.

– Я могу узнать причину... э-э-э... вызова Олега Геннадьевича?

– Он вам сам расскажет. Если захочет, конечно. – Небольшой моральной компенсацией Давыдову за бессонную ночь служила мысль о том, что Сизову тоже не удалось понежиться в постели.

Правда, адвокату неудобства сполна компенсировались клиентом.

Начальник РУБОПа посмотрел на Комарова, чуть заметно кивнул. Старший опер удалился в соседний кабинет, не забыв закрыть за собой двери.

– Ничего не понимаю, Денис Владимирович, – недоумевал адвокат, – жалобу мне, что ли, на вас написать прокурору области? Так вы знаете, не в моих правилах ябедничать.

Вскоре вернулся Паша Комаров с телефонным справочником в руке. Давыдов сразу зашевелился. Поднявшись, едва не задел головой светильник.

– Больше вас не задерживаю, Олег Геннадьевич. Домой вам придется добираться самостоятельно, у нас бензин кончился.

Рожнов и демонстративно недоумевавший Сизов вышли. За дверью Рог в ответ на вопрошающий взгляд адвоката приложил к губам толстый палец.

– На улице.

Они прошли полутемными узкими коридорами управления внутренних дел. РУБОП располагался на третьем этаже старого здания, построенного в шестидесятые годы. Потом уже возвели новый типовой корпус, с которым старую часть соединили переходом. В фойе напротив дежурной части, под стендом с фамилиями пятерых сотрудников острожской милиции, погибших при исполнении служебных обязанностей, они увидели группу людей. Граждане ожидали разрешения подняться наверх. Ближе к декоративной решетке стояла заплаканная худая женщина лет тридцати, в длинной дубленке, без головного убора. Рядом с ней навалилась плечом на стену, не боясь при этом испачкаться в побелке, грузная пожилая женщина в кроличьей шубе. Вид у нее был потерянный. Пожилую удерживал под руку паренек лет семнадцати.

Узковатый разрез глаз, по-азиатски выступающие скулы женщины в дубленке показались Рогу знакомыми. На мгновение их взгляды встретились и женщина, не переставая плакать, чуть слышно поздоровалась.

«Кто такая? Чего они тут скопились, не пройти».

И только усевшись на сиденье адвокатского «Форда», Рожнов вспомнил зареванную женщину. Это была жена, а теперь вдова Ромы Зябликова.

«А старая, по ходу, мать Петрухи».

Через минуту, погрузившись в обсуждение последних новостей с Сизовым, Рог забыл о встрече в фойе. Он посчитал ее случайной, хотя в действительности её устроил Паша Комаров,

попросив дежурного придержать родственников убитых на входе, пока Рожнов с адвокатом не покинут здания УВД.

Давыдов считал, что лишним для интересов дела это не будет.

7

*30 декабря 1999 года. Четверг
31 декабря 1999 года. Пятница
23.50 час. – 01.39 час.*

Осмотр «девяносто девятой» и находившихся в ней трупов продолжили в боксе автопредприятия «Галеон», которое все по привычке именовали колонной 11–57. В просторном гулком помещении обосновался специфический запах автомобильных масел, бензина, краски и металла. Установленных вдоль стен радиаторов центрального отопления не хватало, чтобы как следует прогреть воздух в боксе. Но по сравнению с улицей здесь была экваториальная Африка.

Саша Кораблёв зря торопился, ничего интересного он не пропустил.

К его появлению присутствовавшими решался сложный организационный вопрос: кто будет извлекать трупы из салона. На полу для них был расстелен старый брезент, пожертвованный дежурным механиком.

У открытой водительской двери «девяносто девятой» стоял судмедэксперт Никульский. Держа под мышки наполовину вытащенный наружу труп Калинина, эксперт зывал к совести участников осмотра места происшествия.

– Ну помогите кто-нибудь. Он тяжелый!

Боря Винниченко, скорее всего, просто не слышал призыва о помощи. Бросив на верстак перчатки, Боря озабоченно разглядывал свои руки. Тыльные части кистей и фаланги пальцев приобрели нехороший алый цвет и заметно припухли. Делая записи на холоде, следователь поморозился и сейчас тщился понять, какими последствиями ему это грозит.

В качестве понятых были задействованы дежурный по гаражу и женщина-сторож. Будь на их месте «суточники», позаимствованные из милицейского спецприемника, почетная обязанность ассистировать судмедэксперту легла бы на них. А гражданских лиц не заставишь за здорово живешь ворочать трупы, дураков нет. Хотя, иногда находятся...

Вадим Львович Птицын оставался безучастным к просьбам Никульского. Взяться за чёрную работу ему не позволяли осознание того, что он начальник, целый подполковник, а также природная брезгливость.

Кораблёву, шесть лет отработавшему следователем, не раз приходилось совершать манипуляции с трупами на местах происшествия: вынимать из петли, вытаскивать из воды, переворачивать, раздевать. Он было сделал шаг вперед, однако вспомнил про понесенные уже потери. Неизвестно, удастся ли полностью удалить следы, оставленные на дубленке слюнявой псиной участкового. Не хватало еще дорогую вещь вдобавок испачкать в крови. Да и он теперь – не следователь, он исполняет обязанности заместителя прокурора. По букве закона он, как руководитель следственно-оперативной группы, главный на месте происшествия.

Но формальное старшинство не давало ему реальной власти в решении непроцессуальных вопросов. Ни в одном законе или ведомственном приказе, которым нет числа, не прописано, в чьи обязанности входит таскать мертвецов.

Если бы в гараже находился хоть один участковый или опер, и.о. начальника КМ отдал бы ему указание и вопрос был бы решен. Но Птицын и Кораблёв решили, что в ходе осмотра необходимости в милиционерах не возникнет, и, как оказалось, прогадали.

– Мужики, ну чего? – рыскающему взгляду судебного эксперта так и не удавалось никого зацепить.

Пауза затянулась до неприличных размеров. Никульского выручил начальник ЭКО Айвазян. Он подошел к автомобилю и ухватил труп за поясной ремень.

– Тянем-потянем, Лёнь?

Уколы совести Кораблёв притушил объяснениями, что у Айвазяна как у эксперта имеются в наличии медицинские латексные перчатки. В то же время Саша, выехавший сегодня в начальственном статусе налегке, необходимой экипировки не имел. Вообще-то у него в дежурном «дипломате», – пожалуй, у единственного из всех следователей межрайонной прокуратуры, – постоянно водилась упаковка перчаток.

Никульский и Айвазян, согнувшись и делая короткие приставные шажки, донесли труп Калинина до брезента и уложили на нем. Мёртвый мужчина казался неправдоподобно длинным. Трупное окоченение уже достаточно проявилось во всех группах мышц. Это говорило о том, что с момента смерти прошло не менее четырех часов. Руки Калинина остались согнутыми в локтях. Они сохранили то положение, в котором находились во время выстрелов, лежа ладонями на нижней части рулевого колеса. Стриженная голова была вывернута вправо. На прижатой к плечу скуле виднелась рана с неровными краями, окруженная широкой кольцевидной ссадиной и черным пятном.

Кораблёв, присев на корточки, внимательно разглядывал рану. Он понимал, что осаднение и копоть на коже образовались от воздействия пороховых газов. Выстрел произведен с близкого расстояния! Чтобы сделать такой вывод не требовалось способностей Шерлока Холмса. Ежу понятно, что в тесном салоне «девяносто девятой» невозможно пальнуть издаля. Жуткое оскольчатое выходное отверстие зияло левее и чуть ниже затылка. В нем виднелась разноцветная мешанина мозга. Оттенки были от бордового до желтоватого. Тошнотный запах парного мяса перемешался с едкой остротой сгоревшего при выстреле пороха.

Саше, по жизни не очень впечатлительному и привычному к картинам чужой смерти, вдруг сделалось не по себе. Справляясь с накатом дурноты, он нарочито медленно выпрямился и произнес раздумчиво:

– Конкре-етно!

Никульский и Айвазян, семеня, огибали сзади кузов машины. Волокли тело второго мужчины, пассажира.

В салоне «ВАЗ-21099» продолжал играть включенный на реверс магнитофон. Звучал забойный сингл, под который Миа Уолесс и Винсент Вега танцевали в ресторане свой знаменитый твист.

Музыка из культового гангстерского фильма в совокупности с двумя изуродованными пулями трупами, уложенными на рваном брезенте, придавала происходящему оттенок нереальности.

Кораблёв решительно прошел к автомобилю, нагнулся в салон и осторожно, чтобы не испачкаться в крови, выключил магнитола. Рок-н-рольная, полная драйва гитара Чака Берри продолжала, тем не менее, наяривать соло в его голове.

Судмедэксперт и присоединившийся к нему следователь приступили к осмотру трупов. Айвазян полез в салон в поисках следов, оставленных преступником. Буквально через минуту он продемонстрировал первую находку, обнаруженную на коврике у заднего сиденья. Растопырив большой и указательный пальцы, начальник ЭКО за верх и донце держал тусклый латунный цилиндр.

– Автоматная гильза. – У Айвазяна, большую часть жизни прожившего в Острого, совсем не было национального акцента, однако присутствовал нехарактерный для здешних мест мягкий выговор.

Кораблёв и Птицын обступили его, рассматривая гильзу.

– Автомат это круто, – резюмировал и.о. начальника КМ и отошёл в дальний угол помещения.

Там он достал из барсетки мобильник и сделал несколько звонков.

Итогом осмотра салона было шесть автоматных гильз от патронов калибра 5,45 миллиметров. Каждую гильзу до упаковки в отдельный пластиковый пакетик сфотографировали по

правилам масштабной съемки. Еще добросовестный Айвазян при содействии Ларисы Гурьевой, обрабатывавшей салон порошком, обнаружил три следа рук, которые откопировал с предметов-носителей на специальную двухслойную пленку.

– Пригодные пальцы, Арутюн Аветисович? – не скрывая надежды, поинтересовался Саша.

Айвазян вытянул толстые губы и отрицательно покачал головой.

– Фрагменты, Александр Михайлович. Поверхность ребристая, пластмасса. Вот один след почётче, но он – с торпеды.

– Трупы где будем откатывать?

Начальник ЭКО посмотрел на склонившегося над расстеленным брезентом Никульского, на Винниченко, присевшего на одно колено подле застреленного водителя.

– Лучше бы в морге, конечно.

– А кто поедет? С утра не до этого будет, сто пудов. Тридцать первое число, потом – праздники. Заберут их родственники, похоронят, что будем делать? Эксгумировать? – Кораблёв знал, что в таких случаях следует проявлять настойчивость.

Айвазяна, как всякого кавказского человека, отличало уважение к серьезным государственным органам, к коим он без сомнения относил прокуратуру.

– Как скажете. Лариса, принеси воды, надо покойникам ладони и пальцы оттереть.

– Вообще-то дактилоскопировать полагается после того, как я срежу ногтевые пластины в морге, – распрямылся Никульский.

Руки в испачканных кровью перчатках он держал на отлете.

– Александр Михайлович, они перепачкают все своей сажей. Все подногтевое содержимое будет – сплошная мазута.

Кораблёв добросовестно штудировал криминалистику на юрфаке, имел за плечами шесть лет следственной практики, в прошлом году признавался победителем конкурса профессионального мастерства среди следователей области. Он знал, что Никульский говорит правильно. Но еще Саша помнил, в какой стране они живут. Сколько раз трупы закапывали, не дактилоскопировав их предварительно? Кто из экспертов поедет в морг? Гурьева? Она в восемь ноль-ноль сменится с суток и пойдет отдыхать, заливное готовить к новогоднему столу. Уважаемый Арутюн Аветисович с утра отправится земляков с наступающим поздравлять. В его отсутствие эксперты живо сгоношат на стол. Какая может быть работа тридцать первого декабря?

– Сейчас откатаем, – в этом вопросе слово Кораблёва было решающим.

– Дело хозяйское, – согласился судмедэксперт.

С Сашей у них сложились сложные отношения. Никульский не любил простых решений, часто спорил ради принципа, предпочитал делать все по-своему. Иногда приходилось тратить массу драгоценного времени, чтобы убедить эксперта в его неправоте. Но как специалист он был, безусловно, грамотный, опытный, интересующийся специальной литературой. От двух своих коллег отличался в лучшую сторону по части дисциплины. Почти не прятался в нерабочее время, когда дежурка обзванивала экспертов, чтобы отправить с опергруппой на очередной труп.

– Вскрывать когда будете, Леонид Вениаминович? – сложность характера судмедэксперта, по всей видимости, была заложена в его трудно выговариваемом отчестве.

– Как постановления о назначении экспертиз следователь представит, так и начну, – ровным голосом ответил Никульский.

Он принципиально не начинал вскрытия, не получив постановления. Строго говоря, и в этом вопросе он был на двести процентов прав, но следователю, юлой вертевшемуся после выезда на убийство, нередко не хватало времени на то, чтобы вовремя напечатать документ. Напечатать полдела – постановление ещё следовало отвезти в морг, расположенный далеко от прокуратуры. Хорошо Кораблёву, он – моторизованный; остальные же следователи личного

транспорта в пользовании не имели. Прокурор ради такого пустячного дела служебную машину не даст, нечего и спрашивать.

– Боря, ты слышал, что Леонид Вениаминович сказал? – громко спросил Саша у выводившего на листке малопонятные каракули Винниченко.

Ответа, как и следовало ожидать, он не получил. Боря был слишком погружен в процесс осмотра. Протоколы он писал наиподробнее. Беда заключалась в том, что содержание их не поддавалось прочтению. Несколько раз, по наиболее сложным делам, Петрович заставлял Борю расшифровывать на машинке свою клинопись. Какой прок исписывать по пятнадцать листов мелким почерком, если судья, рассматривая дело, не поймет ни слова?

– Пусть родственники потерпевших ко мне часиков в десять подъедут, – попросил Кораблёва Никульский. – Я им все объясню.

В том, что трупы Калинина и Зябликова не проваляются в морге до окончания новогодних праздников, Саша не сомневался. Они не безродные, у них есть родственники и друзья. Не самые бедные, причем. Все вопросы со вскрытием, туалетом и переодеванием усопших они решат. Материально простимулируют работу эксперта и санитара в предпраздничный день. Хоронить усопшего по православным канонам полагается на третий день после смерти, в данном случае – первого января.

– Мы, это самое, остановились на описании третьей раны, – с недовольством в голосе произнес следователь, напоминая о своем присутствии.

Прозрачную одноразовую ручку он держал двумя пальцами помороженной руки, как бы щепотью.

«Больно, наверное, – подумалось Кораблёву. – Вечно ему, бедолаге, не везет».

– Леонид, а когда наступила смерть? – поинтересовался Птицын.

Среди оперативных сотрудников милиции распространенным было заблуждение, что судебный эксперт способен точно ответить на этот каверзный вопрос.

В детективных сериалах в таких случаях седовласый профи с профессорской внешностью серьезно сообщает молодому лейтенанту, нетерпеливо бьющему копытом:

– Смерть наступила в пять сорок семь утра!

И лейтенант резво стартует, он теперь вооружен знанием, теперь от него преступнику точно не уйти.

На самом деле, данные судебных медиков достаточно условны, их надо сопоставлять с другими сведениями. На памяти Кораблёва эксперты не раз серьезно ошибались, называя одно время смерти, тогда как убийца и свидетели говорили о другом. Причем разница исчислялась не минутами и не часами даже, а целыми сутками. Следствию приходилось крепко поломать голову, чтобы выйти из ситуации, не утратив доказательств.

Сейчас давность наступления смерти можно определить путем несложных подсчетов. Из дежурки Саше позвонили в двадцать тридцать, он как раз на часы посмотрел. Андреич сказал, что прокуратуру он уведомляет первой, сразу после регистрации сообщения. Пацаны из десяти дома по улице Васнецова, заинтересовавшиеся машиной с разбитым лобовым стеклом, кружили вокруг нее около двух часов. Накinem еще минут тридцать на то, чтобы затянувшаяся стоянка «девяносто девятой» привлекла внимание ребят. Получается, что смерть наступила около восемнадцати часов. Произведя выстрелы, убийца немедленно скрылся. Резона засиживаться в компании расстрелянных жертв у него не имелось.

– Судя по трупному окоченению, от шести до восьми часов назад, – Никульский не мог проигнорировать вопроса и.о. начальника криминальной милиции.

«Ну вот, с учетом того, что сейчас час ночи, специально обученный человек пришел к такому же выводу, что и я, – с удовлетворением подумал Кораблёв. – Хотя, если ты такой правильный, Леня, мог бы и в прямой кишке температуру замерить, как в приказе написано».

– Долго еще? – Птицын наклоном головы указал на следователя.

– Да не быстро, – Саша не видел резона, чтобы подгонять Винниченко.

От тщательности осмотра напрямую зависело, получит ли следствие и розыск какой-либо осязаемый материал для раскрытия убийства. Который впоследствии поможет привязать подозреваемого к месту преступления и трупам.

Предстояла еще трудоемкая работа по изъятию заднего сиденья, на котором следовало искать микрочастицы от одежды преступника. С целым сидением возиться хлопотно, оно громоздкое, «Газель» понадобится для перевозки. Были бы чехлы, ограничились бы их изъятием. Одно время следователи практиковали оклеивание сидений скотчем, который отрывали вместе с прилипшими наслоениями. Но эксперты НИЛСЭ⁴¹ забраковали такую методику из-за невозможности отделять микрочастицы от клейкой поверхности скотча.

– В управлении народ ждет, – напомнил Птицын, – совещаться планировали.

– Предложения? – Кораблёв после семнадцатичасового рабочего дня соображал плохо.

– Я, пожалуй, всех распушу. Соберёмся с утра в десять, обсудим наработки. Сейчас все равно хватать и забивать в камеру некого. С ходу такие заказухи не раскрываются, – высказался Птицын.

Саша не возражал. Ему хотелось постоять под горячим душем, поесть и улечься спать. Выпить пятьдесят граммов снотворного он не мечтал. На сон, если отбиться в два, останется не больше пяти часов. Копившаяся в течение последней недели усталость от рутинной надзорной работы умножилась стрессом последних событий, суливших непочатый край работы на необозримое будущее.

Птицын, позвонив по мобильному, дал отбой совещанию и разрешил своим разъезжаться по домам.

– Льво-ович, – широко зевнул Кораблёв, – извини, пожалуйста, засыпаю на ходу... Во сколько тебе сотовая связь обходится?

– Триста рублей кладу на счет и на месяц хватает.

– Пф, так мало? Я думал, гораздо дороже.

– А я много через дежурку звоню, они по внутреннему соединяют, с кем скажу. Ноль-два звонок бесплатный. А ты чего никак не обзаведешься? С вашей зарплатой можно себе позволить.

– После праздников раскошелюсь.

Саша проинструктировал Винниченко, какие действия тот должен произвести в обязательном порядке.

Следователь даже не кивнул в ответ. Чувствовалось, что при всем его пофигизме Боря задевало, что прокурор двигал в замы Кораблёва, имевшего меньший стаж работы.

«Хрен с тобой, Борис Сергеевич. Я сказал, ты услышал. Спрос, если что, будет с тебя», – размышлял Саша.

Свою задачу он выполнил от и до, стоять над душой у следователя не собирался. Тем более у такого опытного следователя. Надо было экономить силы для грядущих свершений. Прежние задачи никто не снимал. С утра набегут дознавательницы и следачки милицейские, закудахчут: «Александр Михалыч, мое дело подписали? А мое?»

– Довезёшь? – вздёрнул подбородок Птицын. – Не хочу дежурку лишней раз не гонять.

– Легко. Давай курнем только на свежем воздухе.

Кораблёв и Птицын вышли из бокса, закурили. Саша – красную «Золотую Яву», Птицын – синий LM, «Любовь мента». Перекур совместили с блиц-совещанием в узком кругу.

– Что нам осмотр дал? – задал вопрос подполковник и сам принялся на него отвечать: – Калинин и Зябликов спокойно пустили убийцу на заднее сиденье. Петруха с Ромкой парни крученые... были... Однозначно они хорошо знакомы, раз доверяли киллеру. Зачем они при-

⁴¹ НИЛСЭ – научно-исследовательская лаборатория судебных экспертиз Министерства юстиции РФ.

ехали на Васнецова? К кому-то на встречу? На стрелки в пойму ездят, обычное дело, но сейчас все снегом занесло, не проберешься. Остановились на спуске, у торца десятого дома. Ты обратил внимание, как Калинин сидел? Спокойно, руки на руле пристроил, обернулся назад, к пассажиру. Типа, говорит ему: «Приехали, дружила, вылезай». А тот стреляет...

– Где у него был автомат? В кармане его не спрячешь. Значит, в сумке, – вставил свою порцию умозаключений Саша.

– Или под одеждою прятал. Автомат без деревянного приклада или со складывающимся вполне можно под одеждой незаметно носить. Если куртка объемная, наподобие пуховика...

Кораблёв сделал последнюю затяжку, бросил окурочок под ноги, растёр подошвой.

– Другой вопрос: за что их убили? Давай, Львович, колись, чего вы темните. Чего знаешь? И.о. начальника КМ поглубже на уши натянул шапку.

– Пробирает, из тепла-то когда выйдешь... Из-за чего? Передел сфер влияния, экономика. Первая мысль, это от Клыча прилетело. Давай не сейчас, Саш. Тут до третьих петухов можно проговорить. Я приведу все в систему, расскажу. Какие могут быть секреты от родной прокуратуры? Без обид, ладно?

Кораблёв пожал плечами, на обиженных воду возят.

Они двинулись в сторону приземистой будки КПП. В тишине снег скрипел необычно звучно, будто кто-то зубастый сочную морковку проворно хрумкал. Саша поднял голову и изумился обилию белых звезд в чернильном небе. Казалось, что они живые, и что они беззвучно шевелятся. Неоновый диск растущей луны тоже едва заметно подрагивал.

Когда ехали пустынной улицей Чехова, мимо «немецких» домов, построенными пленными после войны, Птицын поинтересовался делом Рязанцева.

– Ты подписал обвинительное или как?

Вопрос застал Кораблёва врасплох. Он ломал голову над загадкой, почему ночью кажется, что ты едешь быстрее, чем на самом деле. Задетый отказом подполковника поделиться информацией по убийству, Саша хотел ответить ему в тон.

«Давай не сейчас, Львович. Без обид».

Но сумел укротить эмоции, все-таки темы принципиально разные. Здесь гангстеров замочили, у них судьба такая, они сами её выбрали много лет назад. А там молодой, подающий надежды сотрудник угодил за чужие амбиции в жернова правосудия, в которых трещат его косточки.

– Не подписал, – сквозь зубы сказал Саша, – Не знаю я, что с этим трёкнутым делом делать, Львович. Выброшу его на помойку. Только это между нами. Ладно?

– Встань, Сань, у трансформаторной будки, я через арку пройду. Чего тебе кружить?

– Вадим Львович, я же на машине. У тебя какой подъезд, второй? – Кораблёв свернул во двор растянувшегося на два квартала по улице Разина девятиэтажного кирпичного дома, известного в народе, как «китайская стена».

Голубоватая панель автомагнитолы Pioneer высвечивала удручающие цифры. «01.39».

8

31 декабря 1999 года. Пятница.

08.00 час. – 09.00 час.

Миха Маштаков, единственный в областном управлении, а может, и во всём МВД России опер с прокурорским прошлым, утром тридцать первого декабря заступил на суточное дежурство.

Новогодняя следственно-оперативная группа была сформирована по принципу штрафного подразделения. В неё угодили сотрудники, имевшие проблемы с дисциплиной. В большинстве – на почве пристрастия к спиртному. Еще была парочка упертых правдоискателей, испортивших отношения с начальством. Концентрация в одном месте такого числа залётчиков выглядела рискованной. Поэтому ответственным от руководства был назначен заместитель начальника УВД по личному составу и кадрам полковник Коростылёв.

Инструктаж, проведенный им, сводился к доказыванию единственной формулы. Все ментовские беды – от водки! Медленно обводя немигающим взглядом разместившихся на двух первых рядах актового зала сотрудников, Коростылёв внушал из президиума вкрадчивым голосом:

– Новый год будем встречать вместе. По кабинетам прятаться не думайте. Чтобы каждый был на виду. Предупреждаю: ни рюмки сухого, ни глотка шампанского во время дежурства, будь оно хоть трижды праздничное, не разрешается. Ни-ко-му! Кто попадетса, пощады не будет. Я что-то смешное сказал, Калёнов? Встаньте, когда к вам обращается старший по званию и должности.

Старший опер с «южной левой» зоны Рома Калёнов, спортивный парень с модной стрижкой, не торопясь поднялся и наклонился вперёд, опершись руками о спинку стула первого ряда.

– Над кем вы смеетесь, Калёнов? Надо мной? Что я вам, Петросян или Геннадий Хазанов?

– Берия! – кто-то шёпотом подсказал Калёнову правильный ответ.

Рома, не выдержав, раскололся, громко прыснул. Раздалось ещё несколько сдавленных смешков.

Коростылёв достал из замшевого футляра узенькие очёчки, надел их, добившись действительного сходства с Лаврентием Павловичем.

– Это кто у нас такой остроумный? Маштаков?

Миха вскочил, будто подброшенный сильной пружиной. Откидное деревянное сиденье стула, крутнувшись на петле, оглушительно грохнуло. Сидевший впереди лопухий, разгильдяистой наружности следователь Озеров испуганно вздрогнул и произнес табуированное слово.

– Старший оперуполномоченный капитан милиции Маштаков! – отчеканил Миха.

Он стоял по стойке смирно, припечатывал руки по швам, распрямив плечи, вскинув подбородок. Глодал глазами начальство.

Коростылёв обвел взглядом, источавшим сожаление, невысокую поджарую фигуру Маштакова и удрученно вздохнул:

– На такой вот малю-усенькой липочке висите, Маштаков, а всё клоунничаете. Вам ведь не двадцать семь лет, как Калёнову. Повзрослеть пора, Михаил Николаевич.

Полковник при помощи большого и указательного пальцев наглядно продемонстрировал всем мизерность ниточки, на которой болтался опер.

Миха стоял, как истукан. Его впалые щеки, рассеченные расходящимися от крыльев носа складками, застыли, только у левого глаза чуть заметно подрагивала голубоватая жилка.

– Садитесь оба, – махнул рукой Коростылёв.

Своим экстерьером полковник являл образец российского милиционера. Грудь его новенького отутюженного кителя украшали памятные ведомственные знаки и колодочки меда-

лей за выслугу лет. Твердый воротник парадной рубашки был кипенно бел, узел форменного галстука – безукоризненно выпукл. Здоровый цвет кожи свидетельствовал об отсутствии у Коростылёва вредных привычек. Он занимался оздоровительной физкультурой, трижды в неделю посещал бассейн, в выходные с сыном-подростком бегал на лыжах в пойме. Естественно, не курил. Полковник имел качественное дневное образование, превосходно знал действующее законодательство, многочисленные приказы министра и свои служебные обязанности. Был умен и ироничен, увлекался творчеством Окуджавы и Дольского. Имел железобетонный семейный тыл. Выпивал исключительно по праздникам, строго соблюдая при этом технику безопасности.

«Вот на кого мне надо равняться, – думал Маштаков, разглядывая высоколобое мужественное лицо Коростылёва. – Человек живет в гармонии с собой, окружающими и природой».

Только вот за двадцать лет безупречной службы Отечеству Коростылёв не раскрыл ни одного преступления. Преступники стороной обходили отдел кадров УВД по городу Острог.

«Наговариваю на человека, – поправил себя Миха. – Он же не родился кадровиком, он в дознании в начале восьмидесятых года полтора, что ли, прокорпел. Там он поднимал преступления века. Кражи белья с веревок, соседские драки в коммуналках, неуплату алиментов».

Наконец затянувшийся на полчаса инструктаж закончился.

Зам по личному составу, как и следовало ожидать, не забыл про смутьяна.

– Маштаков, – окликнул он устремившегося к выходу оперативника, – в девятнадцать часов зайдите ко мне с тетрадью индивидуальной подготовки.

Миха в ответ пробурчал невнятно. Запас сил, отведённый на шелканье каблуками, иссяк. Полковник вовремя напомнил ему, что он уже не мальчишка.

Тридцать пять – не за горами!

Вернувшись в свой кабинет, он первым делом закурил. Сыроватая «балканка» тянулась с усилием и отчаянно горчила. Наезду Коростылёва он не придал значения, новогоднее дежурство всегда выдавалось урожайным по части всевозможных происшествий, вряд ли у опера выдастся свободное время, чтобы предъявлять замполиту конспекты. Маштаков продолжал переваривать новость дня: убийство Калинина и Зябликова на Васнецова. Из зачитанной на приеме-сдаче дежурства сводки следовало, что парней уделали из огнестрельного оружия, причем из автоматического, калибра 5,45. Миха прикидывал, кто в городе выиграл от мокрухи, кто мог повернуть такое рискованное предприятие, при помощи каких сил и средств.

Убийства и тем более организованная преступность были не его линиями, но он знал, что в стороне от работы по преступлению не останется. Не в привычках Маштакова было бегать сугубо по своей дорожке, с шорами на глазах. Он уже прикидывал, с кем из блатных стоит встретиться в надежде на доверительный разговор. У каждого только одна голова на плечах, запаски Создатель не предусмотрел. А посему братва тоже не жаждет кровопролития. Гангстерская война одним боем не закончится, непременно прогремят новые, будут ещё жертвы.

Миха не противился тому, что Борзов подсуропил ему с новогодним дежурством. Де юре дисциплинарные взыскания были сняты с него ещё на День розыска. В зачёт пошли раскрытые убийства плечевой проститутки в Соломино и мальчика в коттеджах. С тех пор Маштаков не успел прожечь кафтана, но из числа сотрудников, входящих в группу риска, его никто исключать не собирался, он был причислен к ней навечно.

Последний срыв, накрывший Миху в середине октября, прошёл практически незаметно для службы. После крутого двухдневного загула он умудрился вовремя выйти на работу в понедельник, правда, в полуразобранном виде. Реабилитировался трое суток, в течение которых отсиживался в кабинете, через силу писал бумажки, в обеденный перерыв запирался изнутри на ключ и растягивался на составленных в рядок стульях. В итоге к четвергу ожил. Начальство сделало вид, что не заметило его болезненного состояния.

Куда хуже обстояли дела семейные.

Татьяна, уезжавшая на выходные к матери, вернулась в воскресенье вечером суровая. С порога узрела плоды поведения непутевого супруга в её отсутствие. Скомканная куртка и брюки валялись посредине прихожей, на истоптанном линолеуме. Из ванной истошно орал помещенный туда до установления данных о личности оголодавший кот. Миха сидел на кухне, в одетом наизнанку полосатом свитере и в семейных трусах, с всклокоченными волосами, небритый и опухший, словно утопленник. Стол был завален рыбьей чешуей, склизкими фиолетовыми потрохами, головами и хвостами. Среди этих воняющих останков возвышалась окаменелая, обгрызенная сбоку буханка черного хлеба. Перед Маштаковым стоял захватанный жирными руками стакан, наполовину заполненный пивом, с размазанной по стенкам белесой пеной. Неподдающееся подсчёту количество пустых бутылок из-под «Ярпива», «Балтики № 3» и «Премьера» было составлено в каре в углу. Ещё несколько, как сбитые городки, валялось у холодильника. Взгляд Михин блуждал, улыбка его была идиотской.

С подоконника маленькая магнитола Sony корейской сборки, врубленная на полную мощь, величаво гремела великим поэтом Есениным, пытавшимся в исполнении Александра Новикова постичь загадку русской души.

*– Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоника жёлтую грусть!*

Рядом с магнитофончиком валялось несколько аудиокассет с вытащенной наружу жеваной блестящей пленкой.

Старшая дочь Даша, раздув ноздри, смотрела на отца испепеляюще. Магнитофон был подарен ей на день рождения. Младшая Маришка испуганно хлопала глазами, в пять лет она не всё понимала.

Татьяна, не разуваясь, чеканя шаг каблуками, прошла в кухню, выдернула вилку из розетки. Затем взяла стоявшую напротив мужа пустую чашку и пристукнула ее дном по загаженной столешнице.

– Это что такое?! – Ее указующий перст был направлен на яркую сиреневую полосу, повторявшую изгиб верхнего края чашки.

– Сервиз генеральши Поповой, – захохотал Миха, шутка показалась ему удачной.

– А это?! – Татьяна встряхнула закопчённую жестянку из-под консервированной ветчины, с перестроечных времён служившую мужу пепельницей.

В густом замесе окурков виднелось немало с фильтрами, густо испачканными в помате.

– Кого ты снова приводил, сволочь?! – Татьянин голос зазвенел от праведного гнева.

Она в очередной раз пренебрегла основополагающим принципом, согласно которому нельзя учинять разбирательства с пьяным и тем более ругать его.

Маштаков зарычал в ответ, забыв о присутствии детей:

– Нечего уезжать каждые две недели! Как будто дома у неё нет! Лягушка-путешественница!

Вспыхнула ссора. Татьяна закричала на высокой ноте, метнула Михе в голову чашку, отмеченную помадой, коротким бабьим умом не понимая, что уничтожает основной вещдок по делу. Маштаков непроизвольно мотнулся, метательный снаряд пронёсся мимо, врезался в стенку. Брызнул звон осколков на счастье.

– Ты чё делаешь, коза? – Миха, опираясь на стол, поднимался, полагая, что выглядит грозно, а на самом деле – омерзительно и жалко.

Грохнулась об пол уроненная им табуретка.

Навзрыд зарыдала Маришка. Маштаков зажал уши, уцепил за горлышко последнюю непечатую бутылку пива и, шатаясь, двинулся из кухни. По дороге он поймал плечом дверной косяк. Добравшись до маленькой комнаты, рухнул наискось на разложенный диван.

Две недели Татьяна хранила абсолютное молчание. Михина одежда не стиралась и не гладилась. Правда, еду из холодильника и со сковородки он брал. Снять его с продуктового довольствия жена не решилась. Сколько ни сколько, а деньги Маштаков на ведение совместного хозяйства давал всегда. Дашка с отцом разговаривала исключительно односложно. «Да. Нет. Привет. Все нормально». В голосе её открыто читался вызов. Маришка с Михой общалась, он по утрам отводил ее в садик. Чувствуя свою вину перед девчонкой, Маштаков не мог смотреть в её ясные глазёнки, смаргивал, отворачивался.

В начале ноября, проверяя содержимое почтового ящика, он обнаружил там адресованный ему конверт. В месте, где указывается адрес отправителя, стоял бледный, не полностью пропечатанный фиолетовый оттиск. Миха поднес конверт поближе к глазам и разобрал: «Острожский городской суд». Поспешно разорвав конверт, вытащил сложенный втрое стандартный лист, развернул. Текст был отпечатан на матричном принтере, по левому краю снизу доверху шла черная полоса. «Исковое заявление... о расторжении брака... С ответчиком я состою в зарегистрированном браке с... От брака мы имеем двоих несовершеннолетних детей... Совместная жизнь... не сложилась, в связи с... злоупотреблением со стороны мужа спиртными напитками и его неспособностью содержать семью материально... Дальнейшая совместная жизнь и сохранение семьи невозможны... В соответствии со ст. 33, 67 КоБС РФ... прошу расторгнуть брак между мной и ответчиком Маштаковым М. Н., зарегистрированный 15.02.1986 г. в Загсе г. Иваново... вынести решение о начислении с ответчика алиментов на содержание дочерей...»

Миха на ослабевших ногах медленно спустился по лестнице, вышел на улицу и побрел за угол дома. Чего-то подобного он интуитивно ожидал. Уповал, однако, что на развод Татьяна не решится. Куда она с двумя детьми со своей училкиной зарплатой и алиментами с нищего оперского жалованья? Маштаков не имел никакого плана действий и по своему обыкновению решил поддаться течению, куда оно вынесет. Подкатившее желание протащить рюмочку он, тем не менее, категорически отверг. Нарезал два круга вокруг квартала, прикуривая одну сигарету от другой, докуривая до фильтра. Скомкал и отправил в урну полученную корреспонденцию. Дома не подал вида, что произошло нерядовое событие, хотя и ловил на себе пытливые взгляды жены. Судя по отсутствию на конверте почтовых штемпелей, его принес не почтальон в толстой сумке на ремне, а сама Татьяна.

Без аппетита поужинав и вымыв за собой посуду, Миха уединился в маленькой комнате, ставшей для него штрафным изолятором. Он не мог объяснить почему, но заговорить первым с Татьяной у него не получалось. Что-то в голове у Михи было устроено не так, как у остальных, нормальных людей.

Дня через три ему на работу по телефону позвонил федеральный судья Стас Глазов.

– Здорово, Мишк! – энергичный беззаботный голос и манера обращения выдавали в Глазове человека, ведущего праведный образ жизни.

Со Стасом Маштаков учился в университете в одной группе, потом около года они бок о бок отработали в прокуратуре. Приятелями не стали, но знакомы были неформально.

– Слушаю, – обреченно ответил Миха, догадываясь, о чем пойдет речь.

– Миш, ко мне заявление поступило от твоей супруги. Ты же на моем участке живешь. Ну ты в курсе?

– В курсе чего? – Маштаков решил включить конкретного дурака.

– Не знаешь ничего? Да-а?! – Глазов изумлялся очень искренне, он был простоват.

Миха зажмурился, ему хотелось садануть трубкой об стену. Хорошо еще, что он находился в кабинете один, Титов пошел с «отказным» по начальству, собирать визы.

– Может, Танюха припугнуть тебя просто решила? – Глазов помнил вторую половину Маштакова студенткой филфака, хохотушкой и «кэвээнщицей».

– Хрен знает, Стас, что у этих баб на уме, – Миха наконец собрался с духом. – Давай не по телефону. Давай я заскочу к тебе завтра с утра. Во сколько удобно? В девять ты не в судебном будешь?

– Сейчас посмотрю... – Было слышно, как Глазов зашелестел листами ежедневника. – В половине десятого у меня – лишение родительских прав. Забегай пораньше. Удачи!

Маштаков, услышав в трубке короткие гудки, громко выругался. Он знал, что найдет сто причин, одна другой важнее, чтобы не ходить наутро в суд.

Следующие несколько дней он внаглую динамил Глазова, пока тот перед самым днем милиции не пригрозил, что кровно обидится на Миху, который подставляет его со сроками по прошедшему через канцелярию заявлению. Пришлось всё же тащиться на Чапаева, в городской суд. Получив под роспись у секретаря копию искового, Маштаков толкнулся в дверь кабинета Глазова. Тот был занят, и Миха с облегчением заклятого двоечника, приобретшего отсрочку до конца каникул, свалил восвояси.

Вскоре судья вызвал стороны на беседу. Татьяна неожиданно явилась на пару с адвокатом, как будто ей деньги некуда девать. Адвокат Боровая Ираида Ароновна, экстравагантно одетая, ярко наштукатуренная дама хорошо за пятьдесят, непрестанно улыбалась, отчего у нее над верхней губой шевелились мушкетерские усики. Разглядывая насупленное лицо Маштакова, она вещала, что интеллигентные люди должны уметь улаживать семейные конфликты интеллигентно.

Боровая была в принципе безвредным адвокатом, не подличала следствию, мало чего знала, но любила на публике распускать перья и трещать ими. Когда Маштаков работал в прокуратуре, он пару раз больно куснул ее в процессе, показав клиенту Ираидину дурь. С тех пор Боровая стала относиться к молодому заместителю прокурора с опаскою. Её тревожения закончились пять лет назад, когда после одного весьма неприятного события Миху попросили покинуть ряды работников прокуратуры по собственному желанию, чтобы не портить ему трудовую.

С тех пор утекло слишком много разной воды.

– Ответчик, что вы можете пояснить по существу поступившего заявления? – В строгом костюме, темно-синем галстуке, очках в массивной оправе, говорящий казенными фразами Стас Глазов выглядел другим человеком.

Непривычный процессуальный статус вызвал у Михи скованность, у него запылали уши.

– Я... кхм... – От волнения еще и в горле запершило. – Я, это самое, не хочу разводиться. Я намерен сохранить семью.

– Истица, вы настаиваете на своем заявлении? – Глазов обратился к Татьяне.

Та сидела с прямой спиной и профессионально строгим выражением лица. Губы ее были поджаты, волосы собраны на затылке в пучок. Михе бросилось в глаза, как она осунулась и подурнела за последнее время.

– Настаиваю, – ответила односложно.

– Ситуация, к сожалению, уважаемый суд, зашла слишком далеко, – Боровая состроила гуттаперчевую гримасу, означавшую, вероятно, высшую степень озабоченности. – Мы не будем занимать время многоуважаемого суда перечислением примеров негативного поведения ответчика в быту. Моя доверительница, Татьяна Валерьевна – педагог с большим стажем, человек в высшей степени порядочный. Но и она исчерпала весь свой потенциал для сохранения института брака...

– Таня, – хрипло выдавил Маштаков, – мы чего, сами не сможем поговорить, без этой... У него едва не вырвалось: «балалайки».

– Ты со мной не разговариваешь, – метнула глазами молнию Татьяна.

– Суд дает сторонам месяц для примирения, – объявил Глазов и тут же, сменив тон, продолжил по-приятельски: – Ребят, ну чего вы, в самом деле, а? Столько лет вместе прожили. Девчонки у вас такие хорошие...

Миха выскочил на крыльцо суда, бросил в рот сигарету, сжал подрагивавшими губами фильтр, прикурил у истомившегося от исполнения непосильных служебных обязанностей пристава. Не успел он сделать и пары затяжек, как из здания вышла Татьяна, на ходу застегивая пальто. Маштаков размашисто отбросил в сторону, на газон дымившуюся сигарету и шагнул навстречу жене. Следовавшая за Татьяной адвокат Боровая удивительно ловким маневром, невзирая на годы, обогнала свою доверительницу и оказалась между ней и уже открывшим рот для первой фразы Михой.

– Татьяна Валерьевна, – Боровая пытливо заглянула в лицо клиентке, – мы сейчас идем ко мне в консультацию. Не забыли?

– Она вас догонит, Ираида Ароновна, – из последних сил сдерживая себя, произнес Маштаков.

Боровая осторожными шажками спустилась вниз по ступеням лестнице, обметанным первой наледью.

– Хочет еще с тебя денег снять, – большим пальцем ткнул в сторону адвокатессы Миха. – Зачем ты ее наняла? Что ли мы сами не можем разобраться?

Татьяна молчала, на щеках ее пятнами рдел румянец.

– Прости меня, пожалуйста, – Миха виновато склонил голову, – я больше так не буду.

Татьяна коротко, неестественно хохотнула:

– Ты как маленький ребенок, Маштаков. Супом облился, и прощения у мамки просишь.

– Татьяна Валерьевна! – с укоризною напомнила о своём присутствии Боровая.

– Я пойду, неудобно... – Татьяна дотронулась до руки мужа.

Прикосновение оказалось неожиданным. Миха вздрогнул, будто от щелчка статического электричества.

Вечером на кухне, за закрытой дверью, состоялся принципиальный разговор. Маштаков, понуждая себя глядеть в лицо жены, произносил неуклюжие слова прощения. Впервые он признался вслух, что не в состоянии в одиночку справиться со своим недугом. Что когда он берет за стакан, он перестает принадлежать себе. Просил помочь ему, едва слышно говорил, что больше он никому не нужен.

В итоге Татьяна согласилась, сказав: «Давай попробуем».

Помолчала и добавила веско:

– В последний раз.

Ставить точку в каждом разговоре с супругом было для неё принципом. Обычно не выносивший подобных проявлений эмансипации Миха в этот раз покорно смолчал.

На домашнем фронте установилось затишье, достаточно, впрочем, напряженное. Маштаков продолжал по утрам гладить себе рубашки и брюки. По вечерам долго задерживался на работе. Спали они с женой порознь. По большому счету он пребывал в положении квартиранта. На ум Михе не раз приходило: «Почему у других людей дома – тыл, а у меня – передовая?» Поэтому он не стал спорить против новогоднего дежурства. Не придется играть в самый домашний праздник и меньше риска споткнуться. Он зарекся даже от фужера шампанского под бой курантов на Спасской башне.

Размышления про дела домашние увели в сторону от мыслей про двойное убийство.

Привстав на носках, Маштаков поддел ногтями перекосившуюся форточку и потянул её на себя. В тесное прокуренное помещение вместе с порывом морозного свежего воздуха ворвался нарастающий вой троллейбуса, разогнавшегося на отрезке между двумя светофорами.

Михин взгляд переместился на стену над рабочим местом старшего группы по тяжким – майора Титова, более известного, как Тит Рыжий Ус. Простенок украшал коллаж, труд многих лет напарника. Один из исполненных на лазерном принтере плакатиков гласил: «Кто к нам на работу придёт, тот от неё и сохнет!». Другой слоган, прикреплённый пониже, констатировал: «Дай дураку хрен стеклянный, он и его разобьёт, и руки порежет!». Еще была один, призывающий к трудовым подвигам: «Лучше брюхо от пива, чем горб – от работы!». Мудрые изречения перемежались фотографиями живых и мертвых бандитов, а также их боевых подруг. В честь наступающего праздника Тит кнопкой прищандорил сбоку прикольную цветную открытку. Бородатый, стриженный под ноль Дед Мороз с красной пройдошистой физиономией настезь распахнул полы короткой, похожей на бушлат шубейки. Под шубейкой обнажилось голое тело. На плечах Деда Мороза красовались татуированные воровские звезды, на груди синела надпись: «С Новым годом!».

«Авторитетный дедок», – улыбнулся Маштаков.

Левее новогодней открытки на пожелтевшей чёрно-белой фотке с неровно отломанным углом стояли в обнимку Петруха Калинин и Рома Зябликов. Молодые, дерзкие, в китайских спортивных костюмах «Адидас» с двойными лампасами. Имеющий склонность к систематизации в работе Титов снабдил снимок подписью: «1988 год. Братки Зябликов и Калинин. Сидят».

Миха взял синий фломастер, зачеркнул последнее слово и написал сверху печатными буквами: «Лежат». Написал и тут же пожалел. Лёха, ревностно относившийся к своему наскальному творчеству, непременно будет ругаться.

9

31 декабря 1999 года. Пятница.

09.00 час. – 10.00 час.

На подоконнике заверещал бордовый телефон внутренней связи. Маштаков добрался до него, поднял трубку. Заступивший с утра дежурный Медведев сообщил, что пятнадцать минут назад он заштамповал заявку как раз по профилю группы по тяжким преступлениям.

– На Абельмана Дед Мороз напал на женщину, хотел в рот дать, насилию она отбилась.

– Владимир Николаевич, кончай хлестаться. Зачем Деду на наших баб нападать? У него Снегурочка есть.

– Не знаю, может, разнообразия захотелось. – Медведев отличался рассудительностью, непросто было понять, когда он шутит. – Короче, заявительницу я в дознание определил, чтоб опросили. Сходи, вникни в курс дела и выдвигайся на Абельмана. Посмотри там, за что можно зацепиться.

Миха захватил записную книжку, распахнул по нагрудным карманам ручку, сигареты, зажигалку, захлопнул дверь и двинул на третий этаж, в отделение дознания.

В направлении кабинета начальника уголовного розыска вразвалку шагал замначальника ИВС по режиму и оперативной работе Капустин. Его крупногабаритная фигура заслоняла свет от единственного окна в конце коридора. Капустин нёс объемистый пакет. Он вывернул с лестничной площадки и Маштакова не заметил.

Ступая на носки, Миха неслышно догнал его, нагнулся и с обеих сторон шлепнул ладонями по пакету. Блякнуло стекло.

– Что это у вас, товарищ майор? – густым басом спросил Маштаков.

Капустин повернулся на голос как волк, всем корпусом. Увидев Миху, осклабился. Под дремучими запорожскими усами завиднелись темноватые зубы.

– Прикальываешься, Николаич?

– Никак нет, – Маштаков пытался оставаться серьезным, – мне Коростылёв поставил задачу отлавливать пассажиров с такими вот бандеролями и вести к нему на цугундер.

– Га-а, – еще шире ощерился Капустин. – На хрена?!

– Во-первых, мне за набой – половина добычи, во-вторых, – Миха не удержался, заржал. – Во-вторых, чих-пых... Благодарность в приказ...

– Я к Сан Саньчу пробираюсь, – понизив голос, открыл секрет Полишинеля Капустин. – Минута будет, подгребай к нам.

– Счастливые люди, – Маштаков легко изобразил сожаление. – Я на сутках.

– Ну и чё? – удивился майор. – Не до зеленых же помидоров? Сто граммов-то можно. Первый раз, что ли?

– Не, Серег, времена нынче не те и здоровье не прежнее. С наступающим тебя годом Дракона, – Миха протянул Капустину руку.

Тот не преминул сжать ее со всей дури. Последние годы майор тягал железо в спортзале, пятерня его, отшлифованная грифом штанги, приобрела каменную крепость.

В кабинет отделения дознания Маштаков вошел, морщась и потряхивая правой кистью. Дознаватель Олеся Семёркина, аккуратненькая двадцатилетняя девчоночка за столом у окна округлым почерком хорошистки бойко заполняла бланк объяснения.

Наискось от нее, около стены сидела женщина лет сорока. Судя по скромной одежде, невысокого достатка.

– На какой стадии находитесь? – поинтересовался Маштаков у Семёркиной.

Девушка на секунду оторвалась от листа.

– Подошли к тому, как он на нее напал.

Миха отметил, что заявление от пострадавшей уже было отобрано по всей форме, с предупреждением по статье за заведомо ложный донос.

«Никто их не учит молодёжь думать на перспективу! Натаскивают их только строчить, как из швейной машинки. Все уже написано, топором теперь не вырубешь. “Прошу привлечь к уголовной ответственности неизвестного мне мужчину, который 31 декабря 1999 года напал на меня, угрожал убийством и пытался изнасиловать...” Пацанка ни на секунду не задумалась, что отбирает заяву по преступлению прокурорской подследственности. Кстати, дежурная часть уведомила прокуратуру или нет? Будет от них следок?».

– Разрешите, я несколько вопросов задам? – Маштаков поставил стул напротив заявительницы.

Он сел так, чтобы женщине было удобно к нему обращаться, не выворачивать голову, не выглядывать из-за настольной лампы.

– Нина Анатольевна... – Имя-отчество он прочёл в заявлении. – Меня зовут Михаил Николаевич, я сотрудник уголовного розыска. Вы как себя чувствуете?

– Н-нормально... – Женщина была пятьдесят восьмого года рождения, всего сорок один год, но выглядела старше.

Неприметное рябоватое лицо, сухая кожа, заметные морщинки. Тусклые глаза, невнятно покрашенные, жидкие, секущиеся на концах волосы. Обветренные руки, привыкшие к физическому труду, аляпистый, – очевидно, в честь праздника, – маникюр на коротких ногтях.

– Вы его не знаете? – Это было для оперативника первоочередным.

– Нет.

– Раньше никогда не встречали? Может, случайно? На улице?

Заминка. Женщина наморщила переносицу.

– Не знаю. Лицо у него такое...

Она сделала неопределённое вращательное движение пальцами.

– А узнать сможете?

Снова возникла трудная пауза.

– Постараюсь.

Задав еще несколько точечных вопросов, Маштаков восстановил для себя картину происшедшего.

Нина Анатольевна приехала в город из Терентьево на шестичасовом автобусе. Должна была заступить на дежурство в котельную на улице Ворошилова. Шла обычным маршрутом по Абельмана. Еще от автостанции за ней увязался пьяненький парень в красно-белом колпаке Деда Мороза. Пытался познакомиться, придурился, говорил, что приехал на электричке из Великого Устюга. Она не обращала на него внимания, думала – по дороге отстанет. Когда проходили мимо гастронома, парень цепко, как клещ, схватил ее за руку и потащил под арку, во двор дома. Было начало восьмого, на улице – совсем пусто и темно. Во дворе парень повалил ее на снег. Сжал шею рукой, приказал молчать, сказал: «Убью». Еще сказал: «Отсосешь по быстрому, сразу отпущу». Она перепугалась, парень – сильный, глаза у него бешеные, лицо очень злое. Заставил её встать на колени. Расстегнул ширинку, вытащил член, велел взять в рот. Она отказывалась, говорила, что не умеет. Он настаивал, матерился. Неожиданно для себя женщина предложила пройти к ней домой, якобы она живет по соседству. Еще сказала, что надо бы купить водки. Удивительно, но парень повёлся на такую наивную хитрость. Они вернулись на Абельмана, двинулись к гастроному. Парень всё время держал ее за руку. Со стороны привокзальной площади навстречу шли люди. Она рванулась к ним, закричала во весь голос. Парень растерялся, отпустил ее и рванул вниз, под горку к речке.

– Ну и почему здесь покушение на изнасилование? – спросил Маштаков у дознавательницы.

Та не поняла вопроса, хлопнула длинными, густо накрашенными ресницами.

– Эти действия могут квалифицироваться как покушение на иные насильственные действия сексуального характера. Статья сто тридцать вторая, через тридцатую.

«Чего я пристал к девчонке? – подумал Миха. – Она же заочница, наверное, на втором курсе только учится, до общей части УК⁴² не добралась. Ты спроси ее еще, разъяснила ли она заявительнице, что такое дело частно-публичного обвинения и как оно возбуждается?».

Приметы преступника, кроме колпака Деда Мороза, получились усредненными. Около метра восьмидесяти ростом, худощавый, лет двадцати пяти, лицо бритое, без особых примет. Одет по сезону – темная куртка, джинсы; что на ногах – не рассмотрела.

– Он говорит так интересно, – женщина испытывала видимую неловкость от того, что отвлекает занятых людей от важных дел накануне праздника, а сама не может толком ничего объяснить. – С акцентом таким, знаете...

– Он что, нерусский? – Маштаков помог ей вопросом.

– Да нет, вроде русский. Но вот знаете, так говорят русские, которые из Узбекистана приезжают, из Азербайджана...

Правильно выговорить название бывшей союзной республики не удавалось даже последним руководителям страны.

– Понял. – Маштаков сделал короткую пометку в блокноте.

Он поискал взглядом телефон внутренней связи, без диска на корпусе. Обнаружил его на задвинутой в угол тумбочке, в компании с электрочайником, чашками, стеклянной банкой с сахарным песком.

Дежурная часть отозвалась почти сразу.

– Владимир Николаевич? Маштаков на проводах. Ты эксперта не загнал еще куда?

– В район собирается на кражу из дома-дачи. А чего?

– Надо сначала по Деду Морозу осмотр провести. Во дворе на Абельмана.

– А чего там реально состав усматривается? Я думал, ты разрулишь. – Дежурный Медведев работал давно, службу знал.

– Нравится мне твоя принципиальность, Владимир Николаевич. Вы штампуете всё подряд, а розыск разруливать должен. Сейчас спустимся, готовь транспорт и эксперта.

Лет пять назад подобное заявление ни за что сразу не зарегистрировали бы в книгу учета сообщений о происшествиях. Женщину отдали бы оперу, который, заведя с ней обстоятельный разговор, объяснил бы, сколько личного времени она уйдет на хождения по милициям и прокуратурам безо всякой гарантии, что злодея найдут. Оперативник констатировал бы с сочувствием, что, слава Богу, ничего страшного не произошло, главное, что она жива и здорова, а ссадина на шее заживёт быстро. Суть ее объяснений откорректировали бы, изъяв упоминание о сексуальном насилии. Остались бы словесная, заведомо недоказуемая угроза убийством и побори. Материал не стали бы даже направлять в прокуратуру, отказник слепил бы опер с «Северной» зоны.

Но теперь все заявки регистрировались немедленно, за проволочку наказывали строго, грозили даже, что будут увольнять за подобное.

Если бы еще начальство перестало требовать высокий процент раскрываемости! И если бы у розыска хватало сил, чтобы работать по всем преступлениям!

– Мне Марина Сергеевна велела сначала опросить женщину, – дознавательница была не в восторге оттого, что оперативник распорядился в её кабинете.

Миха, не вступая в дискуссию по поводу того, кто блажнее, набрал по городскому телефону начальника отделения дознания и в два счета доказал ей первоочередность проведения осмотра места происшествия, пока граждане не затоптали следы.

⁴² УК – Уголовный кодекс РФ.

– Как хорошо, Николаич, что ты дежуришь! – От говорливой разведенной начальницы дознания было непросто отделаться. – Ты уж помоги как следует Олесечке, объясни ей все. Она у нас еще маленькая.

– Слышали? – Маштаков поднес трубку, в динамике которой ворковал голос Марины Сергеевны, к уху Семёркиной.

– Я сбегая оденусь, а вы спускайтесь. Держите эксперта обеими руками. Угонят его в район, до вечера не увидим.

К металлической двери дежурной части Маштаков подбежал раньше дознавательницы и пострадавшей. Дамы на дорожку забежали поудрить носики. Увидев через стекло оперативника, помдеж нажал под столом кнопку дистанционного управления замком, прерывая питание электромагнита, закрепленного на косяке. Раздалось мерное гудение, Миха потянул на себя тяжелую дверь, она с усилием подалась.

Миновав проходное помещение, он вошел в комнату дежурного. Дождаясь, пока Медведев закончит разговор по телефону, Маштаков осмотрелся. В углу недавно пережившей косметический ремонт дежурки стояла живая елка, опутанная серебристым дождем и мишурой, обвешанная игрушками и шарами, со звездой на макушке. Весело подмигивали разноцветные лампочки гирлянды.

А на пульте перед начальником дежурной смены надоедливо мигали клавиши вызовов. Городская линия была занята, а гражданам не терпелось дозвониться до родной милиции.

– ...установлено, что изъятые следы пальцев рук принадлежат одному из убитых... – Медведев сверился со своими записями: – Зябликову. Активно продолжается отработка членов территориальных ОПГ. Вас понял, товарищ подполковник. Есть доложить в двенадцать ноль-ноль.

Он вернул трубку в гнездо, сделал на листке отметку «12» и положил его на видное место.

– Область по огнестрелу трясет? – спросил Миха.

– Ага... – Майор в секундном размышлении огладил русые усы, затем воздел кверху указательный палец: – Обработаешь Деда Мороза, потом прокатаешься по двум адресам. Поздравишь братву с наступающим, а заодно побеседуешь за убийство. Птицын список нам дал неслабый.

Маштаков понимающе кивнул. Реальной работы по резонансному преступлению сегодня не получится, человеческий фактор никакими приказами не отменишь, а докладывать в область что-то надо. Ну а тем, в свою очередь – в Москву.

В дверном проеме с тяжелым чемоданом и недовольной физиономией возник эксперт Николаев.

– Так куда мне ехать? На износ⁴³ или на кражу?

– Поедте. – К Николаеву, как и ко всем сотрудникам, которые вызывали опаску, Миха обращался исключительно на «вы».

– Полчаса на все про все! – инструктировал их вослед дежурный.

До места происшествия доскочили за пять минут. Водитель Юра-бешеный остался разочарованным слишком коротким отрезком трассы, не позволившим ему выйти на боевой круг⁴⁴.

Улица революционера Абельмана располагалась в старой, северной части города. Трехэтажные, построенные в шестидесятые годы кирпичные дома выглядели непрезентабельно из-за облезших фасадов, на которых грязно-желтые проплешины краски чередовались с серыми пятнами облупившейся штукатурки. На округлом расчищенном пятачке возвышался памятник острожцам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Бронзовый солдат в гор-

⁴³ Износ – изнашивание (проф. сленг).

⁴⁴ Боевой круг – круг в соревновании перед гонкой, который гонщик идет в максимально возможном темпе, стремясь показать наилучший результат.

батой плащ-палатке склонил знамя, на непокрытой голове его сидела пышная снежная шапка. За памятником начинался городской бульвар, так называемая «стометровка».

Над аркой шестого дома, в которую преступник затащил женщину, висело объявление: «Прием цветмета и стеклопосуды». Пункт работал с восьми утра.

Маштаков взял его на заметку.

«Может, кто из постоянных клиентов пораньше пришел. Ждал, чтоб как только окошко откроется, тут же батарею стеклянную выставить. А потом с вырученной денежкой сразу в аптеку за фанфуриком “Трояра”»⁴⁵.

По сравнению со вчерашним мороз заметно поотпустил, но около двадцати градусов все равно держался. Маштаков застегнул на все пуговицы серый форменный бушлат. В честь Нового года оперативникам, входящим в состав опергруппы, было приказано явиться по форме. Это нарушало один из главных принципов сыска – не выделяйся. Но с начальством не поспоришь, оно и по должности умнее, и циркуляром министерским вооружено.

– Вот здесь он меня волок, – заявительница замедлила шаг, глаза ее заблестели, она заново переживала случившееся.

Но в голосе ее не было полной уверенности. Оно и понятно, при свете дворик кажется совсем другим, маленьким, безопасным.

– Сюда, – прошла мимо деревянных сараев к кирпичному гаражу.

Маштаков внимательно рассматривал снег. В закуток за сараи была протоптана кривая тропа. Сюда, судя по многим желтым затейливым вензелям на сугробах, регулярно заворачивали с улицы по малой нужде. Надпись масляной краской на фанерке, прибитой на стенку – «Люди, одумайтесь! Зачем вы ссыте на дверь?» – выглядела воплем отчаяния.

Место было укромное. Не исключалось, что нападавший знал о нем, не раз сюда заглядывал. Значит, он может жить поблизости.

Вообще преступление выглядело спонтанным, совершенным по пьянке. Парень гудел по черному напролёт всю ночь. Судя по колпаку Деда Мороза – в компании. Поспать ему не удалось. И с женщиной из компашки у него не сложилось. К утру в башке его творилось ужасное. Он попал в иное измерение. Ему, глумному, мерещилось, что все вокруг такие же, как он. И раз ему приперло чесать блуд, то и все встречные бабы зудели от бешенства матки и обязаны были ответить ему взаимностью. Вот поэтому он так легковерно купился на предложение женщины пойти к ней домой, там выпить и без помех совокупиться. Её слова укладывались в схему его собственных безбашенных поступков.

– Здесь он вас уронил? – Миха указал на затоптанный снег у металлических ворот гаража.

– Кажется. Да, точно здесь.

– Смотрите, какой след красивый, как по заказу! – Маштаков присел около одиночного чёткого отпечатка обуви с интересным ребристым рисунком.

Эксперт Николаев завозился с фотоаппаратом, положил на снег параллельно следу масштабную линейку, навел резкость, два раза щелкнул затвором и посмотрел на оперативника.

– Чего еще мне делать? – Всем своим видом он демонстрировал, что оказывает серьезное одолжение.

Михе вспомнилось вдруг, как накануне первого сентября они вместе ездили на трассу в Соломино выкапывать труп плечевой проститутки. Как Николаев тайком пил сметану из пластмассового стаканчика, оставленного «эмрээшным» опером Ковальчуком. Тогда эксперт своим хитрым поступком, гибким вывертом шеи напомнил ему лиса.

Маштаков не дал расцвести щербатой улыбке. Рыжеватые усы Николаева, его вытянутое лицо, на котором заметно проступила россыпь веснушек, усиливали сходство с плутоватым зверем.

⁴⁵ «Трояр» – спиртосодержащая жидкость для ванн, широко использовавшаяся для изготовления суррогатов алкоголя.

– А давайте гипсовый слепок сделаем, – предложил Миха. – Уж больно след привлекательный.

Битый лисовин Николаев сразу поскучнел, опустил усы.

– Мороки много! Чего, фотографий теперь не достаточно?

– Могут не получиться.

– Нам дежурный велел в полчаса управиться, мне еще на Восход переться! – Эксперт был не из тех, кто сдается без труда.

– Сутки длинные, все равно дежури! – Но и Маштаков легко находил ответные доводы.

– Дознаватель осмотр проводит, а не вы. Дознаватель не давала мне указаний гипсом заливать.

Миха обернулся к приплясывавшей на морозе Семёркиной.

– Олеся... – Отчества ее он не знал из-за малого срока службы. – Будем делать слепок из гипса? Вам пригодится, когда криминалистику будете сдавать.

Семёркина, памятью о недавних словах своей начальницы, кротко кивнула.

– Будем.

– Вот вам волеизъявление процессуального лица.

– Да не получится ничего, буду заливать, поручу отиск. – Сугубо профессиональный довод эксперт приберег напоследок.

– А мы давайте комбинированным способом, сначала порошка гипсового насыплем аккуратненько на дно. Сито у вас в чемодане имеется, чтобы гипс просеять? Или марля?

Николаев тяжким вздохом осудил чужую глупость, выбрал на тропе место поровнее и почище, положил чемодан, открыл крышку и начал копать в содержимом. Извлёк целлофановый пакетик с серым порошком, с завязанной на узел горловиной и обрезанную половинку от пластиковой полторашки.

– Где воду брать?

– Давайте я до гастронома дойду, – Маштаков, удивляясь своей сегодняшней покладистости, взял у эксперта прозрачную посудинку.

Проходя мимо Семёркиной, пристраивавшей на папке серый бланк протокола осмотра, угол которого трепал ветер, он поинтересовался, что дознаватель думает насчет понятых.

– Своих запишу, – ответ последовал моментальный. – Чего тут осматривать?

Маштаков пренебрег воспитательной работой, знал – бесполезно. Решил, что в гастрономе заодно уговорит парочку продавщиц или грузчиков, кто посвободнее будет, на пять минут забежать во двор. Пусть глянут на манипуляции эксперта со следом, на девочку в короткой модной курточке, после каждого нацарапанного слова отогревающую дыханьем замерзший кончик шариковой ручки. Эти картинки им запомнятся. Потом Семёркина заскочит к ним в магазин, они распишутся. В то, что дознавательница с её мозгами сумеет как следует заинструктировать своих подружек, которых она с первого дня работы записывает во все протоколы левыми понятыми, он не верил. А то и сама она распишется за понятых, материал-то дежурный уже завтра утром при сдаче дежурства потребует. Потом в прокуратуре или в суде, если раскроем и до суда дело дойдет, ее художества всплывут. Чуть нажмут на нее, статьей за служебной подлог пригрозят, и она расколется. И будет прилюдно реветь горячими слезами, и тушь по щекам размазывать, и накажут ее, но не до смерти, конечно, кому-то надо выполнять эту муторную работу за копейки. Но доказательства пропадут. И пойдет насмарку вся канитель с заливкой гипсового следа при температуре минус двадцать по Цельсию.

Миха знал, какое волшебное слово скажет он продавщицам, чтобы те проявили сознательность и оказали содействие правоохранительным органам.

«Девушки, у вас тут в округе маньяк завелся. Во сколько вы закрываетесь? В десять? Темно на улице? Страшно? До остановки троллейбусной далеко? Помогите, пожалуйста, милиции найти злодея».

Еще он знал, что в его отсутствие бывалый эксперт Николаев просветит молодую сотрудницу Семёркину насчёт темного прокурорского и алкогольного прошлого опера, и каких при этом лестных эпитетов он удостоится.

10

31 декабря 1999 года. Пятница.

10.45 час. – 11.30 час.

Одним движением сильных пальцев Рубайло скрутил винтовую пробку с горла «Князя серебряного», налил всем крупно, по полстакана. Смоленцев покривился – еще и одиннадцати утра нет, дел запланировано немерено, а этот чертила ринулся глаза заливать.

– Помянем пацанов! Земля им пухом!

Выпили, как полагается, стоя и не чокаясь. Рубайло вылил в себя водку, как в мерную воронку, не глотая. Коренастый флегматичный Пандус опрокинул свои сто будто между прочим, после чего отправил в рот целиковый бутерброд с сервелатом и заработал жерновами мощных челюстей. Смоленцеву, отвыкшему от подобных лошадиных доз, пришлось сделать несколько судорожных движений глоткой и кадыком, чтобы протолкнуть едкую жидкость в пищевод. В глазах от крепости аж слёзы выступили. Пришлось выпить до дна, за пацанов – нельзя половинить. Смоленцев торопливо залил горечь густым томатным соком.

Исполнив ритуал, уселись вокруг стола. Рубайло коснулся ладонью, – осторожно, как промокнул, – щедро намазанных гелем волос, проверил, на месте ли пробор. Ковбойским жестом выбил из только что распечатанной пачки «Мальборо» сигарету, закурил. После усвоенных ста граммов у него поплыли глаза, ему похорошело.

«И бухает, и колется, и дурь дует, и ни хера не боится», – неодобрительно подумал Смоленцев.

Серёга Рубайло в последние месяцы пошел в разнос. То и дело срывался в запои на три-четыре дня, а когда не пил, задвигался по вене. По первости говорил, что хочет на водяре от герыча переломаться, поэтому и жрёт ее. Потом все у него в одну кучу малу перемешалось. Сколько раз никакой приезжал на такси сюда на станцию. «Димон, дружан, займи хоть сотен пять! Подыхаю!» И Смоленцев, подавляя вздох сожаления, вытаскивал из кармана бумажник, отсчитывал бабосы. «Брат, мне не Ходорковский фамилия, я “ЮКОСом” не рулю».

Слава Пандус поглощал бутерброды. Доев последний, с красной рыбой горбушей, он тылом кисти, хотя на столе водились салфетки, вытер замаслившиеся губы. Громко отрыгнул и сказал:

– Еще бы пожрать, Димыч! Классный хавчик!

До посадки пацаны так не раздражали Смоленцева. Вернее совсем не раздражали, тогда существовал дух подлинного братства. Постоянный риск приносил дозу адреналина и деньги. Жили на кураже. Молодые, азартные, каждому по двадцатнику с небольшим. То, чем они занимались в конце восьмидесятых, Смоленцеву казалось в ту пору игрой, продолжением тренировок, соревнований. Вместе проворачивали делищи, вместе отдыхали с девчонками на природе, зажигали в кабаках. Потом на Текстильщике не поделили с синими⁴⁶ одного барыгу. Дело вошло в характер, никто не хотел врубать заднюю. Разборка закончилась двумя жмурами с той стороны. Смоленцев в мокрухе не участвовал, но трупы в Ащеринский карьер из города вывозил вместе с братьями Жидких. Прикопали дохлых на свалке, надеялись, что бульдозер утрамбует их навовсе, что не найдут. Нашли, суки... Менты взяли за них рьяно, повязали всех, кроме Мишки Калинина, который по сю пору в бегах, если живой, конечно. Подняли мусора на них всю дрянь. Барыги, которые сами в принципе братве лаве⁴⁷ кидали, запели, как в опере. Каждый по неслабому букету огрѐб. У Смоленцева поменее, чем у других, статей собралось: вымогательство, хранение огнестрельного оружия и укрывательство убийства. Поэтому

⁴⁶ Синий – неоднократно судимый (жарг.).

⁴⁷ Лаве – деньги (жарг.).

и получил он по суду меньше остальных – семерик. Дальше – зона, страшный сон, растянувшийся на долгие годы. Амнистия от его срока отщипнула всего три месяца, а пацаны один чёрт нет-нет да и упрекнул: мы-то до самого звонка тянули, честные...

Смоленцев из команды освободился первым, в девяносто шестом. Пристал к школьному другу Вовке, который в гараже на Эстакаде кузовными работами промышлял. У Смоленцева с детства способности к технике имелись: мопедный, потом мотоциклетный движок с закрытыми глазами мог перебрать. Впахивали они с Вовкой, как негры, от заката до рассвета и наоборот, по кругу. Появилась своя клиентура, они расширились, еще один гараж подкупили. Когда на новый уровень задумали выходить, здорово подсобил Раймонд Рипке, деньгами вложился и идей путёвых подкинул. Учредили они на двоих с Раймондом фирмочку, стали создавать свое дело, вот этот самый автосервис, с большим гаражом, с мойкой. Правда, вскоре головастого Рипке перетащил к себе сам Катаев Сергей Альбертович, хозяин «Наяды». Понятное дело, в «Наяде» перспективы и бабки совсем другие, Раймонд там неслабыми схемами вороочает. Так что скоро уже полтора года как всем автосервисом Смоленцев в одиночку заворачивает, Раймонд остался в учредителях. Когда Ромка Зябликов, откинувшись, попросил включить его в состав учредителей третьим, Раймонд, согласие которого в обязательном порядке требовалось, немного покочевряжился. «Зачем тебе этот геморрой, Дмитрий?» – спросил он. Ещё он сказал: «Это сулит проблемы бизнесу». А потом предложил: «Хочешь, Сергей Альбертович поговорит с этим, как его, с Зябликовым твоим. Чтоб он от тебя отстал раз и навсегда». Классный парень Раймонд, масла в башке у него – на пятерых, не его вина, что вырос он маменькиным сынком. Как же может Димка Ромке Зябликову, братану, с которым столько всего пережито, с которым пайку хавал, отказать в таком пустячном вопросе? Тем более к Катку за помощью адресоваться. «Твоё решение, Дмитрий, – выслушав, сказал Раймонд, – Я теперь соучредитель номинальный. Смотри, не пожалей потом».

А Ромка в первый месяц фонтанировал идеями как они закупят новое оборудование, как наладят прямые связи с Тольятти, там у него на «АвтоВАЗе» кореш зоновский крутится, комплектующие и запчасти будут они прямо с завода брать по себестоимости.

Дальше разговоров дело не зашло, хотя два раза Ромка гонял в Тольятти, перетирал там со своим корешем. Говорил так: «Потерпи, Димон, вот-вот закрутится темочка». Деньги он, ясный перец, из кассы на расходы брал, но не наглед при этом, меру знал. По осени они с Петрухой Калининным замутили своё, в Москву стали через день кататься. Наблюдая за ними, Смоленцев успокоился, может, действительно у пацанов что-то путное срастётся, перестанут они его теребить.

И вот теперь, нет ни Ромки, ни Петьки...

Пандус взялся за бутылку, но Рубайло отстранил его:

– Руку менять нельзя.

Стал разливать сам. Смоленцев успел накрыть ладонью свой стакан, лишь только дно покрылось.

– Серега, мне хватит пока. Я на двенадцать забился Светку в морг свозить. Узнать надо чё да как, когда забирать можно.

– Святое дело! – Рубайло оставшееся поделил на двоих с Пандусом, получилось снова почти по половине стакана.

Похоже, что в похоронных хлопотах участия принимать они не собирались.

– За нас, парни! – В этот раз чокнулись.

На закуску только сок оставался, с тарелок Пандус всё подмел. Правда, когда он снова завел базар про хавчик, Рубайло кентуху одернул.

– Не время брюхо набивать. Димке – в морг ехать, нам с тобой – забыл, куда?

Пандус медленно повел по горизонтали стриженной головой, нет, не забыл.

Потележили за ментов, сейчас они начнут шерстить, к себе тягать, мозги парить, обыска проводить. Начальству-то им надо пыль в глаза пустить, что, дескать, работают не покладая рук.

Смоленцев не подумал утаивать, что ночью были у него незваные гости. Такое от своих не скрывают.

– А кто приезжал? – закуривая новую сигарету, как бы между прочим поинтересовался Рубайло.

Смоленцев спокойно и развёрнуто ответил, что двое, один начальник уголовного розыска Борзов, второго – тощего, носатого, черного – раньше видел в ментовской, но фамилии его не знает.

– Чё хотели? – Рубайло делал отрывистые затяжки.

И снова Смоленцев не возмутился: чего ты, Серега, мне допрос устраиваешь, а рассказал, что, сообщив об убийстве Ромки с Петрухой, менты расспрашивали, с кем покойные общались в последнее время, по каким темам работали, с кем конфликтовали.

– Про нас со Славяном накидывали?

– Справлялись, где вы обретаетесь. Я сказал, что адресов не знаю, у подруг каких-тодохнете. Мобильников, сказал, у вас нет.

– Молодчик. Чё не «шестой» отдел нагрнул, а уголовка?

Здесь Смоленцев промолчал, чего ему за ментов отчитываться.

Наконец перешли к главному, отложенному на десерт.

– Откуда прилетело, парни? – Смоленцев решил, что хватит ему на вопросы отвечать.

Рубайло жадно затянулся, багровый огонек быстро поехал к фильтру.

– Одна у нас, бл*дь, в городе крыса. Старая. Жадная. Пидар кудрявый!

– Ты думаешь – Клыч? – Смоленцев и сам так считал, искал подтверждения извне.

– Кто же? Ему пацаны поперек горла стали! Он, сука, всё в одно рыло сожрать хотел! Ничё, мы ему нынче новогодний фейерверк забачаем. Правда, Славян?

– А то, – отозвался заметно окосевший Пандус.

– Может, стоит сначала спросить с него? – Смоленцев говорил по инерции, зная, что Серёгу ему не переубедить, он как бык упёртый, когда закусится.

– Тебя, Димон, не задействуем, занимайся спокойно похоронами, святое дело. Если чё, я постоянно на трубе. В расходы войдешь, понимаю. Я на мели сейчас. Пустой, как барабан, и записаться негде. Крутись сам. Ну давай, брателло, до скорого.

Они поочередно обнялись, и Рубайло с Пандусом свалили. Выждав несколько минут, Смоленцев подошел к окну и раздвинул пальцами алюминиевые ламели горизонтальных жалюзи. Ему было интересно, на чем парни собрались выбирать с окраины, такси они не вызывали. Не всё в их поведении было понятно Смоленцеву, и это напрягало. Парни мутили свое. Нет, про фейерверк он фишку просек, знал, что в зашнике у Серёги есть две гранаты Ф-1, две «эфки».

Смоленцев загрузился по полной программе.

«Ежели Серёга решится сегодня бабахнуть, снова жди ночью ментов в гости вместо Деда Мороза со Снегуркой. Тут уж беседой на кухне не обойдешься, в мусарню сволокут, будут душу выворачивать наизнанку. Понять их можно, Новый год им испортили, тоже ведь люди, хотя и говённые. Нет, планы надо срочно менять. Дома оставаться никак нельзя. А так хотелось втроем у ёлочки праздник встретить, с женой, с ребенком. Скажу Наташке, что к теще в гости отправимся, она только рада будет».

Ещё Смоленцеву показалось странным, что Рубайло с Пандусом не попросили у него денег.

Парни удалялись в направлении троллейбусной остановки.

«Чего они, реально на троллейбусе замыслили ехать?»

Рубайло на ходу базарил по мобильнику.

«Неужели все по новой закрутится?» – У Смоленцева заныло сердце, он расстегнул две верхние пуговицы черной рубашки, надетой по поводу траура, растер левую сторону груди.

У поворота тормознул темно-синий новенький внедорожник с тонированными стеклами, парни уселись в него на задние сиденья.

«Чья это “Мицубиси-паджеро”? Чего это за крутая тачка? Не видел я такой в городе», – озадачился Смоленцев.

Номеров с такого расстояния и с такого ракурса он, естественно, рассмотреть не смог.

11

31 декабря 1999 года. Пятница.

12.00 час. – 13.00 час.

– Разрешите, Вадим Львович? – Давыдов приоткрыл дверь в кабинет и.о. начальника КМ. Птицын зазывающе махнул рукой, сразу указал на стул.

– Падай, Денис, смотри, чего творится.

С экрана громоздкого александровского «Рекорда-В312», стоявшего в допотопной стенке из ДСП⁴⁸, смотрел Президент Ельцин. Позади его возвышалась густая красавица-ель, украшенная несколькими стеклянными шарами, слева – свернутый президентский штандарт.

Ельцин говорил медленно, как робот, с обычной гнусавинкой:

– Вот этот день и настал... Дорогие друзья, дорогие мои, сегодня я последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием... Но это не всё: сегодня я последний раз обращаюсь к вам как Президент России. Я принял решение, долго и мучительно над ним размышлял... Сегодня в последний день уходящего века я ухожу в отставку...

Ельцин выглядел напряженным, лицо его напоминало застывшую алебастровую маску. Выражения глаз в заплывших глазах-щёлочках разглядеть было невозможно. Он выговаривал слова очень старательно, будто иностранные, но на тех, что посложнее – «конституционный», «прецедент», «цивилизованный» – дикция все равно его подводила.

Когда он попросил у народа прощения, Давыдов насмешливо хмыкнул:

– Во артист!

Птицын метнул на него сердитый взгляд, прижал к губам палец.

– Тиш-ше...

Внимательно дослушав выступление Ельцина до конца, он убавил звук и обратился к начальнику РУБОПа:

– Твое мнение?

– Значит, так надо. – Давыдова трудно было вытащить из образа простоватого деревенского парня.

Впрочем, помолчав, рубоповец все-таки высказался:

– А чего, Борис Николаевич – мужик прикольный. Как он оркестром дирижировал! Опять же Указ двенадцать двадцать шесть подписал. Толк был!

Птицын кивнул, толк имелся, и немалый. Указ № 1226 от 14 июня 1996 года «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» был издан как нельзя вовремя. Когда девятый вал блатного беспредела захлестывал страну, милиции наконец-то позволили работать. Бандюков разрешили задерживать в качестве подозреваемых на целых тридцать суток. Вместо трех! А за тридцать суток можно крепкую доказательную базу сколотить. Указ напрямую запрещал применять к членам ОПГ подписку о невыезде или залог, мера пресечения отныне им избиралась единственная – арест. Много еще толкового содержалось в этом Указе. РУБОПы тогда стали прилично финансировать, появился транспорт, бензин, оргтехника.

По всей России-матушке принялись щемить бандитов нещадно, в Остроге их почти под корень извели, все сидели. Не то что сейчас!

– Жаль, что отменили Указ в девяносто седьмом, – ностальгически вздохнул Птицын.

– Воровской ход! – На сей счёт у Давыдова имелось устоявшееся мнение.

⁴⁸ ДСП – древесно-стружечная плита.

И.о. начальника КМ не стал разубеждать майора, он и сам полагал, что без криминального лобби в верхних эшелонах власти при отмене превосходно зарекомендовавшего себя Указа не обошлось.

– А про преемника, Вадим Львович, вы чего думаете?

Птицын одернул лацканы выходного двубортного пиджака:

– Кэгэбэшник. Они все на шифре. Говорит правильно. Посмотрим, Денис, тут от нас с тобой ничего не зависит. Давай лучше покалякаем о делах наших скорбных. Только сначала – по граммულке. Ты как?

– Немножко можно.

– Ну я тебе много и не налью, а то разбуянишься. Вертушок поверни на двери, не сочти за труд.

Птицын выставил из сейфа на приставной столик бутылку коньяка «Пять звездочек», две пузатенькие хрустальные стопки, блюдце с тонко порезанным лимоном, ещё одно – с фисташками. Аккуратно разлил по стопочкам.

– Давай, Денис, выпьем за год уходящий, чтобы все наши неурядицы остались в нем.

Тихо звякнуло благородное стекло, офицеры выпили, причем начальник РУБОПа лишь пригубил. Зная за Давыдовым уникальную для сотрудника органа внутренних дел воздержанность к алкоголю, особенно крепкому, Птицын не подумал корить его за неуважение.

– Неплохой вроде коньячок, а, Денис? – заценил продукт подполковник и потянулся за лимонным ломтиком.

Давыдов взял в руки бутылку, покрутил, рассматривая этикетку.

– Кизлярский. Сколько такой тянет?

– Не знаю, Савелий презентовал. Обломали нам с начальником бандосы фуршетик вчера.

– Савелий фуфло не задарит, – возвращая на стол «Пять звездочек», согласился рубоповец.

– Ну чего, расклад понятный, ликвидация Калинина с Зябликовым – дело рук лучшего нашего друга Володи Клыча, – без перехода продолжил Птицын. – Он получал с рынка, в последнее время много получал, всё забирал себе, наверх не посылал. В октябре в городе нарисовались москвичи. Заценили ситуацию. Рассудили, что денежки должны идти в столицу на тамошний общак. Через каких-то общих знакомых вышли на Зябликова. Тот подписался, подтянул Петруху, благо, тот на колесах. Первый транш они отвезли в конце ноября, вчера должны были везти второй. Не довезли... А у тебя, Денис Владимирович, какая информация?

– Примерно такая же, Вадим Львович. Источник-то у нас, как я понимаю, один. На все разведки мира работает. Складно всё вяжется, но одна штука у меня из головы не выходит. Если это Клыч организовал, получается, что он – дурак голимый. Ему же это с рук не сойдет. Из Москвы не перхоть сюда залетела, приезжал с официальным визитом положенец от вора.

– Чего за вора знаем?

– Пиковый, зовут Дато.

– Сейчас вся Москва – под пиковыми, и половину зовут Дато. На положенца хоть есть данные? Этот-то приезжал в Острог. Его люди видели. Так?

– Знаем только имя, Арчил. Не факт, что настоящее, так обозвался. Может, это кликуха. Наш человек его самого не видел, только – тачку. Тёмный «Мицубиси-паджеро» с московскими номерами. Номер неизвестен. Человек машину наблюдал в движении, заметил только, что «семьдесят седьмой» регион.

– Семьдесят семь – это Москва, – кивнул Птицын. – Из Москвы к убийце мы не доберемся, Москва – другое государство. Надо отсюда рыть, от своих подопечных. У тебя кто под техникой?

– Как по приказу положено, все лидеры. Калачёв, Рожнов, Катаев, Митрохин.

– Домашние контролируешь?

– И домашние и мобильные. Только все мобильные мы не знаем. У них есть номера для самого узкого круга посвящённых. Да и «симки» они меняют то и дело.

– Зябликова и Калинина ты не слушал?

– Вади-им Львович, ОТМ⁴⁹ столько пар мне ни в жизнь не даст. Я не один в Остроге, – Давыдов вроде оправдывался.

– Да я чего, не понимаю, что ли? – Подполковник кивнул на бутылку. – Плесни мне, Денис, а то себе, говорят, не наливают. Эх, кабы нам такие же технические возможности дали, как «фээсбэшникам», мы бы... Ну за наших родных и близких. Терпения им!

Выпив, Птицын выложил перед собой пачку LM и зажигалку.

– Собираюсь вот с Нового года курить бросить. С тебя пример беру.

– Хороший пример, Вадим Львович, – широко заулыбался начальник РУБОПа.

Он опять только лизнул коньяк, в его стопке почти не убыло.

– Похороны когда? – Птицын, не закуривая, крутил сигарету, на потрескавшуюся полировку стола сыпались жёлто-коричневые невесомые табачинки.

– Они второго решили, на сутки сдвинули, тридцатое как бы не считается. Праздник, сложно все организовать первого числа. Пока родня приедет, пока друзья отовсюду слетятся, не последних людей грохнули.

– Понятно, понятно. Где хоронят? Во сколько вынос?

– Хоронить обоих собрались на Троицком кладбище. Время выноса уточним. Наши областники обещали подъехать. Из розыска будет кто?

– А как же? Сан Саныч будет и Титов. Все пишите на видео, потом посмотрим, кто приехал, а кто не приехал, хотя должен был. Может, какие новые связи прорисуются, нам неизвестные. Хорошо, Денис, что в одном месте придется работать, а то людей не наберешься.

Заныл аппарат внутренней связи. Подполковник тихонько чертыхнулся, привстал, дотянулся до трубки.

– Птицын. Так... так... Все понял. Уголовное дело сегодня следователь будет возбуждать? По какой статье? Кто из сыщиков по материалу работает? Маштаков? Фоторобот обязательно сегодня с потерпевшей сделайте.

Положил трубку, решил, наконец, прикурить сигарету.

– Серьёзное, Вадим Львович? – указал глазами на телефон Давыдов.

– Да, напал утром на Абельмана у памятника один мудака пьяный на женщину, изнасиловать хотел. Хорошо, хоть отбилась.

– Маштаков занимается?

– Он самый.

– Как он? – начальник РУБОПа легонько щелкнул себя по шее, повыше ворота свитера.

– Тьфу, тьфу, тьфу, – и.о. начальника КМ поплевал через левое плечо. – С октября месяца держится. Пашет, как конь.

– Вот судьба у мужика. Кем бы он мог стать со своей башкой, если бы не это дело. Как его сейчас в прокуратуре не хватает, – сожаление в голосе Давыдова было неподдельным.

– Жена у него ещё на развод подала.

– Жены, они такие.

– Привет, кстати, Ксении твоей. Передавай мои поздравления с праздником и пожелания всевозможные.

– Обязательно, Вадим Львович. Ну а я с вашего разрешения позвоню вам, как куранты пробьют, и Елену Сергеевну уж самолично поздравлю.

Птицын рассолодел от двух стопочек, ночью не удалось и пяти часов поспать. Он поглядывал на настенные часы, половина первого, с утра начальник объявил, что работаем без обеда,

⁴⁹ ОТМ – отдел технических мероприятий УВД области.

женщинам разрешил разойтись по домам в два, мужикам – в четыре. Дел уже сегодня не будет никаких, кроме дежурной смены никто не работает. Сотрудники затихарились по кабинетам, провожают потихоньку нелёгкий девяносто девятый год. Пусть выпьют втихую, лишь бы не косорезили. Начальникам служб придется сидеть до установленных шестнадцати ноль-ноль, выпроваживать подчиненных по домам. А то отдельные товарищи увлечься могут, забыть о домашних обязанностях.

– Денис, а ты с Шушариным беседовал? – вернулся к своим баранам подполковник.

Шушарин Викентий Ильич по форме являлся действующим председателем правления сельскохозяйственного кооператива «Первомайский колхозный рынок», а по сути, единоличным его собственником. История о том, как тамбовский мужик Шушарин приобрел в частную собственность недвижимое и движимое народное имущество, длинная и весьма тёмная.

– Не раз, Вадим Львович. Не идет он на контакт. Говорит, что кроме как государству никому не платит.

– У нас же запись одного разговора есть? Там, где Клыч.

– А как ее предъявлять? Человека спалим.

– Вот что, Денис, давай его выдернем третьего и вдвоём как следует покрутим. – Птицын открыл на первой странице новый ежедневник, только ему понятным почерком быстро сделал несколько записей. – Шушарин с Арчилом встречался, по крайней мере, два раза. Знает всю схему. Видел реакцию Клыча, когда того от кормушки отлучили.

– На Шушарина крюк нужен конкретный. Он скользкий, как жаба. – Давыдов прищурился, и впервые за весь разговор выражение лица его стало злым, даже хищным, правда, всего на одну секунду.

– Да, реальной компры на него нет, – признал Птицын. – Ну ничего, подключим СЭС, пожарных, участковых напустим. Целый рынок под ним, такое хозяйство... Чего он, нигде законов наших российских не нарушает?

– Долго это и нудно, Вадим Львович.

– А ты куда-то торопишься, Денис? – удивился подполковник. – Мы теперь с тобой всю эту бодягу много месяцев будем расхлебывать. Ну давай, капни мне еще капель пятнадцать.

– Извините, Вадим Львович, за назойливость, а друг-то наш Вова так и не открыл дверь представителям власти?

– Не-а. Сан Саныч как ни убалтывал его ночью, Вовка дверь не отворил. А с *ранья* Ленку с пацаном – под мышку, шапку – в охапку, в «Тойоту» свою крутую прыгнул и умчался, только пыль из-под копыт. Оно и к лучшему. А то какие-нибудь перцы из окружения убиенных захотят по горячему с ним сквитаться, испохабят нам праздник окончательно.

В заднем кармане брюк у начальника РУБОПа на высокой ноте залилась энергичная музыка. «Тореадор, скорее в бой!» Давыдов, не забывавший о субординации, извинился, достал мобильный телефон, откинул флип, закрывающий клавиатуру, нейтрально сказал: «Привет», и около минуты работал на прием.

– Через пятнадцать минут я за тобой заеду.

Отключившись, он посмотрел на Птицына.

– Вадим Львович, я дико извиняюсь, супруга звонила, надо по магазинам проехаться. Я с вашего разрешения отлучусь. Если что, я – на связи.

– Денис, ты сам себе начальник, чего ты спрашиваешься? – Подполковник пересел за свое место, в расшатанное крутящееся кресло, которое под ним накренилось и противно скрипнуло.

На стене за спиной и.о. начальника КМ висела выставка почетных грамот и дипломов, заключенных под стекло и в рамки. Больше других он гордился выцветшей грамотой с надписью «Награждается ученик 6-го “б” класса Птицын Вадик, занявший второе место на школьных соревнованиях по настольному теннису».

– Допивать не собираешься? – подполковник навел указательный палец на практически полную стопку Давыдова.

– Вадим Львович, эта доза меня с копыт свалит, – начальник РУБОПа поднялся, едва не задев макушкой светильник.

Птицын знал, что уговоры бесполезны.

– Ладно, ещё раз с наступающим тебя, трезвенник. Чтоб нам с тобой в этом году уже не встречаться, – подполковник протянул руку ладонью кверху.

– То есть в гости вы меня не пустите? – Давыдов лукаво посверкивал глазами, не прикалываться он не умел.

Выйдя из кабинета и.о. начальника КМ, он поднялся к себе. Проверил, закрыт ли сейф, опечатав его; не задерживаясь вышел из здания, прогрел двигатель служебной «шестерки», припаркованной во дворе УВД. Проехал через КПП, автоматические ворота которого снова не работали, свернул с Ворошилова на Советскую, миновал двухэтажное кирпичное здание межрайонной прокуратуры и остановился у магазина «Хозтовары». Посмотрел в зеркало заднего вида, у главного входа в прокуратуру движения не наблюдалось.

«Час дня, пора всем за стол садиться».

Дверь магазина открылась, на порожек вышла следователь Маша Шишкина. Стройная, в короткой заячьей шубке, с красивой праздничной прической, а поэтому без головного убора в двадцатиградусный мороз. Девушка, делая маленькие быстрые шажки, быстро обогнула спереди автомобиль, Давыдов, наклонившись вправо, уже открывал ей дверь. Усевшись на переднем сиденье, Маша холодной щечкой прижалась к щеке рубоповца, сказала: «Колючка». Её круглые колени, обтянутые блестящими колготками с лайкрой, имели идеальную форму. Лицо мужского пола должно обладать завидным самообладанием, чтобы, завидев такие коленки, не потянуться к ним рукой.

– Давно ждешь? – поинтересовался Давыдов, вырубивая между сугробами на проезжую часть.

– За минуту до твоего приезда в магазин шмыгнула. Потом вижу, ты подъехал. – От девушки попахивало спиртным.

– Фу-фу, нерусским духом пахнет, – потянул чуткими ноздрями майор.

– Не ругайся, Дэн, с девчонками в отделе шампузика выпили. Ты до которого часа свободен?

– До восемнадцати тридцати. – Давыдов притормозил, пропуская бредущую через скользкую дорогу согбенную бабушку в старом пальто, опирающуюся на лыжную палку.

– Ура-а! У нас уйма времени! – возликовала Маша.

12

31 декабря 1999 года. Пятница.

11.30 час. – 14.00 час.

Вернувшись в управление с осмотра места происшествия, Маштаков не отдал, как обещал, пострадавшую дознавательнице, а поднялся с ней к себе в кабинет. Там он положил на стол перед женщиной два толстенных старомодных альбома, к картонным страницам которых намертво, чтобы не растаскивали, были наклеены фотографии лиц, ранее судимых. Фотки были разнокалиберные – и любительские, и с паспортных форм, попадались цветные, но преобладали чёрно-белые, большинство неважного качества. Пока женщина медленно перелистывала тяжёлые листы, Миха заварил чай из пакетиков. Гостевую кружку подвинул к Нине Анатольевне. Добросовестно пролистав учеты, женщина покачала головой: «Никто не похож». Она выглядела виноватой, милиция столько делала для нее, а она ничем не могла помочь.

Маштаков ногтем поддел кнопку, которой к коллажу на титовской стенке была пришпиlena яркая открытка с Дедом Морозом, распахнувшим бушлат на татуированной груди, поднес карточку к глазам заявительницы.

– А этот не похож? – спросил на полном серьезе.

Женщина, конечно, поняла, что оперативник шутит, ее потрескавшиеся губы с полусъеденной дешёвой помадой шевельнулись в подобии улыбки.

– Этот лысый и старый, – сказала она и расплакалась.

Миха дал ей поплакать вволю. Он пролез на свое место и стал осторожно отхлебывать из кружки обжигающую жидкость. Вкус разрекламированного чая напоминал ошпаренный кипятком старый веник.

Нина Анатольевна, всхлипывая, сетовала на то, как всё не вовремя случилось. Она одна, без мужа воспитывала двоих детей, работала на двух работах, уборщицей в поссовете и оператором в котельной, едва сводила концы с концами. Её сменщица Раиса, отдежурившая сутки, до сих пор не могла покинуть рабочее место, женщину беспокоило, когда же её наконец отпустят.

Маштаков вслух сочувствовал пострадавшей. Ещё он доходчиво объяснил, что происшедшее по закону подпадает под категорию дел частного-публичного обвинения. То есть органы не имеют права возбудить уголовное дело без её письменного заявления. Причём, волеизъявление потерпевшей должно быть осознанным. Семёркина по своему незнанию, а также по нежеланию, естественно, её в такие подробности не посвящала, она просто продиктовала заявление на имя начальника УВД.

Женщина спросила совета:

– А как мне лучше поступить? Подскажите, вы человек грамотный.

Маштаков отвечал наработано, демонстрируя собственную незаинтересованность:

– Вы решайте сами, Нина Анатольевна. У нас ведь в таких щепетильных делах принцип как у врачей: не навреди. Приятно ли вам будет вспоминать о происшедшем?

Женщина соглашалась с каждым словом участливого оперативника:

– Чего уж тут приятного? Мне уж сорок один год, старуха совсем... А тут сопляк какой-то свое хозяйство вонючее чуть мне в рот не запихал! Тьфу, срамота какая! Да пусть у него, у наниста, кочерыжка под корень отсохнет! А в газете про это не напишут?

Времени ходить по милициям у нее не было. Выживая, она крутилась в колесе почище любой хвостатой белки.

В итоге она написала заявление (теперь под ненавязчивую диктовку оперативника), что по поводу действий сексуального характера претензий к неизвестному мужчине не имеет, просит проверку в этой части прекратить, а привлечь злодея лишь за причинение побоев. Испы-

санный плохо разработанным почерком стандартный листок Миха убрал в сейф. Скорее всего, дознание загонит материал по подследственности в прокуратуру, отказывать по «сто тридцать второй» никто в милиции не решится, не те на дворе времена. Маштаков выяснит, к кому из прокурорских следователей попадет материал и отдаст заявление ему. А там пускай поступают как знают, компетенция их. Хотя чего тут гадать? Прокуратура, по уши погрязшая в расследовании дел о самых тяжких преступлениях, вряд ли загорится идеей возбуждать лишний бесперспективный глухарь. Какой резон возбуждать, если можно грамотно отказать? Соответственно, группе по тяжким, Титову и Маштакову, не придется заводить ещё одно оперативно-поисковое дело и валтузить по нему. На них и так висят все грабежи, разбои, тяжкий вред здоровью и изнасилования.

Миха не испытывал угрызений совести по поводу того, что благодаря его грамотным действиям никто не будет искать преступника. Он не нарушил закона, он не выкручивал женщине руки, встречное заявление она написала добровольно. Он только разъяснил юридические аспекты. Принципиально важно, что женщина отделалась лёгким испугом. Вполне возможно, что парень испугался больше её, что его просто разово переклинило. Проспится и больше не отважится на подобное паскудство. Ещё один довод имелся железобетонный – процессуальное решение будет принимать не полуграмотный милицейский опер, а квалифицированный и принципиальный следователь прокуратуры.

А он, Маштаков, со своей стороны принял все возможные меры по сбору и закреплению доказательств. Без него никто бы с гипсовым слепком следа не стал бы заморачиваться. А так – какой красивый слепочек получился! На выставку можно отправлять!

«Может, и привяжем ещё кого-нибудь. Попадется чертило на другом, а мы ему этот эпизод пристегнем. Потерпевшая опознает».

Всё-таки легкий щемящий осадок от игры краплеными картами остался.

Миха в присущей ему обстоятельной манере рассказал пострадавшей, где обитают судебные медики, выписал направление на освидетельствование, предупредил, что живых лиц они теперь будут принимать только четвертого января. До этого времени ссадины на лице и на шее у неё гарантированно не пройдут. Женщина слушала внимательно, видно было, что она исполнительная. Сосчитала по пальцам свой график работы, кивнула: «Четвертого с утра я могу в город приехать».

На клочке бумаги Маштаков записал номер своего служебного телефона, сказав, что Нина Анатольевна может запросто ему позвонить, если что-то вспомнит про нападавшего, а тем паче, если увидит его где-нибудь.

Затем Миха отвел женщину в ЭКО и с рук на руки сдал молчаливому Максиму Елину, чтобы тот с её помощью составил фоторобот преступника.

И лишь после этого он навестил кабинет дознания. Семёркина зашипела, что теперь она знает, что за фрукт Маштаков, теперь из ЭКО еще битый час не дождешься заявительницы, которая так и осталась опрошенной наполовину, тогда как дежурный уже гонит её на улицу Машиностроителей, где пьяный хулиган разбил витрину в магазине «Квант».

– Давайте я дежурному всё объясню. Витрина никуда не убежит. – Михе доставляло удовольствие обращаться на «вы» к двадцатилетней девчонке.

Он снял трубку и довольно легко договорился с Медведевым обойтись на Машинке без дознавателя. Майор напомнил, что Маштакова ждут великие дела: объезд нескольких адресов, имитация бурной, ни на минуту не затихающей деятельности по раскрытию резонансного убийства. Миха ненавязчиво поинтересовался: «А как же обед, Владимир Николаевич?» Дежурный ответил вопросом: «Какой может быть обед, товарищ капитан, когда Родина в опасности?».

Маштаков учтиво склонил голову перед Семёркиной, предупредив, что не прощается. Девушка немного успокоилась, больше не фыркала, поглядывала на демонстрировавшего хорошие манеры опера с подозрением.

«А она ничего, свеженькая, – подумал Миха. – Только строит из себя принцессу на горошине».

Почти три месяца у него не было секса, законная супруга на почве политических разногласий наложила мораторий на доступ к ее телу, с Ирккой Кравцовой после того, как он застал ее с мясником, отношения оборвались. Случайных связей не возникало, потому что новых он не искал, а реанимировать старые считал делом неблагодарным. Помарки сиреневой помады на чашке и окурках, послужившие поводом для последнего скандала с женой в середине октября, были свидетельствами вербального, а отнюдь не плотского контакта Маштакова с лицом противоположного пола.

Покидая кабинет дознания, Миха мельком оглядел Семеркину. Твёрдая острая грудка под форменной курточкой, чуть заметно выступающие косточки таза, тонкие ноги, трогательно-волнующая худоба.

«Нет, всё-таки три месяца воздержания это перебор. Достойный занесения в книгу рекордов Гиннеса», – размышлял Маштаков, топя по непривычно пустому в дневное время коридору.

А за дверью его кабинета надрывался городской телефон. Миха взял трубку без особой боязни, куда большую опасность представлял внутренний, связанный с дежуркой.

– Слушаю.

– Николаич, – с другого конца провода донесся приглушённый голос напарника Титова, – меня там начальство не хватилось?

Из трубки слышались перебивающие друг друга возбужденные мужские голоса, ненормативная лексика, дружный ржач и душевная «Электричка» Михаила Круга.

– Тиш-ше, – цыкнул Тит на окружавших его лиц.

– Да вроде никто не ищет. Спокойно всё. Я, впрочем, отъезжал.

– Ты по Деду Морозу работаешь? Глухо там? – Лёха был в курсе зарегистрированного заявления по их линии.

– Как в танке.

– К нам заглянешь на пару сек? Мы тут у Сан Саныча сгоношили узким кругом.

– Спасибо, Лёш, – Маштаков отказывался легко. – Коростылёв – ответственный от руководства, а я еще себе нового места работы не подыскал.

– Ну надумаешь, стукнешь. Пароль знаешь. Давай, брат. В этом году, надеюсь, еще увидимся! – Титов отключился.

Миха надел бушлат и зимнюю шапку. В форму он обряжался, наверное, всего раз пятый за без малого пять лет службы в милиции, она у него была почти нулевая. Маштаков чувствовал себя в обмундировании некомфортно. И некрасивое оно, кургузое, и обязательства лишние накладывает. Два года, честно отмантуленные в своё время в Советской армии, не привили ему привычки к форме. И это невзирая на то, что на срочке он дослужился до старшего сержанта и считался хорошим строевиком. На всех строевых прохождениях его место было в первой сержантской шеренге, справа. Самое ответственное место. Когда при приближении к трибуне с отцами-командирами раздаются команды «батарея, равнение направо!», правофланговый смотрит прямо, подбородок у него задран параллельно плацу, он ориентируется боковым зрением только на плечо соседа, чеканящего шаг слева.

Воспоминания на секунду увлекли Миху. Он глянул на себя в круглое зеркало на стене. Два с лишним месяца капли спиртного в рот не брал, а лицо оставалось помятым, под глазами залегла непреходящая синева. Не удивительно, что все дают ему гораздо больше законных тридцати четырех лет, всегда – за сороковник.

«Не пора ли застрелиться, господин штабс-капитан?»

Как ни странно, в милиции из формы не вылезали те, кто ни дня не прослужил в армии. В последние годы таких становилось большинство. Немало ребят шло в менты только затем, чтобы получить отсрочку от призыва. Они работали до двадцати семи лет, а потом сваливали на гражданку. Какие, блин, хитромудрые все стали, а ведь раньше не задумывались: пришла повестка, собрал вещмешок, провода отгулял и с утра своими ногами пошел на сборный пункт.

Вот сейчас и трещит везде по швам, не успевают заплатки пришивать прелыми нитками. В армию – недобор постоянный, в кого ни плюнь, у каждого законная отсрочка на руках: у милиционеров, у пожарных, у прокуроров, у учителей, у студентов... Правда, если эту льготу отменить, в милиции в наружных службах и половины личного состава от положенного по штату не останется. А всего-то и надо – поднять зарплату тысяч до десяти в месяц.

«Мы ж не претендуем на ту, которую в путных странах полицейским платят».

За этими сумбурными размышлениями Маштаков спустился к дежурной части. Напротив аквариума колготился настоящий цыганский табор: горластые золотозубые женщины, чумазые черноглазые детишки. Проходя мимо них, Миха инстинктивно придержал рукой карман.

В дежурке он поинтересовался:

– Чего у вас за представление?

Медведев привстал за пультом, рассматривая сквозь тонированное стекло отчаянно жестикулировавших в фойе цыганок.

– Гаишники в Прудках их барона тормознули. В дугу пьяный рулил. Сотрудников матом обложил, сейчас документируем. А эти, блин, набежали. Откуда только прознали?

– Принципиальные какие сотрудники ГИБДД, – похвалил Миха. – Мало им цыган предложил, что ли?

– Ладно, юморист, со своим разберись сперва, – начальник дежурной смены протянул густо исписанный листок.

– Это всё мне, что ли? – встревожился Маштаков. – Да здесь двадцать адресов. Я до Рождества Христова объезжать их буду.

Майор покосился на вновь замигавшую лампочку вызова.

– Потихоньку уже начинает доставать. Валер! – крикнул он помощнику. – Ответь по «02».

Поднял глаза на оперативника.

– Михаил Николаевич, мне даже неловко такого многоопытного сотрудника инструктировать, но видно, придется. Сколько ты объедешь, мне фиолетово. Мне нужно как минимум три реальных справки. Почему три?

– Знаю, – коротко кивнул Маштаков, – три – это система.

– Приятно иметь дело с профессионалом. Адреса на твой выбор.

– С кем еду?

– С Юрой-бешеным. Без вариантов, – дежурный жестом предупредил возможные возражения.

Оперативник двинул в гараж. Водители и механики, собравшись в круг, что-то бурно обсуждали. Ветеран Палыч, отдавший милиции двадцать два года с хвостиком без учёта срочной службы, завидев Маштакова, воскликнул:

– Михал Николаич, слыхал новость? Бориску Ельцина с должности сняли!

– Кто ж его снимет? Он же – памятник, – ответил Миха цитатой из бессмертных «Джентльменов удачи».

– По всем программам говорили в двенадцать. Ты не смотришь телевизор, что ль? – Живой, с сухим морщинистым лицом Палыч был взбудоражен важным известием, он всегда интересовался политикой.

– Юрец, поехали, покатаемся по городу, – Маштаков шлёпнул водителя дежурной части по плечу.

Усевшись на продавленном жестком сиденье УАЗ-3151, Миха только с третьего раза сумел захлопнуть дверь. В салоне казалось холоднее, чем на улице, изо рта шел пар. Юра завел машину с полтычка и с места ринулся вперед. Часовой, ковырявший валенком снег около КПП, заслышав рёв знакомого двигателя, поспешно отбежал в сторону. Маштаков с интересом поковырялся на припавшего к баранке водителя, яростно жующего жвачку. Увлеченный процессом, тот даже не поинтересовался направлением их движения.

Миха проложил следующий маршрут.

«Проедем через центр на Малеевку, там в седьмом доме на Сосновой прописан Рубайло. Потом поднимемся по Кирова, заскочим к Митрохину, его подраконим. А уж потом по объездной дотянемся до родимой Эстакады на автосервис к Димке Смоленцеву».

Последнего в списке не было, но Маштаков полагал, что как раз беседа с ним может принести результат. Димке есть что терять, он отошёл от криминала, семью завел, бизнесом занимается. Прошлой весной Миха ему серьезно помог в одной проблеме и теперь надеялся, что с памятью у Смоленцева в порядке.

– Куда едем, товарищ капитан? – спохватился Юра.

Выслушав пояснения Маштакова, водитель понимающе кивнул и врубил сирену. Воспитывать его было бесполезно, на каждый выезд он мчался, будто на пожар, которому присвоен высший ранг сложности. К слову, несколько лет назад Юра поработал водителем в пожарке, но разочаровавшись в огнеборцах, половину своих дежурств мирно спавших в караулке, перевелся в милицию. Светофор у кинотеатра они проскочили на красный. Пересекавшая перекресток по улице Карла Маркса зелёная «Нива» едва успела затормозить, пропуская летящий «УАЗик» с включенным проблесковым маяком.

Когда вывернули на Сосновую, Миха подумал, что всего в двух остановках отсюда – Иркина панельная пятиэтажка. Накатили воспоминания, как в октябре он припёрся к ней среди ночи пьянющий, как ломился в дверь, хотя Ира еще по телефону, когда он от Саньки Веткина трезвонил, категорически заявила, что не пустит. В итоге из квартиры, как поет набирающий популярность автор-исполнитель Трофим, «вышел хмурый дядя, заслонив плечами белый свет».

Маштакова передернуло, стыдоба какая. С тех самых пор от Ирки ни слуха, ни духа. Как циркулярной пилой отрезало. И он не сделал ни единой попытки поговорить с подругой, с которой поддерживал отношения, страшно подумать, больше семи лет. Правда, с перерывами разной длины.

По месту жительства Рубайло он раньше не бывал, да и его самого живём видел только раз. Рубайло явился после освобождения на отметку в РУБОП, а Миха как раз находился в их кабинете, обсуждали общие рабочие проблемы по квартирному разбою на Станко. Маштаков тогда подметил, какая боевая фамилия у этого рослого бандита с набриолиненной фасонистой прической. Не иначе, предок его происходил из запорожских казаков.

Давыдов, обладатель, кстати, также не последней фамилии, когда за Рубайло, не выдавившим из себя за полчаса и десятка слов, закрылась дверь, констатировал:

– Проблемы в город вернулись. Этот безбашенный наглухо.

Когда Юра затормозил у крайнего подъезда, Миха достал из скрытой плечевой кобуры ПМ и положил его в правый боковой карман бушлата. Прикинул, может, патрон в патронник дослать, но не стал. Он смутно представлял, как сможет стрелять в человека, зато досконально знал, какие выматывающие душу разбирательства это повлечет.

Позвал водителя:

– Юрец, идем, подстрахуешь меня.

Водитель молча вытащил из-под сиденья монтировку и заправил её в рукав засаленной куртки.

Вооружались напрасно. За обитой деревянной рейкой дверью под номером «71», сколько они ни барабанили, не раздалось ни единого шороха. Звонок не работал. Наполовину глухая бабушка из квартиры напротив в приотворенную щель проскрипела, что соседка уехала на зиму к сестре в Вологду, а Сережку ейного она не видела с тех пор, как его в тюрьму посадили. Фамилии у старушки Маштаков спрашивать не стал, не захотел волновать старого человека. Сверившись со списком жильцов, висевшим на площадке первого этажа, пометил в записной книжке: «кв. 73, Ковригина А. С.» Конечно, ответственным квартиросъёмщиком могла быть и дочь открывшей дверь пенсионерки.

«Ничего, уточним по адресному. Или не уточним».

Почтовый ящик семьдесят первой квартиры пустовал. Это в принципе не опровергало полученных сведений о том, что в жильё длительное время никто не обитает. Приходящие платежки за коммуналку могла по договоренности с уехавшей матерью Рубайло забирать та же соседка из семьдесят третьей.

В двухэтажке на улице Кирова им повезло больше. Металлическая дверь квартиры, в которой обитал Гера Митрохин по кличке Зингер, отворилась после первого прикосновения к кнопке электрического звонка, выдавшего мелодичную руладу.

– Ой, – ойкнула празднично наряженная блондинка, настезь распахнувшая дверь, оборудованную сейфовым замком.

В квартире вовсю играла музыка. Слышались веселые голоса, смех. Здесь ждали званных гостей, а явились те, которые хуже татарина.

– Вам кого? – У блондинки были огромные голубые глазищи и ротик перламутровым сердечком.

– Хозяин дома? – Миха не удержался от того, чтобы не подмигнуть стройняшке.

– Гера! Гера! – закричала девушка. – К тебе пришли!

Явившийся на зов Митрохин, правая рука Клыча, завидев сотрудников, мгновенно стер рандолевую улыбку. Отправив подружку в комнату, занял ее место в проеме.

– Празднуете? – осведомился Маштаков.

– А чё, нельзя что ли? – Митрохин сроду не хороводился с ментами.

Миха понимал абсолютную формальность и бесперспективность разговора. Зингер находился на своей территории, рядом были верные дружки, принятое на грудь горячительное умножало его природную наглость. Маштакова он, безусловно, помнил еще по прокуратуре, в связи с чем оснований для симпатий к нему не имел. Когда в девяносто третьем году Клыча приземляли за вымогательство, Зингер тоже был при делах, но на него не хватило доказательств, посему он отошёл свидетелем. Вообще, Митрохин садился только раз, по молодости, зато крепко, сразу на восемь лет за вооруженный разбой.

– К столу не пригласишь? – оперативник продолжал дразнить Зингера, разглядывая в распахнутом вороте его дорогой тёмно-шоколадной рубашки толстую цепуру. – Настоящее золото или тоже цыганское, как фиксы?

Правую руку Миха держал в боковом кармане бушлата. Ладонь вспотела на ребристой рукоятке «пээма».

– А вам какое дело? Чё вам надо? Говорите или валите отсюда, – Митрохин с трудом сдерживался от того, чтобы не выругаться.

«Бойтся, что за язык схвачу и материал по “мелкому”⁵⁰ состряпаю, – понял Маштаков. – Пусть бойтся. Пусть себя в тонусе держит».

– Слышал про то, что Калинина с Зябликовым вчера грохнули?

⁵⁰ Материал об административном правонарушении по факту мелкого хулиганства (проф. сленг).

– Откуда? – Слова оперативника не вызвали у Зингера ни грамма удивления, хотя на подобную сенсацию, будь она для него новостью, он был просто обязан отреагировать иначе.

– Хорошо хоть, не спрашиваешь кто это такие, – Миха с вызовом смотрел в глаза Митрохина.

Тот сморгнул, опустил голову, начал теревить пущенный по притолоке телевизионный кабель, засопел.

– Когда последний раз их видел?

– Кого?

– Зингер, ты зацени, что я сам приехал. А могу ведь тебя на Ворошилова дёрнуть сейчас, у меня поручение от следователя на кармане. Обломаю всю новогоднюю малину с девочками. Не строй из себя умственно отсталого, Гера.

– После того как они откинулись, Зябликова раз только видел. В «Випе» пересеклись. Разговор ни о чём был, да и бухие были оба. Петруху не видел, без балды. Делов их не знаю вааше.

– У Клыча какие с ними были отношения?

Митрохин радостно ощерился, показав зубы из бериллиевой бронзы, настолько наивным ему показался вопрос. По сути, он таковым и был.

– У Вовы спрашивайте. Чё у меня-то? Отноше-ения...

– Ты сам где вчера был? Днем? Вечером до отбоя? – Маштаков заехал с другого бока.

– В гостях.

– У кого, если не секрет?

– А вон у Янки, – Зингер кивком головы указал в сторону прихожей.

– Это которая дверь мне открыла?

– Ага.

– Подруга твоя?

– Невеста.

– Я так понимаю, она подтвердит твои слова?

– Так вы спросите. Она не одна подтвердит. Родители её и ещё гостей человек десять, – было видно, что за свое алиби Митрохин спокоен на все сто.

– Ты сам-то чем занимаешься?

– Работаю в фирме одной. Менеджером, – Зингер щегольнул входящим в лексикон иностранным словечком.

– А по-русски это чего означает?

– Договора всякие заключаю, – Митрохин понял, что разговор пустой, что тащить в ментовскую его не собираются, выдохнул, разговаривал лениво.

– Мобильник есть у тебя? – Миха подумал, что эта информация всяко лишней не будет.

– Не заработал пока.

– А чего так, господин менеджер?

– Договора плохо заключаются.

– А как полные данные твоей невесты? – оперативник достал блокнот, щёлкнул авторучкой.

– Блин горелый, девчонку зачем впутывать? Я десять лет на воле, сколько вы меня доставать будете?! – Зингер повысил голос, Маштаков нащупал его болевую точку.

Внимательно следивший за беседой опера с блатным гражданином Юра-бешеный не вытерпел:

– Гражданин, а ну не материться в общественном месте! Товарищ капитан, давайте на него протокол составим! По сто пятьдесят восьмой КоАП⁵¹!

⁵¹ КоАП – Кодекс об административных правонарушениях.

Он подыграл вовремя.

Взбрыкнувший Митрохин снова вспомнил, что на самом носу – Новый год, что ментам просто в кайф изговнять нормальному человеку праздник. Кривясь одутловатым лицом, продиктовал данные девушки, она оказалась восьмидесятого года рождения.

Миха в несчетный раз подивился дурости молодых девок, путающихся с такими волками как Зингер.

– Пока все, – Маштаков убрал блокнот, – благодарю за содействие.

– А вы все в капитанах ходите? – на прощанье Митрохин решил подколоть. – Завидую вашей блестящей карьере. Слежу за ней. И не только я.

При желании в последней фразе можно было усмотреть угрозу.

Миха смерил собеседника взглядом, думая, стоит ли отвечать. Разговор происходил с глазу на глаз, водитель в данном случае в расчёт не брался.

Поэтому Маштаков ограничился нейтральной фразой.

– До встречи в новом году.

Когда вышли на улицу, Юра поинтересовался:

– Это реально бандит?

– Угу. Гангстер, – у оперативника не имелось желания развивать тему.

Брошенные Зингером слова о его карьере уязвили. В капитанском звании он ходил целых шесть лет, два срока. Классный чин «юрист первого класса», соответствующий «капитану», был получен ещё во время работы в прокуратуре. Наиболее удачливые из его сокурсников носили подполковничьи погоны, занимали серьезные должности. Сказать, что это совсем не задевало, было бы неправдой, самолюбие у Михи, конечно, атрофировалось, но не до такой степени. Собственно, поэтому он проигнорировал летом встречу однокурсников, посвящённую десятилетию окончания универа. Теперь после снятия дисциплинарных взысканий можно было надеяться на присвоение «майора».

«Если снова в какой-нибудь блудняк не впишусь», – поёжился Маштаков.

Майорский чин, скорее всего, будет потолком; повышение по должности, с учетом репутации «запойного», ему не светит. До минимальной выслуги почти пять лет.

«Не доживу».

– А почему он – Зингер? – забираясь в кабину, продолжил расспросы Юра.

– Хоккеист такой, Юрец, был знаменитый. Зингер Виктор Александрович. Вратарь в московском «Спартаке». Чемпион мира, Европы и Олимпийских игр. Слышал?

– Краем уха.

– Он в конце шестидесятых, потом в семидесятых гремел. Ты ещё не родился.

– Чёй-то? – обиделся Юра, – Я семьдесят пятого года выпуска.

– Ну значит, на бой не сгодился. Маленький был. Тогда советский хоккей с шайбой был – ого-го-го! Все смотрели, все болели, многие сами шайбу гоняли, в каждом дворе – своя «коробочка». Ну вот и Митрохин играл по молодости. Сначала за микрорайон, потом – за заводской «Вымпел». Тоже на воротах стоял. Отсюда – Зингер.

– А-а-а, – протянул водитель с некоторым разочарованием, – а я думал – со швейной машинкой связано. У бабульки моей машинка такая есть, старая, дореволюционная. Тоже – «Зингер».

Юра помолчал минуту, а потом новый вопрос задал:

– Товарищ капитан, как считаете, у меня есть шансы к вам, в розыск перевестись?

– Разве Палыч на пенсию собрался?

– Да нет, – Юра заерзал. – Я не водилой. Я хочу опером, как вы. Чего мне до пенсии баранку крутить? Я баранку могу и на гражданке крутить вполне.

– Подойди к Борзову Сан Санычу, поговори с ним, он начальник. – Миха представил гиперхолерика Юру розыскником и улыбнулся.

«Опер по кличке Бешеный».

– А вы со мной не ходите к Борзову?

– Кабинет его, что ли, не найдешь один?

– Да нет... просто, если вы слово замолвите, меня точно возьмут. Вас народ уважает.

13

31 декабря 1999 года. Пятница.

12.00 час. – 13.00 час.

В первом же перекуре, лишь только народ потянулся из-за стола в коридор, главный редактор увлек Голянкину в свой кабинет.

– Никуш, год уходит, раскрой завесу тайны. Что с тобой, дорогуша, случилось?

Эдуард Миронович присел на край стола, нашарил позади себя сигареты и зажигалку. Голянкина приняла из протянутой ей пачки тонкую сигарету, – шеф никогда всерьез не курил, баловался дамскими лёгкими.

Вероника слегка покачивалась в такт доносившейся музыке, на её впалых щеках, оживляя, тлел неяркий румянец от выпитого шампанского. Сегодня в редакции «Уездного обозрения», как и во всей стране, был короткий день и служебный корпоративчик.

Эдуард Миронович, главный редактор газеты и ее единственный учредитель, пальцем коснулся отвислой щеки, укололся об успешную отрасти щетинку.

Отвлёкся на бытовую, не связанную с разговором мыслишку: «Вернусь домой, надо побриться обязательно».

– Чего молчишь, Никуш? Сколько это будет продолжаться? Что мне сделать, чтобы ты улыбнулась? – Эдуард Миронович пытался расшевелить Голянкину.

Та стояла, скрестив на груди руки, сильно затягивалась сигаретой, дым выпускала через нос.

– Криминалка – твой конек, Никуль! Оседланный и взнузданный! – убеждал главный. – Тебе никто из наших по этой части в подметки не годится. Ты знаешь людей в органах, владеешь терминологией, фактурой. Твои материалы делают нам рейтинги, *пилл* к ним привык. Ответь мне раз и навсегда, здесь и сейчас, почему ты отказываешься делать материал про двойное убийство? Он нам весь первый номер вытащит!

– Не хочу... – Голянкина поискала глазами пепельницу, найдя, придвинула к себе, ввинтила в неё окурок.

– Это детский сад, а не разговор! – Эдуард Миронович колыхнулся массивным туловом, столбик пепла на его сигаретке сломался, просыпался на рукав свитера крупной вязки.

Галстуки и пиджаки он на дух не выносил с того лохматого времени, когда корпел в горьком комсомола в должности инструктора.

– Пойдемте к народу... – Вероника поправила съехавшую на глаза прядь волос. – А то подумают еще чего-нибудь.

– Это уже не актуально, – махнул рукой главный.

Голянкина не удержалась от нервического хохотка. То, что у шефа новая фаворитка, она знала.

– Извини, глупость сморозил. – Эдуард Миронович дотянулся до её локтя, сделал попытку привлечь к себе.

Голянкина на шаг отступила назад.

– Объясни мне, в чем причина. Я мобилизую остатки своего серого вещества и постараюсь понять. – Главный редактор перестал опираться пятой точкой на край стола, приблизился к журналистке, забрал её холодные вялые ладони в свои.

– Надоела грязь. – Вероника рассматривала паутину в верхнем углу кабинета.

– Кем же ты себя видишь в газете?

– Ну не знаю, на культурку⁵² меня переведите. – Голянкина освободилась от мясистых ладоней шефа.

Сделав вид, что оправляет пиджак, незаметно вытерла о ткань руки, подумав, что раньше не обращала внимания на то, что у Эдика такое обильное потоотделение.

– А Лизу я куда дену? Как я ей объясню? – главный начал заводиться. – Может, тебя на *помирашек* перевести?

– Может, на *помирашек*, – покорно согласилась Вероника.

То, что формирование страницы с некрологами об умерших горожанах считалось самой неквалифицированной работой, её не задело.

Голянкина смотрела на брыластое бульдожье лицо шефа и желала только одного: чтобы он оставил её в покое. Не могла же она, в самом деле, рассказать ему, как в сентябре трое отморозков схватили её на улице, затащили в машину, увезли в какую-то заброшенную деревню и там несколько дней, показавшихся вечностью, глумились. Её не били, не пытали, а просто напугали до смерти, не поверить в реальность угроз было невозможно. Запугав, поили водкой, кормили шашлыком и насиловали, насиловали. Попутно объяснили, что ей не следует в своей жёлтой газетке твякать на уважаемых людей. Имелась в виду разоблачительная статья «Коммерция на цырлах», в которой живописались деяния Катаева, местного предпринимателя с криминальной подкладкой. Шеф страшно гордился этим материалом, наделавшим в городе шуму-грохоту, на редакционных планерках превозносил Голянкину, ставил в пример коллегам. По факту публикации милиция даже проводила проверку в отношении Катаева, окончившуюся, правда, пшиком, отказным материалом.

После кошмара с похищением и изнасилованием Вероника три недели провалялась в гинекологии с острым вагинитом, приведшим к эрозии шейки матки. Ублюдки истерли своими погаными корягами всю слизистую. Удивительно, как обошлось без венерических заболеваний. Медицина свое дело сделала, тело ей подлечили... тело, оно заплывчиво. А вот душу кто исцелит? Сколько стыда испытала она в медсанчасти, когда, путаясь и заикаясь, выдумывала причины заболевания. Как умоляла врача и медсестер сделать так, чтобы ни о чём не догадался муж. Как ему плела небылицы. Потом шок отошел, навалилось ватное безразличие. Никого не хотелось видеть, никуда не хотелось идти, пропал аппетит, уснуть удавалось лишь после дозы сильного снотворного. Сон приносил не облегчение, а кошмары, один страшнее другого. Уже когда её выписали из стационара, соскучившаяся дочка подходила, теребила за руку: «Мама, мама, когда ты со мной поиграешь?». Она отворачивалась от Галчонка к стене, натягивала на голову ватное одеяло, часами скулила без слез.

Все поняли, что с Вероникой произошло что-то из ряда вон, не знали только, из какого ряда. Сколько ее не расспрашивали – муж, родители, подруги, шеф – она никому не рассказала ни полслова.

Она была запугана настолько, что даже не помышляла о возмездии. По уму, о случившемся следовало заявлять в милицию или в прокуратуру, но для нее дорога туда была заказана. Её заявление попадет в руки всех этих алкашей, дебилов, бездельников и взяточников, которых она столько времени выводила на чистую воду. В результате никого не найдут, потому что искать не станут, а из неё под предлогом служебной необходимости вытянут все омерзительные подробности. В глаза будут лицемерно сочувствовать, а за спиной радоваться, смаковать, говорить, что поделом этой сучке драной, щелкопёрке. А еще нужно будет проходить унизи-тельный осмотр у судебного медика. И ведь не факт, что возбудят уголовное дело, зачем им правду устанавливать и статистику себе портить. Напишут в отказнике – телесных поврежде-ний нет, половой жизнью раньше жила, сразу не заявила, объяснения дает противоречивые, вызывающие у следствия сомнение. Разве не так? А где ты, подруга, три дня кувыркалась?

⁵² Культурка – материалы о культурной жизни (журн. сленг).

Почему мужа и начальство обманула, наплела им, что якобы в Иваново уехала решать вопрос о восстановлении в ВУЗе? А может, ты с любовником зависала, а теперь перед мужем за то, что в больницу с поломанной кункой⁵³ попала, оправдаться желаешь?

У неё столько недоброжелателей в городе... каждый второй, не меньше. Если узнается о ее позоре, на улицу выйти будет невозможно. Хоть паранджу надевай. А может, уже все знают?..

Еще помнилось обрывками, смутно, словно плывёшь в молочном тумане, как тогда ее выводили голую из дома в сад, под яблони и фотографировали поляроидом. Где эти снимки? Кто их разглядывает? Кому показывают их? Го-осподи, за что?

Бубнящий над самым ухом голос вернул ее в настоящее.

– Тут такой захватывающий сюжет можно завернуть. Серию публикаций с продолжениями! Бывшие спортсмены, причем перспективные, чемпионы, в конце восьмидесятых стали жертвами милицейской компании по борьбе с оргпреступностью. В результате получили неоправданно большие сроки. Молодые судьбы исковерканы, души выжжены. Освободившись, ребята возвращаются в родной город, где намереваются честно жить и работать – и тут, в канун Нового года, их обнаруживают зверски убитыми. Изрешеченными в сито! Выдвигаем несколько версий. Мсть бывших подельников за отказ вернуться к преступной деятельности. Или...

– Или инопланетяне с Кассиопеи прилетели, украли на военном складе автомат и расстреляли чемпионов, – вклинилась Голянкина.

– Ну вот, уже реагируешь, – хрипло засмеялся главный, – уже рефлексы появились. Викуль, тема-то перспективная. А как правоохранителей наших можно прижучить, у-у-у... В ста метрах от милиции и прокуратуры, под самым их носом, в центре города как на поле боя громяют автоматные очереди! А?!

Дверь в кабинет открылась, заглянула Лиза Мешкова, крупная брюнетка с чувственным ртом и заметными усиками над верхней губой:

– Шеф! Вероника! Идемте к столу, все вас ждут!

– Минуточку, мы в творческом процессе, – Эдуард Миронович жестом указал ей закрыть дверь со стороны коридора.

Лиза помедлила, обвела прищуренным взглядом главного и Голянкину, стоявших в шаге друг от друга. Их взаиморасположение позволяло среагировать на стук приближающихся каблучков и отпрянуть, чтобы не быть застигнутыми во время поцелуя. Демонстративно покачав пышной прической, Лиза медленно прикрыла дверь. Судя по тому, что теперь её каблучки от двери в обратном направлении не процокали, она затаилась под дверью.

Эдуард Миронович прошел за свой стол, достал из ящика конверт, вернулся в середину кабинета.

– Новогодний бонус, – сообщил он негромко. – Я ценю твои ясные мозги и бойкое перо. Очень рассчитываю на тебя.

Вероника молча приняла конверт. Большую часть зарплаты сотрудникам главный выдавал вот так, в конвертиках, помимо ведомости. Официально она получала всего девятьсот пятьдесят рублей. Серая зарплата была гораздо ощутимее, от двух до трех тысяч в месяц. У Эдуарда Мироновича существовала своя теория по поводу сокрытия большей части доходов. Он принципиально не желал кормить на честно заработанные им деньги ненавистную ему чиновничью орду. Иногда кой у кого в курилке возникали мысли: а как же пенсионные отчисления... «Нам же и пенсии рассчитают с зарплаты в восемьсот деревянных?» Но этому «кой-кому» доходчиво объяснили, что до пенсии ещё дожить надо, а пока доживем, правила её начисления сто раз поменяются.

Сейчас конвертик оказался достаточно плотным на ощупь.

⁵³ Кунка – женский половой орган (жарг.).

Деньги оказались, как нельзя и как всегда, кстати. Нужно было Галинку побаловать в честь Нового года обновками, да и Юру за его долготерпение по-человечески отблагодарить, обносился мужик совсем.

– Срок предоставления материала рерайтеру⁵⁴? – спросила Голянкина.

– Вот теперь тебя люблю я, – просиял Эдуард Миронович. – Сроки практически неограниченны, Викуль. Второго к обеду материал должен быть готов. А то завалим номер. Пошли за стол?

⁵⁴ Рерайтер – сотрудник, который перечитывает журналистский материал «на свежую голову» с целью исправления ошибок до отправления материала на вёрстку.

14

31 декабря 1999 года. Пятница.

14.30 час. – 15.30 час

Маштаков не застал Смоленцева на станции техобслуживания. Словоохотливый дедок-сторож поделился секретом, что хозяин уехал организовать похороны, у него беда, кто-то из родни помер.

Миха понимающе кивнул, погребальные обряды и связанные с ними бытовые вопросы никто не отменял. Человек, какой бы он ни был, не собака, под забором не зароешь, каждый кому-то дорог.

«Прозвоню Димке на мобильник с городского, когда вернусь».

Часы показывали половину третьего, в животе у Маштакова урчало, голова от тряски на «УАЗике» и от бензиновой вони кружилась, подташнивало, тянуло на солёненькое и на горяченькое.

«Все симптомы налицо, срочно необходимо пожрать».

Юра обеими руками поддержал старшего машины насчет обеда. Однако встал непростой вопрос, куда податься. В канун праздника весь доступный по ценам общепит уже закрылся, к гадалке не ходи. В УВД у обоих имелось по тормозку с провиантом, но гарантий того, что дежурный по возвращению на базу не загонит их немедленно по какой-нибудь срочной заявке, не было.

– Раз уж на Эстакаду заехали, давай в «Магнат» заскочим, – предложил оперативник.

Бар «Магнат», излюбленное место многих милицейских посиделок, располагался на улице Урицкого. В шаговой доступности от Михиной «хрущобы».

Двери заведения оказались закрытыми изнутри. Для бестолковых в зарешённом окне за стеклом была косо воткнута табличка «спецобслуживание».

Маштаков все-таки попытал счастья, постучал кулаком об металлическую дверь с напылением.

– Облом, товарищ капитан? – осведомился Юра, не покинувший своего рабочего места.

– Нужен ход. Ну как, Юрец? Тебе как кандидату в оперсостав предлагаю небольшой тест. Ты, представитель власти, пришёл в нужное тебе учреждение, а дверь закрыта. Ты барабанишь в неё, ноль по фазе. Твои действия?

Водитель не задумался ни на секунду. Яростно взревела сирена, над крышей «УАЗика» блеснули синие огни. Маштаков матюкнулся и зажал уши.

Очень скоро внутри бара послышалось лязганье запоров, тяжёлая дверь с натужным скрипом отворилась наружу.

Юра, сохраняя невозмутимое выражение лица, выключил сигнальное устройство.

Выбежавшая на иерихонский рев тревоги барменша Нина при виде оперативника заулыбалась.

– Ну кто еще так может напугать? Привет, Миша. А я тебя в форме сразу и не узнала. С наступающим тебя.

Нина, коротко стриженная большеглазая блондинка, за счёт идущей ей улыбки и стройной фигурки выглядела моложе своих тридцати шести. Она была в кухонном клеенчатом переднике, испачканном в муке.

– Поздравить заскочил, Нин, – Маштаков протянул купленную по дороге круглую коробку конфет «Рафаэлло».

– Ой, мои любимые. Спасибо, Миш. Только у меня руки грязные.

– Вы не работаете?

– К ночному сабантюго готовимся. А вы покушать хотите?

– Это очень мягко сказано.

– Заходите, ребята, сейчас чего-нибудь сообразим по быстренькому.

Нина, придерживая дверь, пропустила милиционеров в заведение. Маштаков, когда бочком проходил мимо, втянул ноздрями нарядный запах духов, исходящий от женщины.

– Благоухаешь, словно только что срезанная голландская роза!

С Ниной у Миши были дружеские отношения, уже достаточно давние. Нина имела высшее филологическое образование и до тридцати лет учила в школе детишек русскому языку и литературе. Воспитывала в одиночку десятилетнюю дочь. В коммерцию она подалась, чтобы пережить трудные времена, конца и края которым покамест не предвиделось. Правильно её должность называлась бармен-администратор, на ее трудолюбии и добросовестности держался весь «Магнат». Хозяин бара Жора Сметанюк высоко оценивал её роль в своем ресторанном бизнесе, но не столь высоко оплачивал. У Маштакова с Ниной имелись общие интересы – литература. Нина тоже попала под обаяние гротесковой прозы Довлатова. Она открыла для Маштакова классного бытописателя Сергея Каледина и эмигрантского поэта Арсения Несмелова. По-настоящему уважала Высоцкого, всегда держала в баре несколько аудиокассет Владимира Семёновича. Знала наизусть множество стихов Цветаевой, Мандельштама, Гумилёва.

С Ниной было интересно, она мыслила образно, чувствовала слово, умела слушать. Несколько месяцев назад Миша доверил ей свои литературные опусы, несколько повестей о гражданской войне. Прочитав рукописи, Нина не посмеялась над ними, но и нахваливать не стала. Сказала, что явственно проглядывается подражание прозе Алексея Толстого, тогда как у начитанного и наблюдательного Маштакова, обладающего, без сомнения, даром рассказчика, должен быть свой формат.

Общаясь с Ниной, Миша радовался, что не прошёл с ней стандартного пути, любовниками они не были. Опыт сексуального общения между ними имелся в единственном экземпляре и объяснялся нахождением обоих в сильно нетрезвом состоянии. Данное обстоятельство способствовало тому, что физиологического контакта как такового не произошло.

В то же время, он не раз ловил себя на мысли, что его задевает достаточно вольное обращение Жоры Сметанюка с Ниной. И в этой связи Маштаков удрученно размышлял: неужели и такая умная баба как Нинка не в состоянии отказать своему работодателю? Сметанюка Миша знал со студенчества в местном политехе, закончившегося для Маштакова во втором семестре. Вовремя он тогда одумался, что инженерство – дело не его жизни, и свалился в Советскую армию. Сметанюк в целом парень был нормальный, но корчил из себя плейбоя и излишне любил понты. Для примера: в дремучем восемьдесят втором году он мог позволить себе фирменные джинсы «Леви Страус», в то время как подавляющее большинство первокурсников, в том числе и Маштаков, мечтало хотя бы об индийских.

В зале бара всю кипели приготовления к Новому году. В положенном месте, в красном углу мигала разноцветными лампочками елка. Прагматик Жора приобрел искусственную, чтобы один раз и надолго. Плюс иголки с неё не сыплются. Елка стояла кривовато, облакачиваясь на стену, украшенную плакатом с разинувшим зубастую пасть рогатым и хвостатым драконом. Красные глаза у символа грядущего года злобно горели, перепончатые крылья угрожающе топорщились.

– Симпатичная зверушка, – заключил Миша и воздел руку, приветствуя выглянувшую с кухни раскрасневшуюся от жара плиты повариху. – Доброго здоровья, Раиса Прохоровна! С праздничком вас!

На составленные в ряд столики были водружены перевернутые ножками вверх стулья. Недавно вымытый пол ещё не просох полностью.

– Кто у вас гуляет? – поинтересовался Маштаков у Нины, справившейся с запорами на входной двери.

– Да компания местная. Шестнадцать человек.

– Ого! Сколько водки заказали?

– У них своя будет. – Нина прошла за стойку, вытерла руки. – Те, что заказ оформляли, с виду нормальные. Взрослые, за тридцать, в снабжении на механическом работают.

– Ну если забудят, звони «02», мальчикам по вызову. Я дежурю сутки. Прилетим шмелем. Правда, Юр?

– А то, – солидно кивнул гонщик.

– А чего тебя, Миш, дежурить на Новый год заставили? – Нина принялась снимать стулья со стола, стоявшего в торце.

Успела снять только один, остальные расхватили Маштаков с Юрой.

– В Новый год, Нин, только самых проверенных сотрудников можно ставить. Ответственности чересчур много, – с серьезным видом поведаль Миха.

– Так, мальчишки, на скорую руку могу предложить пельмешек отварить и сосисок. Если курочку хотите, придется ждать.

Милиционеры замахали руками – ну ее, эту курочку-рябу, пока она снесёт свое яичко, дежурный их самих в фольгу завернёт и в духовку сунет.

Нина кинула на плечо полотенце и улетела на кухню.

Юра, сидя за столом, придвинулся к оперативнику и заговорщически справился:

– Ну как, товарищ капитан, мой ход? С сиреной?

– Перший сорт! – Маштаков показал большой палец. – Был ещё вариант, но он, конечно, гора-аздо слабее твоего.

– Какой? – кошачьи глаза у водителя горели.

– Зайти с запасного выхода.

– А-а-а!.. – протянул Юра.

Озвученный капитаном способ явно разочаровал его своей заурядностью.

В течение ближайших двадцати минут они славно подкрепились горяченьким. Несмотря на протесты Нины, расплатились по счёту. Маштаков считал, что злоупотреблять гостеприимством можно лишь в разумных пределах. Здесь в «Магнате» он и без того хронически одалживался в различных формах. И просто деньги занимал, и выпивал в долг, и ужинал порою, когда в сторону дома ноги не шли. Но у него имелся принцип при любой возможности принимать меры к погашению недоимки. С каждой получки он заносил в бар хотя бы полтинник, а обычно – столик. По положению на тридцать первое декабря Миха был должен Нине четыреста семьдесят рублей. Говорят, что в канун Нового года полагается возвращать все долги, что плохая примета перетаскивать их в следующий отчетный период, однако Маштаков верил в приметы избирательно.

А Жора Сметанюк не был бы Жорой, если бы всякий раз, едва завидев, как Миха отслюнявливает свои копейки, не кричал бы громогласно на весь бар, что он в состоянии еще угостить старинного своего друга, корифея правоохранительных органов. Маштаков не оспаривал ни свое производство в корифеи, ни тёплую вековую дружбу с Жорой, но при возможности денежку на стойку клал.

Неделю назад Маштаков получил зарплату за декабрь, задолженности по «пайковым» за три месяца и довеском ещё тринадцатую. Случилось то, чего каждый милиционер ждет не дожидается в течение всего бесконечно долгого года. Сумма по Михиным меркам вышла внушительной. Пересчитав казначейские билеты, он ненадолго обрел уважение к себе. Вернул долги наиболее щепетильным кредиторам. После чего оставшиеся пять тысяч поделил на две неравные части. Две отдал на текущие семейные расходы, а на остальные три купил дочкам один новогодний подарок на двоих. Даша давно уже иззавидовалась своей подружке, имевшей игровую приставку «Сони Плейстейшн». Маришка мало понимала в этом, но слушала старшую сестру с открытым ртом и поддакивала ей. Маштаков утверждал, что все это блажь и пустая трата денег, пока не увидел у сына Вадика Соколова аналогичную приставку. До трех утра он

тогда проиграл у Вадика в страшилку «Резидент Ивел», даже нефилтрованным пивом пренебрег. Татьяне Миха объяснил, что приставка якобы стоит всего две тысячи, что игрушку ему привезли из Москвы, где она намного дешевле, чем в провинции. Кассовый чек и гарантийный талон к покупке он предусмотрительно спрятал на работе в сейфе. Жена, поставленная перед фактом, нахмурилась, но смогла справиться с собой, не взорвалась. В конце концов, отдав предпочтение дорогой игрушке, Маштаков сам решил еще одну зиму отходить в куртке, которую носил уже восемь лет, и оставить надежды на приличный костюм. Кроме этого вновь пришлось отложить на неопределенное время планы по покупке кухонного гарнитура взамен старого, у которого перекошились все дверцы, а две даже оторвались полностью. Татьяна поняла, конечно, что муж таким нехитрым и непедagogичным способом надеется наладить отношения с дочерьми, в первую очередь со старшей.

Простившись с Ниной, милиционеры поторопились к оставленному перед входом в бар «УАЗику». Торопились они не зря, как чувствовали. Оставленная включенной радиостанция изрыгала треск и эмоциональные, наполовину состоявшие из ненорматива, вызовы дежурного.

Схватив манипулятор, Юра щелкнул тангентой.

– Со...сорок... сорок шестой... на... на связи, – выпалил он, с трудом переводя дыхание после резкого спурта.

– Вы куда, вашу мать ёпт, пропали?! – Обычно спокойного Медведева было не узнать.

Миха уселся на своем месте, отобрал у водителя переговорное устройство, переключился на передачу.

– «Клёновка», Маштаков на связи. По дороге перекусили. У нас всё в порядке. Приём.

– Перекусили, ёпт! – начальник дежурной смены сбавил обороты. – Предупреждать надо, что на обед съехали. Я уж думал... Ну ладно... Где сейчас находитесь?

– На Эстакаде.

– Это кстати. Заедете на Покрышкина, девять, квартира семь. Семейная ссора. Звонила Абрамова Вера Семеновна, пятьдесят седьмого «гэрэ». Муж её гоняет, грозит выбросить с балкона. Разберитесь, доложите.

– Слушаюсь, товарищ майор. Конец связи! – Миха отключился.

Вешая переговорное устройство на крючок, он посетовал:

– Чего мы с тобой, Юрец, в самом деле дежурку-то не предупредили? Как школьники, ей-богу.

Седьмой дом по улице Покрышкина, малосемейка, был ему памятен. В начале своей прокурорской карьеры он выезжал сюда на самосожжение. Мужик, водила с экскаваторного завода, на почве пьянки рассорился с женой, облился из канистры бензином, который он с работы упёр, и поджёг себя при помощи зажигалки. Вспыхнув, заметался гудящим факелом по комнатам, полквартиры выгорело напрочь. От самого головешка осталась, скрючившаяся в позу боксера, характерную, когда человек стораёт заживо: конечности полусогнуты в локтевых, тазобедренных и коленных суставах, руки поднесены к подбородку.

Эту давнюю историю Миха поведал водителю по дороге. Тот назвал сгоревшего мудаком.

– Ну надоело тебе жить, иди как мужик в лес подальше, выбери там сучок покрепче, намыль веревку и вздернись. Зачем же семью без жилья оставлять? Куда ты, курица слепая, под колеса лезешь?! Не видишь, спецмашина?!

Последние две фразы адресовались женщине, вознамерившейся пересечь проезжую часть в зоне действия знака пешеходного перехода.

А Маштакову в этот момент подумалось, что жизнь представляет собой хитроумную конструкцию из множества взаимосвязанных составляющих. Не проколись они сейчас с самовольным обедом, он бы не преминул поспорить с дежурным, почему это опер должен ехать на семейную разборку. Для этих целей в милиции специально обученные люди существуют: «пэпээсники» и еще участковые. А так, сделал шаг в неправильную сторону, отработывай

теперь и не жужжи. Правда, времени всего начало четвёртого, батальон ППС⁵⁵ еще не заступил на службу, они с шестнадцати в город выходят. Но мог ведь Медведев и ГБР⁵⁶ запросто на Покрышкина в адрес послать.

– Мне с вами, товарищ капитан? – осведомился Юра по приезде, ставя машину на ручной тормоз.

– Странный вопрос. Обедали-то вместе, – у Миши вместе с недобрый предчувствием появилась ворчливость.

Предчувствие на сей раз его обмануло. В седьмой квартире оказалось все спокойно. Дверь им открыла худенькая женщина в застиранном домашнем халате. Её левая скула имела следы припухлости и покраснения. От нее островато пахло свежим спиртным.

– Ой! – Женщина зажала ворот халата при виде возникших на пороге людей в серой форме.

Как будто было там чего смотреть, под халатом этим, кроме мослов.

Маштаков представился, Юра солидно козырнул.

– Кто там еще припёрся, бля?! – возопил из смрадных недр малосемейки налитый пьяной дурью бас.

– Мы уж с мужем помирились, – женщина смотрела на милиционеров с укоризною.

– Разрешите, Вера Семеновна, пройти, – Миха легко подвинул хозяйку в сторону и прошёл в комнату.

– Куда в сапожищах? – встречал его гостеприимно бас.

– Подотрешь, – оперативник счёл претензии необоснованными.

Оглядевшись, он узрел стандартную картину запустения и нищеты, свойственную местам обитания человеческих особей, давно подружившихся с бутылкой. Короткие прожженные занавески, камуфлированные от причудливых пятен жира и иной бытовой грязи. Шелушащийся потолок с зияющими межпанельными щелями, из которых выкрошилась шпатлевка. Толстые, мрачные, во многих местах отставшие обои с плохо различимым геометрическим рисунком. Под потолком – старомодный светильник, у которого уцелел единственный изогнутый стеклянный рожок, в двух других патронах были ввернуты лампочки Ильича, резавшие глаза голым электрическим светом. Щелястый дощатый пол с облупившейся краской. Черно-белый ископаемый телевизор со снятой задней крышкой. Изображение на экране отсутствовало, а из ребристой пластмассовой решетки динамика задорно гремела песня «Три белых коня».

Облаченный в рваный тельник багровомордый хозяин восседал за праздничным столом, упираясь в столешницу волосатыми локтями. В целях наведения резкости зрения, он прижмурил один глаз.

– Милицию вызывали? – казенным голосом спросил Маштаков.

Он, конечно, разглядел лежавший под рукой у мужика кухонный нож с наполовину сточенным лезвием и залапанной деревянной рукоятью. В качестве возможного орудия самообороны оперативник присмотрел табурет, кособочившийся по сю сторону стола.

– Да я сказала же вам, мы помирились, – в голосе женщины проскальзывали нотки открытого недовольства.

– Я не спрашиваю, Вера Семеновна, помирились вы или нет, я спрашиваю, кто вызывал милицию, – Миха мысленно одобрил действия Юры, занявшего позицию справа и чуть позади хозяина.

Женщина призналась, что милицию вызывала она, звонила от соседей Курицыных. Они с мужем сперва поссорились, потом поругались, она была *вытимиши* немножко, вот с дури баб-

⁵⁵ ППС – патрульно-постовая служба.

⁵⁶ ГБР – группа быстрого реагирования.

ской и позвонила. Никто ее не бил, пальцем никто ее не тронул, покраснение на роже это у нее аллергия называется. С балкона ее тем более никто сбросить не угрожал, а если бы и угрожал, это ж дурь голимая, они на втором этаже живут, под балконом – сугроб высоченный, глубокий, чего тут страшного может быть.

– Выпей с нами! – Щетинистый вепрь-хозяин набулькал в мутный граненый стакан водки, судя по невнятной, косо наклеенной этикетке – палёной.

Подвинул эмалированное глубокое блюдо с салатом «оливье», обильно заправленным майонезом.

Маштаков подумал: а ведь приходилось ему пить вот в таких мразотных клоповниках такую вот левую водяру в компании с такими неандертальцами. Подумал и передёрнулся от ненависти к себе.

Он отобрал у хозяйки письменное заявление о том, что претензий к своему гражданскому мужу Бабарыко С. Ф. она не имеет, телесных повреждений он ей не причинял, опасности для нее он не представляет, из принадлежащей ей на праве собственности квартиры увозить Бабарыко С. Ф. она милиции категорически не разрешает.

Теперь в случае наступления даже самых тяжких последствий никакой самый принципиальный прокурор не предъявит к Маштакову претензий. А если и предъявит, обломается.

«Фэци квод потуи, фациант мельора потэнтэс» говорили в таких случаях древние римляне.

«Я сделал всё что мог, кто может, пусть сделает лучше».

Миха переписал паспортные данные нигде не работающего гражданина Бабарыко в рабочую книжку. Тот настороженно следил за тем, как в руке милицейского капитана шевелился хвостик шариковой ручки.

Дописав, Маштаков встряхнул истрёпанным паспортом с отслоившейся обложкой и, протянув его мужику, сказал внушительно:

– Всё про тебя знаю теперь, Сергей Филиппович. Из-под земли достану чуть чего. А в час ночи заеду к вам, проверю обстановку!

В этой ситуации это было верхом его возможностей. Закон о милиции и Кодекс об административных правонарушениях запрещали изымать граждан из их жилища в отсутствие письменного заявления проживающих там лиц. Признаков преступления в действиях Бабарыко С. Ф. не усматривалось.

На выходе из квартиры Миха пыгливо заглянул в лицо хозяйке:

– Может, все-таки забрать его, Вера? Ты как?

Женщина замотала головой, резиново заулыбалась, улыбка вышла жалкой.

– Нет-нет, что вы! Новый год же! Как можно? Простите меня, дуру, за беспокойство.

– Ну смотри. Чуть чего, беги к соседям Курицыным.

Этот совет он давал, переступая через порог. Женщина протянула руку к замку, оставшийся без поддержки ворот халата открылся. Ниже выступающих ключиц, на впалой груди желтели и чернели пятна застаревших кровоподтеков. Поймав взгляд милиционера, хозяйка поспешно запахнулась.

«Аллергия в запущенной форме», – досадливо покусывал нижнюю губу Маштаков, спускаясь по лестнице.

Понятное дело, контрольным приездом после полуночи он только страдал мужика. К каждому столбу милиционера не приставишь.

Из «УАЗика» Миха сразу связался с дежурной частью и доложил. Медведев, одобрив его действия, велел срочно возвращаться на базу, требовалась машина на выезд.

15

31 декабря 1999 года. Пятница.

15.30 час. – 16.30 час.

Во второй раз мобильник зазвонил еще назойливее. Смоленцев поморщился и покосился на дисплей, номер высветился тот же самый, городской. Смоленцев знал, кому он принадлежит.

«Куда мента ни целуй, у него везде – жопа! На пять копеек помогли, а теперь на тонну зелени хотят с меня шерсти состричь! Или думают, я к ним на службу подрядился?»

– Кто это? – слабым голосом спросила Света Зябликова.

После двух выпитых таблеток феназепам она выглядела заторможенной, чёрный взгляд её опухших глаз плавал. Зато перестала рыдать и только жалобно, как побитый щенок, подскуливала.

– Да так, пассажир один левый. Позвонит и перестанет. – Смоленцев проворачивал в голове план своих дальнейших действий.

Хорошо хоть Петрухину тему его родня разруливала. Там не старая еще матушка в наличии, дядька – «делавар», братья двоюродные. Двое похорон Димке в одиночку ни за что не потянуть, с одними Ромкиными управиться бы. Света – не помощница, ладно хоть выть прекратила, а то башка от ее ора напополам разламывалась. Кроме вдовы, у Ромки Зябликова еще мать осталась, но она никакая, спилась давно. Узнала о смерти сына, заблажила, зарыдала мутными слезами и вцепилась клещом в бутылку. Как не дать ей на водку да на закуску? Такое горе, ясный перец... Только не будет она закусывать, нечем ей жевать да и отвыкла она от закуси.

В морге Смоленцеву удалось удачно все дела порешать с судебным экспертом Леонидом Вениаминовичем. Немногословный, солидный эксперт все объяснил конкретно. Как сказал, что в пятнадцать часов сможете своих забрать, так ровно в три и отдал пацанов. И денег за свою кошмарную работу взял немного, несмотря на то что Новый год у всех на носу. Привезенные в морг костюм, водолазку и туфли Димка отдал бородатому санитару Валере, чтобы тот обрядил Ромку.

Когда передавал шмотки, посмотрел на пацанов. Лежали они на столах из оцинкованного железа голые, с защитными грубыми стежками грудинами, обмытые из шланга, с мокрыми волосами. Непривычно смирные, навсегда притихшие, бледные до синевы. У Ромки с правого плеча скалился задравший для удара когтистые лапы прыгнувший вперед саблезубый тигр. Смоленцев вспомнил, как Ромыч гордился этой напорюхой, приделанной ему в зоне известным на пол-России умельцем. У Ромки лицо оказалось целым. Одна пуля, пройдя по касательной, разнесла ему купол затылка, вторая насквозь пробила шею, вырвав кадык. Вокруг этой раны неровно был вырезан лоскут кожи.

«Вот зачем Леонид Вениаминович велел привезти водолазку с горлом. Чтобы рану воротником закрыть», – догадался Смоленцев.

Во рту он ощущал мерзкий свинцовый привкус, в висках стрекотали кузнечики. Не верилось, что всё происходит на самом деле.

А у бедолаги Петрухи была разворочена правая скула, сюда ворвалась пуля. Огромное проваленное с рваными краями выходное отверстие тоже находилось в области затылка, только не на макушке, а левее. Из-за этой жуткой дыры стриженная ежиком Петрухина голова напоминала воронку.

«Как Каспера в открытом гробу хоронить?»

В холодном помещении секционного зала все звуки казались преувеличенно гулкими. На кафеле, которым до середины были облицованы стены, поблескивал налет конденсата. На месте многих отлетевших плиток чернели пористые прямоугольники застывшего цементного раствора. Над головой назойливо гудела неоновая лампа без плафона, дававшая неестественно

белый, подрагивающий свет. Пол был бетонный, в углу вокруг забитого мусором стока стояла мутная вода, имевшая тёмно-свекольный оттенок.

Смоленцев озирался, чувствуя, как дрожь в ногах его нарастает. Такие места нормально человеку навещать не полагается.

«Как тут эксперты каждый день работают? Режут? Рассматривают? Привыкли?»

– Поможете переодеть вашего друга? – прогудел санитар Валера.

Этот был облачен в коротковатый ему грязный халат, пестрящий застаревшими бурыми и пегими пятнами. Одной пуговицы на халате не доставало, на ее месте торчали лохмотья ниток. В прорехе виднелось студенистое брюхо санитаря.

– А?! – встрепенулся Смоленцев и замотал головой. – Нет, нет.

Чтобы Валера не решил, что он забздел, Димка прочистил горло и, стараясь придать голосу небрежную интонацию, сообщил, что у него еще полно дел. Возражений от флегматичного бородача не поступило.

Смоленцев до двери шел медленно, принуждая себя не ускорять шаг, но оказавшись в предбаннике, рванул на свежий воздух так, будто хороший пендаль получил под зад для ускорения.

Самое оно было накатить водки, но ситуация не позволяла. Дел действительно было не в проворот. До этого их со Светой катал друг Вовка. Димка не мог сесть за руль, потому как на станции у себя с Серегой и Славяном за помин пацанов убиенных сотку махнул. Сереге со Славяном все проблемы по боку, хлопнули и поехали по городу чертить.

«В чью это они крутую “Мицубиси-паджеро” запрыгнули? Неуловимые мстители, бля. Ноль забот! А тут – вертись, как вошь на гребешке. Будто одному мне надо».

Но компаньона Вовку пришлось отпустить к жене, он и так реально помог, хотя к делам братским отношения не имел, был работягой по жизни.

«Четыре часа прошло как выпивал. Не должна трубочка показать, если вдруг гаишники тормознут. Объясню им, какие проблемы разруливаю. Тоже ведь люди, должны понять. На крайняк, в уголовку позвоню. Раз чего-то хотят от меня, пусть выручают».

На улице начинало смеркаться, серые краски густели.

Увидев приближавшуюся со стороны улицы Абельмана грузовую «Газель» с тентом, Смоленцев сбежал по ступеням крыльца. У сидевшего на последней нахохлившегося голубя сил хватило лишь на то, чтобы вразвалку отойти в сторону. Димка едва не наступил на замерзавшего задохлика.

Подъехавшая к моргу «Газель» не успела еще до конца затормозить, а пассажирская дверь резко распахнулась и из кабины на утопанный снег десантировался шустрый человечек в камуфлированной куртке.

Он был без головного убора, чрезвычайно деловит, часто встряхивал расчесанными на прямой пробор длинными седоватыми волосами.

– Ну как дела, Дмитрий? – специфика бизнеса приучила директора фирмы ритуальных услуг «Харон» Марка Халилова к крайне корректной манере общения.

Он не позволил даже намека на то, что ему надо торопиться за стол, провожать старый год.

Смоленцев навещал Марка около часа дня, а с самого утра имел с ним по телефону предметный разговор.

– Обряжают, – Димка кивком головы указал в сторону морга.

– Заносите, – скомандовал Халилов своим людям.

Водитель «Газели» и рабочий тоже были в армейском камуфляже. Они извлекли из кузова гроб, обитый тёмно-синим бархатом, ловко ухватили его, сноровисто понесли к моргу. Халилов успел забежать вперед, открыть дверь и, придерживая ее, пропустить рабочих в здание.

Также споро парни занесли в морг второй гроб. Этот был обит тиснёной тканью вишнёвого цвета, на крышке виднелось серебряное распятие.

Парни остались в морге делать свое дело. Живчик Халилов, хрустя подошвами по снегу, подошел к Смоленцеву. Тот протянул похоронщику открытую пачку «Мальборо».

– Благодарю, – Марк приложил руку к груди. – До сорока пяти *рокив* дожил, а курить не научился.

Димка сделал несколько порывистых, со всхлипами затяжек, сплюнул длинно.

– Ну чего, Марк, когда на кладбище поедем место смотреть?

– Давай завтра, в десять. Встречаемся у въезда на Троицкое.

– А сегодня если? – Смоленцев хотя и не планировал злоупотреблять спиртным, хотел нынче отработать по максимуму.

– Не успеваем. К половине пятого усопших развезем по домам. К этому времени стемнеет полностью. Плюс полчаса езды до кладбища.

– Резонно. – Смоленцев расстался с окурком сигареты, сильным щелчком послав его на середину проезжей части. – Не подведи только.

Халилов не стал стучать себя кулаком в грудь, он просто сказал:

– Не подведу. У меня дисциплина.

Они ещё раз прошлись по всем вопросам. Венки, рытье могил, вынос в двенадцать часов, катафалк, поминки. На последнем пункте споткнулись.

– Дмитрий, – серьезно предупредил Халилов, – поминки – профиль не мой. Я принципиально договорился в «Ладе» с заведующей Жанной Витольдовной. Но она не уверена в персонале. Второго числа они не работают, отдыхать будут после спецобслуживания. Будет лучше, если ты доедешь до нее и поговоришь сам, без посредников. Она на месте.

– Базару нет, – кивнул Смоленцев, – подскочу.

– Пойду посмотрю, как там продвигается, – Халилов ринулся к крыльцу.

Провожая взглядом его мальчишескую фигуру, Смоленцев размышлял, что вот «Харон» отстегивает за крышу Клычу, который, скорее всего, и организовал убийство пацанов, и тот же «Харон» хоронит убитых. Получался круговорот бабла в природе. Марик Халилов засылал лавэ Клычу, тот на эти бабки нанял киллеров, заваливших Петруху с Ромкой. Смоленцев сейчас башлял Халилову за организацию похорон, а коммерс часть из этих денег снова отмакает Клычу. Замкнутый процесс у Клыча налажен. И пока безотходный.

В барсетке залился полифонией телефон. Звонила жена.

– Да, зая, – с приятнью откликнулся Димка.

Жена поинтересовалась, когда он вернется. Она волновалась. У ребенка поднялась температура до тридцати семи и трех, малыш капризничал. На щёчках у него появилась красная сыпь. Она не одобряла решения мужа уезжать на ночь к маме, маленькому переезд на пользу не пойдет. У мамы в квартире холодно, топят плохо.

– К пяти точно буду, зая. Все решим. Целую! – Смоленцев нажал «отбой».

Наашка у него – золото высшей пробы. Другая баба в такой ситуации закатила бы истерику, а его супружница разговаривала вполне адекватно. Нет, нервяк, конечно, всё равно замечен, но другие бы на ее месте, у-у-у...

Мобильник в руке снова завибрировал, готовясь зазвонить. На дисплее высветилось: «Сергеа».

– Слушаю, брат! – Димка поднес телефон к уху.

– Братан, как делищи? – судя по залихватской интонации, Рубайло не остановился на выпитом с утра.

– Забираю пацанов из морга.

– Ты молодчик у нас. Нужно пересечься на нейтрале.

– Брат, пока некогда. Пацанов по домам надо развозить. И еще с поминками увязывать. – Смоленцев, предвидя лишние заморочки, не собирался соглашаться.

– Пять минут, брат. Скажи куда подъехать.

Димка беззвучно выматерился. Не помогаете, черти, так не мешайте хоть.

– Развезу пацанов и прозвонюсь.

– Ну ладно, подожду, – «перетрудившийся» Рубайло как бы делал ему одолжение.

Смоленцев отключился и от души выругался вслух.

Сотовый вновь бодро запел «На поле танки грохотали».

«Как прорвало!»

На сей раз звонил Валера Жидких. Димка подумал, что сейчас и Валера начнет выспрашивать подробности, советы умные давать. Легко советовать, когда укатил за тридевять земель в Ярославль. Но оказалось, что Валерка, узнав о смерти парней, переночевал в Ярославле, а с утра раннего полетел обратно в Острог. Сейчас он въезжал в город со стороны Терентьево. Договорились, что Димка дождется его возле морга.

За телефонными переговорами Смоленцев не заметил, как халиловские «хароновцы» перенесли гробы с телами убитых в кузов «Газели», установили их там и закрыли сзади тент.

– Мы готовы. – Выражение лица у Марка было привычно скорбящее, но собранное.

– Поезжай сначала на Чехова, семь дробь три. Знаешь там кирпичную девятиэтажку? Отвезешь Петруху.

– Синий гроб, – понимающе кивнул Халилов. – Меня встретят?

– Я позвоню сейчас его дядьке. Потом рули на Фигнера, шесть, четвертый подъезд. Подождешь меня там. Я скоро буду.

– Сподручней сперва на Фигнера заехать, чтобы по городу зря не крутиться.

– Марк, – укоризненно сказал Смоленцев, – сначала – на Чехова.

– Понял, – Халилов повторил свой фирменный жест, приложил руку к груди, склонил голову, волосы упали ему на лоб.

«Газель» развернулась и, попукивая сизым дымком из выхлопной трубы, уехала. Димка подошел к своему «Форду Мондео», который, паркуясь, загнал правой стороной на заснеженный газон. В машине его дождалась Света Зябликова.

– Ты как? – спросил Смоленцев, усаживаясь на водительском сиденье. – Не замерзла? Может, печку посильнее включить?

– Не-а, – хриловато отозвалась Света.

Она выглядела отрешенной, то и дело тягуче позевывала. Димка понял, что двух таблеток феназепамы ей оказалось лишку, хватило бы и одной. Привстав и изогнувшись, достал с заднего сиденья пластиковую бутылку минералки, отвернул крышку, сделал два глотка. Сильно хотелось есть. И было с чего – как в одиннадцать утра сжевал бутерброд, так и все, больше в топку не подкидывал.

– Хочешь воды? – Смоленцев протянул Свете минералку.

Женщина взяла бутылку обеими руками, припала к горлышку, жадно забулькала. Хрустнул крепко сжатый пластик.

Димка спохватился, что надо выдать звонок Петрухиному дядьке, проинструктировать его, чтобы ладью «Харона» встречал возле подъезда.

Валера Жидких подъехал минут через пятнадцать. Его «девятка» была захлюстана грязью по самую крышу. Смоленцев вышел навстречу приятелю. Валера вылезал из машины за несколько приемов, кряхтел, долгая дорога его утомила.

Парни обнялись, Димка ткнулся здоровяку Жидких носом в каменное плечо. Куртка у того была наглухо прокурена.

– Как доехал?

– Под Балашихой час в пробке проторчал. Все из Москвы ломаются. – Жидких подпер ладонями поясницу, начал делать плечами вращательные движения.

– Как трасса?

– Где как. Реагента до хера сыплют, каша. Видал, какой я козырный, – Валера ткнул пальцем себе за плечо, указывая на грязную «девятку». – Ну чего, Димон, обскажи вкратце ситуювину.

Смоленцев начал повествование. Экономя время, Жидких пару раз его останавливал.

– Это я знаю... Это потом...

Он крайне заинтересовался тем, что Света Зябликова ночью в ментовке встретила Рога.

– Попутать она не могла?

– Да нет. Он у них на свадьбе гулял. Описывает его один в один. Здоровый, белобрысый. Зовут Олег, – Смоленцев намеренно делал акцент на присутствие Рожнова в милиции сразу после обнаружения трупов.

Валерка повёлся, он был в контрах с Рогом из-за одной продавщицы.

– Он на крючке у ментов! Под следствием ходит, – нужный вывод Жидких сделал сам.

Димка подлил в огонь масла:

– Просто так на подписку с трех статей не соскакивают. Тем более одна – вымогалово. Судимый к тому же!

Жидких посмурнел, видно было, что его проняло не на шутку.

Вернулись к организационным вопросам. Димкину работу Валера оценил.

– Грамотно. Чего говоришь, с поминками неувязки?

– Надо доскочить до «Лады». Перетереть там с заведующей.

– Я сделаю! – Жидких вжикнул молнией на куртке-«аляске», накинул на голову отороченный искусственным мехом капюшон. – Холодно, зараза. На сколько кувертов заказывать?

– Ну думаю, полста хватит.

– Так вы отдельные поминки, что ли, забились устраивать? – удивился Валера.

– Петькина родня сказала, что они отдельно будут поминать.

– Хозяин – барин, – согласился Валера. – Полста, так полста. Столы поставят буквой «гэ». Это ж поминки, не свадьба. Для плясок места не потребуется.

– Там аванс вносить надо, – напомнил Смоленцев.

– Какие проблемы? Внесу, – Жидких хлопнул себя по карману.

Димка про себя порадовался, что хоть один вменяемый объявился.

– А где Серёга? Славян где? – спохватился Валера.

Смоленцев сделал кислое лицо и рассказал. Речь его на две трети состояла из ненормативной лексики.

– Серёга всегда с башкой не дружил, а теперь и Славку в блудняк втянул. – Жидких крепко хлопнул Димку по плечу. – Прорвёмся, брат. Сейчас главное – пацанов по-людски похоронить. Все разборки потом. На Серёгу забей. Я ему все объясню, чтоб у тебя в ногах он не путался. Ну чё? Погнали наши городских?!

– Спасибо, Валер, – искренне сказал Смоленцев.

16

31 декабря 1999 года. Пятница.

15.45 час. – 17.00 час.

Предновогоднее дежурство проходило в целом спокойно. Кроме утренней попытки насильственных действий сексуального характера на улице Абельмана, кражи из дома-дачи в удаленном поселке Восход, зарегистрировали еще грабеж в парке экскаваторостроителей. Гопник, по виду малолетка, вырвал у пожилой женщины пакет с продуктами и скрылся. Остальные поступившие сообщения были мелочевкой.

Маштакова по грабежу не задействовали, там работал Калёнов. Воспользовавшись передышкой, Миха уединился в кабинете и спокойно отписал результаты своей деятельности по озабоченному Деду Морозу, по объезду адресов членов ОПГ и по выезду на улицу Покрышкина. В группе по раскрытию тяжких преступлений, у единственных в розыске, кроме девочек, занимавшихся аналитикой, имелся в пользовании персональный компьютер. Морально устаревший, допотопный, но вполне рабочий. Компьютер к ним прибрлудился больше года назад. У группы крадунов, выставившей два десятка хат, среди множества другого имущества при обысках изъяли старенький системник, неказистый, с выпуклым экраном монитор и чуть живой матричный принтер. Данные предметы компьютерной роскоши не значились заявленными как украденные ни по одному из уголовных дел. Скорее всего, жулики взяли их в другом городе, квартирные кражи и кражи из офисов редко остаются латентными. Титов, проявив свойственную ему смекалку, пробил у начальства бесхозную оргтехнику на свою группу. Знакомый компьютерщик привёл аппаратуру в порядок, оперативники сбросились на необходимую периферию и расходники.

Маштаков, следовательно в недалеком прошлом, сразу оценил преимущества обретенной чудо-техники. Конечно, объем письменной работы оперативника не идет ни в какое сравнение со следователем, но все равно и оперу строчить приходится изрядно. Планы оперативно-розыскных мероприятий, объяснения, отказные постановления, заключения служебных проверок на самих себя... А с помощью компьютера объем рутинной, механической работы можно было сократить без преувеличения в сто раз. Вот и сейчас, используя старые файлы аналогичного содержания, Миха быстро накатал несколько развернутых справок. По части словесности в территориальном уголовном розыске ему точно не имелось равных.

Закончив с документированием, он включил чайник. Дожидаясь пока агрегат закипит, позвонил домой. Татьяна разговаривала с ним сдержанно и односложно. Очевидно в том, что главный семейный праздник ей снова предстояло встречать в отсутствие законного супруга, она усматривала очередную обиду. Ведь прошлый Новый год Миха проспал в пьяном отрубе. Тридцать первого числа они с Сашей Веткиным решили отметить наступавшее торжество сдержанно, с одним шампанским, как это присуще интеллигентным людям. Начали у Саши в прокуратуре, закончили дома у Маштаковых, часов уже в восемь вечера. Количество приобретенных и выпитых ими бутылок шаманского, в большинстве дрянного качества, отдававшего брагой, подсчету не поддавалось. Проснувшись около трех часов ночи, на диване, в рубашке и носках, но без брюк и трусов, с дикой головной болью, Миха тщетно пытался вспомнить, в какой момент он угомонился. Полежав бревном, констатировал, что выздоровление само по себе не наступает. Выдернув из вывернутых наизнанку брюк трусы, натянул их и, шатаясь, побрел на кухню. В холодильнике обнаружилась нетронутая бутылка водки. Он осторожно опохмелился...

Последовавший за этим бойкот со стороны жены продолжался не менее десяти суток.

Но ведь в этом году Татьяна позвала в гости Михину сестру Свету с мужем и сынишкой. Не должно им быть скучно.

С сестрой у Маштакова, кстати, тоже никак не восстанавливались нормальные отношения. Светлана дулась на брата из-за того, что он втянул её мужа в официальное разбирательство по поводу случившегося с ним ДТП. В сентябре белым днем на улице Ворошилова зятя Женьку сподобило въехать на своем ведре в навороченную «аудиоху» не кого-нибудь, а Рога. В столкновении на сто процентов виновен был Рожнов, вывернувший с второстепенной на главную. Но он с ходу наехал на Женьку, навесил ему леща, отобрал документы на машину и велел в течение суток принести две тысячи долларов США в счёт возмещения ущерба. И ведь тогда Света сама адреснулась к братцу за помощью. Титов, узнав, кто наплыл на Михино зятя, загорелся на этом экспромте посадить Рога. Маштаков, предвидя проблемы, возражал, но Тит его уговорил. Евгений написал заявление о вымогательстве, заявке дали ход. Столько событий с тех пор свалилось, полдня надо рассказывать. Но плёнку назад не открутишь. И хотя никаких поползновений в сторону потерпевшего и его семьи находившийся под следствием Рожнов не сделал, Света в свойственной ей манере днём и ночью переживала за случившееся. Своих страданий для неё было достаточным, чтобы считать виноватым брата в образовавшейся проблеме. В качестве главного довода она приводила: «Миша, ты не предупредил, что это такой страшный бандит. Лучше бы мы отдали ему деньги».

Убеждать её в обратном было бесполезно.

Равно как не имело смысла делиться с Татьяной своими служебными бедами и тревогами. Она была запрограммирована на то, что муж ходит на работу лишь для того, чтобы пьянствовать и распутничать.

С другой стороны, Миха не раз ловил себя на мысли, что ведь и ему по барабану ее учительские заморочки.

Напомнив жене, чтобы она постаралась как можно незаметней положить под елочку подарок девочкам и пообещав по возможности позвонить сразу после боя курантов, чтобы узнать о реакции детей на приставку «Сони плейстейшн», которую принес им добрый Дедушка Мороз, Миха положил трубку.

В пластмассовом китайском чайнике забурлил кипяток, издавая гневливые звуки. Попив чаю с овсяным печеньем, Маштаков спустился в дежурную часть, чтобы сдать написанные справки.

Атмосферу в дежурке он обнаружил накалённую. Медведев сидел, отвернувшись от пульта, широко расставив колени и упершись в них кулаками. Перед ним в углу возле елки стояли следователь Озеров и эксперт Николаев.

С выезда в район они вернулись хорошо на кочерге. Комбатанты из терентьевского ПОМа⁵⁷ устроили им радушный новогодний прием. Помовцам бояться было нечего, они остались в своих бескрайних, засыпанных белом снегом угодьях, а легкомысленно залившие в себя по поллитра самогонки Озеров и Николаев двинулись в родное УВД. В дороге их протрясло, и они расплылись еще больше, в особенности Николаев.

Не находя больше сил стоять, эксперт уселся на свой большой пластмассовый чемодан, подпер подбородок рукой, смежил веки и пустил из уголка рта струйку слюны.

Озеров, обладавший куда большей толерантностью к спиртному, держался крепче. Его, однако, подводили застекленевшие глаза и смазанная дикция. Как минимум треть букв из алфавита он перестал выговаривать, преимущественно гласные.

– Смвличски, Никлаич, – как маленькому, растолковывал дежурному.

Маштаков остановился в дверях.

Дежурный, привычный к быстрому отысканию оптимальных решений, выработал алгоритм действий.

⁵⁷ ПОМ – поселковое отделение милиции.

– Ты, – он щелкнул пальцами перед носом у Николаева, эксперт вздрогнул, взгляд его на мгновение приобрел осмысленность. – Пинай в свое ЭКО, запишись там, с понтом фотки с осмотров печатаешь. Не открывай никому. Поспи сколько успеешь, пока не понадобится.

Эксперт сам не проникся серьезностью момента, на третий этаж его повёл помдеж, он же нёс тяжёлый чемодан.

– Ты, – указательный палец Медведева упёрся во вторую сверху пуговицу Озерова. – Вали к себе в кабинет, дверь на ключ и тоже постарайся покемарить. Коростылёву я скажу, что тебя домой на обед отпустил. Понял?

– Да я нрмальный, – заупрямился Озеров.

– Сейчас я тебя к наркологу на освидетельствование свожу, посмотрим, какой ты, – начальник дежурной смены набычился. – Заначки нет у тебя?!

Он вскочил с крутящегося кресла, снизу вверх охлопал Озерова по карманам бушлата.

– Н-нет, – тоном оскорбленного праведника ответил следователь.

– А в кабинете? – На его интонацию Медведев не обратил внимания. – Сам дойдешь?

Озеров, напрягшись, буратиной походкой покинул дежурную часть.

– Мне на них, долболомов, насрать! Хотят, чтоб их выкинули, как ссанный матрас – флаг им в руки! Но ведь меня, Николаич, накажут с ними вместе! А на мне и без того выговорешник висит! У меня и так все надбавки покоцаны.

За многие годы Маштаков впервые наблюдал за Медведевым такое буйство эмоций.

Прогнусавил зуммер телефона, дежурный подхватил трубку, сразу сказал: «Понял!», встал с кресла, одернул китель.

– Берия возвращается, – подмигнул он Михе.

«Часовой с КПП предупредил», – решил несложную задачку оперативник.

Спустя минуту в дежурную часть стремительно ворвался полковник Коростылёв. Медведев доложил коротко: возбуждены два уголовных дела, счет ноль – два.

Коростылёв формально кивнул, раскрываемость его не волновала, в отсутствие начальника УВД изображать обеспокоенность тем, что преступления по горячим следам раскрыть не удалось, не имело смысла. Его насторожило другое. Принюхиваясь, он задержал бдительный взгляд на Маштакове.

Миха сразу сделал шаг вперед и демонстративно выдохнул в сторону кадровика.

– Трезвый, пустой и без денег, товарищ полковник!

Коростылёв посчитал ниже собственного достоинства реагировать на клоунскую реплику. Сделав рукой движение, разгоняющее дым, он потребовал от начальника дежурной смены:

– Проветрите помещение, Владимир Николаевич.

– Нам бы кондиционер сюда, – мечтательно сказал Медведев.

Не так давно, следуя приказу из министерства, окна в дежурной части на случай нападения террористов оборудовали ставнями из толстого листового железа с узкими прорезями амбразур. Ставни всегда находились в закрытом состоянии. С тех пор открыть створку окна или даже форточку стало невозможным. Кроме того, круглые сутки дежурной смене приходилось сидеть с включённым искусственным освещением.

– Я у себя, – сообщил Коростылёв и снова переключился на оперативника. – Чем занимаетесь, Маштаков?

– Вот справки принёс, – Михе взмахнул листами бумаги. – Сейчас доложу начальнику дежурной смены о проделанной работе по преступлениям. Получу дальнейшие указания.

– Ну-ну, – придаться было не к чему, Коростылёв покивал головой в солидной каракулевой шапке.

Уходя, он еще раз настоятельно порекомендовал Медведеву проветрить комнату.

Маштаков отметил, что по какой-то причине полковник не напомнил ему о необходимости зайти с тетрадью для индивидуальной подготовки.

«Забыть не мог, он, сука, забывчивый. Значит, просто не захотел. Нет, так нет. Напрашиваться не буду».

Дежурный прошел в коридорчик, ведущий из его комнаты в помещение для отдыха, приоткрыл форточку.

Миха сдал справки, пояснив, что к чему. Медведев рассортировал бумаги и подколол их к нужным сообщениям.

– Владимир Николаевич! – в смежной комнате, отделенной стеклом, подскочил крепыш помдеж. – Область тебя по двойному убийству требует.

Майор подмигнул Маштакову, взял его справку, после чего поднял трубку. Работа по проверке членов территориальных ОПГ велась, результатов не имелось, но доложить было о чём.

Миха вернулся к себе в кабинет. Разулся, вытянул под столом ноги, закурил. Решив проверить, как там Саша Веткин, дружок его закадычный поживает, подвинул к себе телефон.

– Отдыхаю помаленьку, – вяловато ответил Саша. – А ты на боевом посту?

– Надо ж кому-то ваш покой охранять. Слышал, какое убийство вчера было? Двойной огнестрел!

– Краем уха. Кораблёв бегал с утра по кабинетам с выпученными глазами.

– Как он в новой ипостаси?

– Старается мальчишка. Попу рвет.

Саша Веткин в Острожской межрайонной прокуратуре был самым опытным сотрудником. В истекавшем году с учетом срочной службы на флоте и обучения на дневном в универе, он получил право на минимальную прокурорскую пенсию. В последние месяцы его любимой темой стал скорый уход на заслуженный отдых.

Маштаков горячо отговаривал приятеля, спрашивал: «Чем ты, Саша, будешь заниматься на пенсии?». Тот отвечал кратко: «Жить». На следующий вопрос, кто же будет работать в прокуратуре, следовал аналогично лапидарный ответ: «Профессионалы».

Равных Веткину по части поддержания государственного обвинения в Остроге не имелось. С учетом двенадцатилетнего прокурорского стажа, разносторонней эрудиции и хорошо подвешенного языка его ставили в наиболее сложные дела против самых зубастых адвокатов. Немаловажным было, что с его мнением считалось большинство городских судей, он умел расположить человека к себе. В том, что Белецкая не решилась оправдать Клыча по «двести двадцать восьмой» статье за сбыт наркотиков, Санькина заслуга была процентов на пятьдесят, не меньше.

Веткин был начисто лишен карьерных амбиций. В своё время он категорически отказался от нескольких настойчивых предложений на должность заместителя прокурора. Объяснял, что не рожден начальником. В конце концов, уполномоченные на то люди, поняв бессмысленность траты времени на уговоры, прекратили предлагать ему повышение. В то же время, бывший межрайонный прокурор Данилов, ценивший Сашины мозги, порядочность и работоспособность, добился присвоения ему классного чина «советника юстиции» в порядке поощрения. Это было сверх потолка, – по штатному расписанию старший помощник прокурора, в должности которого состоял Веткин, не мог подняться выше «младшего советника».

С женою Саша развелся пять лет назад, платил алименты на дочь. Потом не менее полутора лет жил с гинекологом Кржеминской, с которой познакомился на концерте Бориса Гребенщикова. Эта самая Вера Ипполитовна на дух не переносила Маштакова, считала, что тот спаивает ее гражданского мужа. Позже, когда Вера Ипполитовна предъявила на Веткина слишком большие права и решила взвалить на его плечи чрезмерные обязанности в виде обязатель-

ного ежедневного ношения костюма и галстука, Саша прозрел. Кржеминская, хлопнув дверью, ушла из его жизни. Сейчас он почти год обитал один.

За это время он добился заметных успехов на алкогольном поприще. Наконец-то понял прелесть употребления водки под пиво. Освоил творческую радость сознательного похмелья, мог провалиться в загул на несколько дней. Потом, правда, уходил в решительную завязку до ста и более дней.

Сегодняшний статус приятеля Михе был неведом.

– Как праздник собираешься встречать? – толкнул он пробный шар.

– Никак. Спать лягу в десять часов, – Веткин позевывал.

– Как спать? Новый год же?

– А почему в Новый год обязательно надо не спать? Почему надо непременно пьянствовать? Вокруг елки хоровод водить? Вот я тут в «Аргументах и фактах» прочитал. У Невзорова спрашивают, как он Новый год отмечает...

– У какого Невзорова?

– У Александра Глебыча, который «600 секунд» вел. Так вот он отвечает, что всегда тридцать первого декабря вовремя ложится и всю ночь спит. Утром встает со свежей головой и делами занимается. А остальные продирают глаза в лучшем случае к обеду, похмеляются и напрочь теряют день. А в году их всего триста шестьдесят пять.

– Думаешь, правду Глебыч говорит? – усомнился Маштаков. – Может, просто хочет показать, что он не такой как все?

– Допускаю, но мысль его мне понравилась.

– Все-таки Новый год не обычный, не рядовой, – искал аргументы Михе. – Новое тысячелетие. Этот, как его, миллениум.

Саша снисходительно рассмеялся:

– Дядя Миша, мне даже неловко от тебя такие смешные вещи слышать. Какой миллениум? Ты серьезно считаешь, что сегодня ночью новое тысячелетие начнется?

– А когда же?

– Через год.

– Как через год? – опешил Маштаков.

– Очень просто. Век – это сто лет. Так? Так. Нулевой год был разве? Не был. Отсчет по григорианскому календарю начался с первого года. Каждый век завершается, когда проходит полных сто лет. Первый век начался с первого года, закончился сто первым. Каждый сотый год – это последний год уходящего века. Следовательно, последним днём двадцатого века будет тридцать первое декабря двухтысячного года. С первого января две тысячи первого года начнется двадцать первый век и третье тысячелетие от рождества Христова. Всё просто, как дважды два.

– Почему же все говорят, что сегодня ночью начнется новое тысячелетие? – недоверчиво спросил Михе.

– Дураки потому что.

– Постой, ты это вычитал где-то или сам придумал?

– А чего тут читать? Тут и без чтения все ясно. У тебя на первом курсе по логике какая оценка была?

– Отлично.

– Чего тогда я тебе объясняю? Пройди сам по логической цепочке. Ну ладно, дядь Миш, у меня тут дела.

Озадаченный Маштаков стал размышлять над выведенной Сашей формулой. Она выглядела предельно понятной, но что-то в ней настораживало. Михе, не торопясь, выкурил еще одну сигарету, и тут его осенило.

Человек когда переходит из тридцатилетних в сорокалетние? Когда ему круглая дата стукнет, тридцать! Тридцать это достигнутый рубеж. Так почему же наступление двухтысячного года – не рубеж? Почему – не переход в новое тысячелетие?

Он схватился за трубку и стал азартно накручивать диск. Дискуссию продолжить не удалось, домашний телефон Веткина сначала долго был занят, потом стал откликаться долгими унылыми гудками.

17

31 декабря 1999 года. Пятница.

17.00 час. – 18.00 час.

В кафе «Лада» Валера Жидких очаровал заведующую Жанну Витольдовну, перезрелую, но отчаянно молодящуюся тётю пятидесяти двух лет. Через десять минут разговора за чашкой молотого бразильского кофе и сигаретой Жанна Витольдовна была готова на гораздо большее, чем просто организация поминального обеда, пусть и в проблемную дату второго января. Жанна Витольдовна цепенела от вида грубых, спортивных, мосластых парней в пределах тридцатника. На секунду она представила, что могут вытворять такие самцы в постели, и обмерла.

Валера видел – откормленная деликатесами заведующая банально голодна. Он разговаривал с напористой хрипотцой, к случаю рассказал неприличный анекдот, выслушав который, Жанна Витольдовна сделала вид, будто смутилась. Разглядывая её униженные перстнями и кольцами пухлые руки, второй и третьей подбородки, сложенные в сиреневое сердечко губы и шелковистые голубоватые локоны парика, Валера подтрунивал над своим секундным желанием.

«Как это называется, когда старых трахают?»

Составление меню Жидких полностью отдал на откуп Жанне Витольдовне. Заплатил аванс, который заведующая тщательно пересчитала. Над одной сотней, склеенной полосочкой скотча, она задумалась, в сомнении повертела в руках, но потом взглянула Валере в мужественное лицо, вздохнула и положила в стопку принятых банкнот.

В придачу к служебному Жанна Витольдовна сообщила клиенту и домашний телефон. Жидких отговорился, что пока, к сожалению, ни стационарным, ни мобильным не обзавёлся, но позвонить пообещал. При возможности.

Расстались тепло, заведующая просила почаще заглядывать к ним в кафе, где после ремонта стало так уютно. Мурлыкнула: «У нас новый повар, очень квалифицированный». Валера поблагодарил за радушный прием.

Подъезжая к центру, он сказал себе, что не стоит пренебрегать любезной Жанной Витольдовной. Живет она наверняка одна, укромная, никому неизвестная лёжка в городе не мешает, жизнь – штука извилистая.

Теперь предстоял разговор с Рубайло. Ещё по пути от морга к кафе Жидких отзвонился ему по сотовому, объяснил, чтобы тот не мешал Димке Смоленцеву вопросы решать. Серега настоял на личной встрече, чтобы темку одну перетереть.

Вот и пробирался сейчас Валера, буксуя в расквашенной снежной колее, в частный сектор по «шестерке», на улицу Шевченко.

У Сереги был новый адрес, новая подруга. Вернее, в адресе обнаружилась целая компания: парни, девки, все незнакомые. Жидких заходить в дом отказался, Рубайло вышел налегке, в модной шелковой рубашке и джинсах, залез в машину.

– Заходи, брат, чё ты, пожрёшь по-человечески, выпьешь, – обняв и хлопнув кореша по спине, предложил Серега.

– Что за туса?

– А-а-а, все ништяк. Девчонки из парикмахерской. Я с одной кружу вторую неделю. Пара пацанов, лошки. О, между прочим, одна телка без парня!

– Не из «Локона» парикмахерши? – Валера быстро сунул в рот сигарету, пальцем утопил кнопку прикуривателя.

– А?! – Рубайло напрягся от непонятки, но въехал. – Не, не из «Локона». А чё, брат, по приколу – из «Локона» зацепить? Глядишь, разнюхали бы чего-нибудь про друга Вову.

– Славян с тобой?

– Куда он без меня? Он там такую блондинку закадрил. Фотомодель!

– Не стремаетесь кружить в открытую?

– А чего стрематься? Новый год! – Серега куражился, в нём крепкий градус играл. – Мы, чай, не в розыске. Пока, ха-ха.

Жидких знал, что в ноябре Рубайло с Пандусом в серебряковском районе по наводке местных нахлобучили почтальона, развозившего по деревням пенсию. Разбили тетке голову молотком и взяли почти тридцать штук деревянными. Серебряковский район, конечно, не ближний свет, но не на Луне однако. Это групповой, вооружённый разбой, – по разбоям менты долго копать не перестают. Правда, парни утверждали, что заделали всё чисто, нигде не запалились, работали в масках.

Судя по тому, что сейчас они сидели на мели, бабки они проплясали с весёлыми парикмахершами. Значит, скоро новую делюгу запланируют. Но эта дорожка короткая, тупиковая, примут их и посадят надолго.

– Чё Димон затихарился? – Рубайло тоже закурил. – Деловой, что ли, стал? Бизнесмен, эти его нюх.

– Он похоронами занимается.

– И чё с того? Он лаве до хера поднял, пока мы чалились. В падлу ему со мной потележить пять минут? Щас я ему объясню.

Серёга полез в карман за мобильником.

– Завязывай! – Жидких перехватил его за кисть, слегка подломил.

Рубайло возмущенно вскинул глаза и осекся. Валера уставился на него пристальным взглядом, ноздри у него подрагивали. У Сереги в мозгу мелькнуло, что так же вот Валерка ноздри раздувал десять лет назад на Текстильщике, прежде чем за нож схватиться и двух урок искромсать в лохмотья. Менты этих мертвяков на Мишку Калинина списали, который до сих пор в бегах числится. Да разве бегают кто по десять лет?

– Отпусти! – Рубайло освободился от захвата, телефон оставил в кармане, более того, застегнул на нём молнию.

– Давай по делу, – предложил Жидких. – Чего вы задумали? Какой фейерверк?

– И это слил, – глумливая Серегина улыбочка не обещала Смоленцеву в будущем хорошего.

– Не ментам же, мне.

– Ещё бы ментам! Не будет сегодня фейерверка, отменяется!

– Чего так?

Рубайло с силой вдавил окурок в переполненную пепельницу, с трудом закрыл ее. Посмотрел на кореша с сомнением: а кореш ли он? Но алкоголь ослабил тормоза, и Серёга не сумел удержаться от бахвальства.

– Чел один приезжал сегодня, москвич. Реально серьезный чел, положенец от вора. Это он подписал Петруху с Ромкой на тему с рынком. Он сказал, чтобы мы не возникали пока. Они сами с крысы этой кудрявой по понятиям спросят.

– Как на тебя москвич вышел? – Валера задал вопрос и сразу понял, что он неуместен.

Рубайло в ответ только осклабился. Повернул на себя зеркало заднего вида, глянул не нарушилась ли прическа, щедро смоченная закрепляющим гелем.

– Теперь мы со Славяном будем эту тему разруливать, – в его голосе сквозила гордость. – Меня смотрящим за рынком поставили.

Против его ожиданий, Жидких отреагировал спокойно: «Тебя так тебя».

– Крыса наша кудрявая с утра со всем выводком куда-то укатила, – злорадно сказал Рубайло.

– У него одна дорога – в Нижний, к Барону, заступничества искать.

– Побежали крысы, побежали, – Серёга ёрзал. – Бл*дь, тогда может в окошко ему гранату захерачить?

– Тебе положенец сказал не возникать до отмашки. В организации на первом месте – дисциплина.

– А откуда он узнает, что это я?

– Действительно, откуда? – Жидких пристально посмотрел на Рубайло, который ловко вертел в пальцах коробочку «Мальборо». – От меня не утечёт.

Серёга в школе дважды оставался на второй год: в шестом и восьмом классах. Аттестат о неполном среднем образовании получил со скрипом. После восьми классов пошел в «тэуху»⁵⁸, в самую шпанскую, пятнадцатую, где можно было неделями на занятиях не появляться. Получил диплом каменщика второго разряда. Его спортивные достижения были более весомыми, он выступал на республиканских первенствах среди юношей старшего возраста, выполнил норматив кандидата в мастера спорта в весовой категории пятьдесят два килограмма. Дальнейшей спортивной карьере помешали перестройка и отсутствие мотивации.

«Только конченный дебил будет радоваться тому, что его ставят на место, на котором вчера предшественнику отстрелили башку», – думал Валера, глядя в сияющую физиономию бывшего подельника.

Жидких не стал интересоваться подробностями: какая схема, чего за положенец такой, чего за вор. Меньше знаешь, дольше живешь.

– Где справлять будешь? – как бы невзначай спросил Рубайло.

– Хм, в Ярославле собирался. А вышел облом-с, – развел руками Валера. – Пройдусь по старым связям. Может, к Маринке получится.

– Привет ей.

– Обязательно.

На самом деле Жидких решил, что поставит машину на платную стоянку у торгового центра и пойдет к своим старикам. Нужно было как следует выспаться.

⁵⁸ «Тэуха» – техническое училище.

18

31 декабря 1999 года. Пятница\01 января 2000 года. Суббота.

23.45 час. – 02.00 час.

Без четверти двенадцать Маштаков спустился в дежурку, где имелся телевизор. Не сговариваясь, по одному сюда стянулась вся следственно-оперативная группа, за исключением эксперта Николаева, который до сих пор, закрывшись на ключ в своей биндейке, как бы без устали печатал фотографии. Отсутствовал также ответственный от руководства. Полковник милиции Коростылёв принципиально избегал ситуаций, способных сократить дистанцию между начальником и подчиненными.

Следователь Озеров, вылитый второгодник с последней парты: лопухий, ненадолго притихший, после того как нашкодил и попался, усиленно жевал жвачку. Медведев, прежде чем допустить на вверенную ему территорию Озерова, внимательно осмотрел залётчика. Фейс-контроль следователю удалось пройти, времени оказалось достаточно, чтобы протрезветь.

– Чего ты какой бледный? – Медведев всё же нашел к чему придраться.

– Ничего не бледный, – ответил Озеров.

В его голосе просквозили первые после недолгого смирения дерзкие нотки.

– Тише, тише! – зашикали на них все. – Президент выступает.

Выступал не Президент, а исполнявший его обязанности, худощавый с бесстрастным лицом малознакомый телеаудитории мужчина, объявленный преемником. Он стоял в одном костюме на фоне красиво подсвеченного зимнего Кремля. В отличие от предшественника бокала с шампанским в руке у него не имелось. Он выглядел немного смущённым и говорил отрывистыми фразами.

– Сегодня, в новогоднюю ночь я, как и вы с родными и друзьями, собирался выслушать слова приветствия Президента России Бориса Николаевича Ельцина. Но вышло иначе. Сегодня первый Президент России принял решение уйти в отставку. Он просил меня обратиться к стране. Дорогие россияне, дорогие соотечественники! Сегодня на меня возложена обязанность главы государства. Через три месяца состоятся выборы Президента России...

В конце короткого выступления и.о. Президента высказал пожелания, чтобы у всех дорогих ему россиян исполнились мечты. Себе, надо понимать, он пожелал одержать победу в предстоящих честных демократических выборах.

Маштаков ждал, когда главный человек в государстве скажет, что через несколько минут начинается новое тысячелетие. Подобный авторитетный довод Саша Веткин не смог бы опровергнуть. Но выступающий данного вопроса, несмотря на всю его актуальность, не затронул, и это заронило в Михиной душе определённые сомнения насчет правильности собственной позиции.

Под бой курантов дежурный Медведев открутил крышку с большой бутылки «Кока-колы» и стал наливать в пластиковые стаканчики, выставленные на освобожденный от бумаг пульт. Газированная кола сердито шипела.

– Налетайте!

Миха, дотянувшись, взял один стаканчик, заглянул в него. Пузырившаяся жидкость имела тёмно-коричневый цвет.

В голове промелькнула мысль, что последние двадцать лет он не праздновал Новый год без спиртного. И сразу поправил себя: «А ведь ты врёшь, Василий Иванович⁵⁹, восемьдесят четвертый год в Свердловске встречал насухую, вспомни-ка».

⁵⁹ «А ведь ты врёшь, Василий Иванович» – цитата из кинофильма «Чапаев».

Тогда ему, молодому сержанту, недавно прибывшему в войска из учебки, спиртное не положено было по сроку службы. Ту новогоднюю ночь он простоял на тумбочке в качестве бессменного дневального по батарее. Полуголодный с разбитой, сильно кровоточившей губой.

«Пусть этот год будет не похожим на предыдущие», – пожелал себе Маштаков и стукнул стаканчиком по аналогичной одноразовой ёмкости, протянутой к нему лучезарно улыбавшейся дознавательницей Семеркиной.

Следователь Озеров отхлебнул крайне осторожно и скорчил гримасу отвращения:

– Неужели нельзя на всех бутылочку шампузика чисто символически раскатать? Детям и то на Новый год разрешают.

Проглотив синтетическую на вкус колу, Миха смял стаканчик и с ним на пару покинул дежурку. Поднялся к себе на второй этаж.

Вот и наступил долгожданный двухтысячный год. Помнится, в детстве во дворе с мальчишками рассуждали про двухтысячный, казавшийся недостижимо далеким. Подсчитывали, сколько кому к тому времени исполнится лет. Десятилетний Миша ужасался: ему будет целых тридцать четыре года! А ведь многие парни из его двора не смогли дожить и до такого возраста. Маштакову в детстве, как и большинству пацанов, казалось, что он обязательно станет кем-то очень знаменитым на всю страну, если не на весь мир. И вот новое столетие, и вот ему полных тридцать четыре, а он заурядный опер провинциального уголовного розыска. Бесперспективный неудачник с издерганными нервами, пьющий, стоящий в одном шаге от развода.

Маштаков поочередно позвонил родителям и домой.

Мама, выслушав краткое поздравление, душевным голосом произнесла ответное, переполненное самыми наилучшими пожеланиями. Потом привычно стала сетовать: как же так получилось, что он снова работает, даже в такой праздник, что нужно, наконец, найти работу поспокойнее. Вот она прочитала в последнем «Уездном обозрении» – на хлебокомбинат требуется юрисконсульт. Миха мягко прервал мать под предлогом, что нельзя долго занимать служебную линию. Отец от телевизора к аппарату не подошел, ограничились поздравлениями через посредника.

Татьяна разговаривала доброжелательнее, чем в последний раз. Даша с Маришкой вырывали у нее трубку, наперебой спешили рассказать, какой подарок им под елку положил Дед Мороз.

– Папка, спасибо! – всю ликовала Дашка. – Какой ты хороший! Настоящая «Сони плейстейшн»! У меня!

– Про сестру не забывай! – вставил Маштаков. – Дед Мороз на двоих вам подарок принес.

Положив трубку на рычаг, промокнул рукавом заслезившиеся глаза. Уму непостижимо, каким он сделался сентиментальным. Говорят, сентиментальность присуща негодям.

Необычно оглушительно зазвенел телефон, Миха вздрогнул и схватил трубку.

– Слушаю вас.

– Дядя Миша! Ты на работе?! Я восхищаюсь тобой! – Саша Веткин был восторжен и, значит, изрядно хватя.

– Ты чего это, Устин Акимыч? Где ты так налился?⁶⁰ – спросил Маштаков.

– Чей-то налился? – оскорбился Саша. – Не налился, а выпил культурно, с соседями. Имею право? Или нет?

– Или да.

– Дядя Миша! Я серьезно восхищаюсь тобой. Ты наш Глеб Жеглов! Лева Гуров!⁶¹ Капитан Игумнов!⁶² Я сейчас всем рассказывал, какой у меня друг. Сколько ты преступников переловил! У-у-у!

⁶⁰ «Устин Акимыч! Где ты так налился?» – цитата из телефильма «Тени исчезают в полдень».

⁶¹ Лева Гуров – герой детективных романов Н. Леонова.

– Да ладно.

– О, ты вдобавок еще и скромный! Мы сейчас, дядь Миш, петарды ходили с народом взрывать на улицу. Это грандиозно! Знаешь, какие у меня петарды?

«Корсар»! Это бумм-м! «Мортира»! А ещё эта, «Черная смерть». Это вообще нечто! Я ее пластилином обмазал для усиления эффекта! Полсугроба снесло!

– А как же Александр Глебыч? – напомнил Маштаков.

– Врет он, что спит в Новый год. Все не спят, а один Глебыч спит? Выёживается он так! Ты видел, дядя Миша, нового Президента? Как он тебе? Ну?

– Галстук у него классный.

– Фиг с ним с галстуком, я удавки сроду не носил и носить не буду. У меня другой вопрос: чего ему, влом за русский народ стакан чачи поднять?

– У нас телефоны прослушиваются, Сань. – Миха не любил разговоры про политику и про инопланетян.

– Пусть прослушиваются, сейчас не тридцать седьмой год! Демократия! Я сейчас приеду к тебе, дядя Миша!

– Зачем?

– Посидим, накатим, поговорим как в старые времена. С кем ещё можно по-людски поговорить? Сейчас я такси только вызову.

– Саша не надо, ты выпил, а я дежурю, – увещевал приятеля Маштаков.

– Не имею права в праздник? – вновь ошетинился Веткин.

– Имеешь.

– Тогда проблема в чем? Жди! – В трубке зачастили короткие басовитые гудки.

Оставалось только надеяться на то, что Саша отвлечется на что-нибудь другое. Например, заглянет вновь к соседям, провозгласит там еще пару тостов и уснет. Или не сможет дозвониться до такси.

До часу Миха рассеяно размышлял о смысле жизни, прислушивался к внутренним ощущениям, курил. Кажется, даже задремал. Внутренний телефон заверещал как ненормальный. Опер подскочил со стула.

– Быстро собирайся на выезд, Николаич. У нас труп грудного ребенка, – сообщил Медведев.

«Этого еще не хватало!»

Маштаков накинул бушлат, криво нахлобучил на голову форменную шапку, сунул в один карман сигареты, в другой – блокнот. Минуту спустя он был в дежурке.

– Чего? Где?

– Машиностроителей, шесть дробь три. Граждане обнаружили у подъезда труп ребенка. Маленького, до года. Разбита голова. Информация вся, – начальник дежурной смены как раз докладывал находившемуся тут же Коростылёву.

Тот выглядел озабоченным, происшествие свалилось из категории резонансных. Теперь до сдачи дежурства область не слезет, будут без конца трясти, информацию требовать, результаты.

– Оперативник в наличии, – Медведев сосчитал Маштакова. – Эксперт спускается. Из убийщиков я до Сутулова дозвонился. Сейчас участкового местного подниму.

С недавних пор участковые инспекторы перестали заступать на суточные дежурства в следственно-оперативные группы. Наверху победило мнение, что главная задача участковых не раскрытие преступлений, а их профилактика. Теперь участковых поднимали по факту. В этом имелись как минусы, так и плюсы. Минусы – лишняя езда за сотрудниками, что при-

⁶² Капитан Игумнов – герой детективных повестей Л. Словина.

водило к затягиванию совместных мероприятий и перерасходу ГСМ, плюсы – почаще стали выезжать участковые с той земли, на которой происшествие произошло.

– Прокуратура, – напомнил Коростылёв.

Медведев повел указательным пальцем по списку, лежавшему под стеклом:

– Кто у них дежурит? Ага, вот... Максимов... Телефон вахты общежития экскаваторного завода...

– Судмедэксперта обязательно, – выдал новое наставление кадровик.

– С этим сложнее, – дежурный вздохнул и огладил русые усы, – тем более в праздник.

В дверь заглянул эксперт Николаев. Лицо у него было хмурым и опухшим, на щеке краснел вертикальный рубец.

– Я на улице буду ждать, – хрипло сказал он и удалился.

Коростылёв смотрел ему вслед настороженно.

Маштаков загадал: если Берия сейчас окликнет эксперта и начнет его крутить на пьянку, преступление, на которое они собираются выезжать, раскрыто не будет, и наоборот.

Зам по личному составу обернулся к дежурному:

– Я на своей поеду. Маштаков, вы со мной. Эксперта тоже заберем. Владимир Николаевич, посылайте дежурку по адресам, собирайте недостающих. Я с вами свяжусь с места происшествия, сообщу, нужно ли наращивать силы. Медэксперта из-под земли мне выньте.

– Слушаюсь, товарищ полковник! – Медведев усердно принялся накручивать телефонный диск.

За Коростылёвым была закреплена служебная «Волга ГАЗ-24», убитая, подлежащая списанию, зато чёрная. Двери ее ни с первого, ни со второго раза не закрывались. Михе, севшему на заднее сиденье слева, помог его дверку захлопнуть водитель Лёва, кудрявый, круглолицый, словоохотливый дядька. Николаев, взгромоздив на колени пластмассовый гроб-чемодан, устроился справа от оперативника. В ограниченном пространстве салона, в котором разместились четверо взрослых мужиков, доминирующим над остальными запахами сделался душливый запах перегара.

Лёва, дожидавшийся, пока прогреется двигатель, хохотнул, реагируя на быстро запотевшее изнутри лобовое стекло:

– Кто-то вчера хорошенько погулял.

Вытащив из бардачка чистую тряпку, водитель круговыми движениями принялся протирать стекло.

Сидевший на командирском месте Коростылёв обернулся, включил свет в салоне и стал пытливно разглядывать Маштакова с Николаевым. Михе показалось, что кончик носа у кадровика шевелится, как у пса, обнюхивающего след. Эксперт с опером напряглись.

Наконец, Лёва тронулся, «Волга» задрезжала.

Полковник, отворачиваясь, удрученно вздохнул:

– Одно и то же. Ничему вас жизнь не учит.

Ехали ночным новогодним городом. По тротуарам и проезжей части проспекта Ленина в обе стороны двигались веселые компании. «Волге» то и дело махали руками, пытаясь остановить.

– Таксисты сегодня совсем ополоумели, – сообщил Лёва, – по полтиннику дерут за поездку.

Ответной реплики ни от кого не последовало.

Водитель стал развивать тему сам:

– А куда людям деваться? В гости ехать надо, из гостей домой вертаться надо? Молодежь вон пешком гуляет, а постарше люди... Опять же хулиганья много на улице, одни пьяные. О, смотрите, Вячеслав Валерьяныч, салют!

Пригнувшись, Лёва пальцем указывал на расцветший в чёрном небе в районе площади трехсотлетия города диковинный цветок, фиолетовый с зелёным.

Панельную девятиэтажку под номером шесть дробь три по улице Машиностроителей пришлось поискать, она стояла в глубине дворов и таблички не имела.

– Понатыкали коробок этих невпопад, – возмутился Лёва, быстро вертя баранку, чтобы вписаться в проезд между типовыми домами. – Не люблю Машинку, как тут люди живут. Все, дальше не проедем, жители противотанковые заграждения вкопали.

Нужный подъезд определили по стоявшим возле него машинам «скорой помощи» и милиции.

В экипаже «пэпээс», первым подскочившем к месту происшествия, старшим был командир роты Швеллер. Худощавый, длиннорукий Швеллер, завидев приближавшегося Коростылёва, подтянулся, ребром ладони проверил, на месте ли находится кокарда шапки. Доклад его не занял и минуты.

Жители из тринадцатой квартиры в час пятнадцать вышли на улицу с целью устройства фейерверка из средств бытовой пиротехники и на бетонной площадке, на которую вывозится контейнер из мусоропровода, обнаружили мёртвого ребенка. Чей ребенок – не знают. Ничего подозрительного не видели и не слышали.

– Спрашивали, у кого в подъезде есть дети? – Маштаков придерживался правила, что искать в первую очередь следует поблизости.

– Так точно, товарищ капитан! – Швеллер был строевой косточкой. – Сказали, что в седьмой квартире. Мы туда ходили, ребёнок на месте, спит.

«Пэпээсники» сработали грамотно, прибыли быстро, обеспечили охрану места происшествия, провели разведбеседу с жильцами, обнаружившими труп, записали их данные, и даже сделали в верном направлении ход, направленный на раскрытие преступления.

– Рапорт мы сейчас напишем. – Швеллер знал порядок.

Кивнув, Маштаков направился к площадке у подъезда, чувствуя, как с каждым шагом ноги от колен и ниже наливаются тяжестью. За полные десять лет работы он выезжал на сотни трупов, особенно часто – в прокуратуре, но привыкнуть к смерти детей у него не получалось.

В сентябре во время работы по убийству в коттеджах девятилетнего Антона Сеницына у Михи случился очередной срыв, к счастью, кратковременный.

Тельце ребенка, лежавшее на отчищенной от снега площадке, казалось ненастоящим. Из одежды на младенце, оказавшемся девочкой, имелась лишь фланелевая рубашечка в весёлый цветочек. Судя по размерам, девочке было не больше года. Головка ее была разбита вдребезги. Судебный медик в качестве причины смерти укажет открытую черепно-мозговую травму, полученную при ударе по голове твердым тупым предметом с неограниченной поверхностью или об ударе о таковой. На серой поверхности бетона краснели брызги крови, веером разлетевшиеся от головы. Судя по тому, что разможенный затылок находился в эпицентре брызг, тельце не перемещали. Сотрудники «скорой помощи» ограничились констатацией факта наступления смерти, необходимости в проведении реанимационных мероприятий не возникло.

Коростылёв рассматривал погибшую девочку из-за плеча Маштакова. Обернувшись, Михя увидел на лице у кадровика брезгливую гримасу.

– Что здесь произошло? – спросил полковник.

– Ребенка сбросили с большой высоты или, держа за ноги, ударили головой о бетон.

– Но зачем? – Коростылёв не скрывал надрыва. – Вот звери! Стрелять таких надо без суда и следствия!

Сокрушаться над трагедией можно было до бесконечности, результатов от этого не придет. Маштаков прикидывал фронт и направления работы.

– Надо срочно поднимать как можно больше сотрудников на отработку жилого сектора. – Полковник видел выход в привлечении массовки.

– Давайте сначала поработаем, – предложил Миха. – Скоро Сутулов подъедет и участковый. Со мною целых трое. Я начну обход подъезда с девятого этажа. Нас ведь интересуют только квартиры с окнами на эту сторону. Планировка стандартная, значит, нужно обходить только «трёшки», которые налево от лифта. У однокомнатных и «двушек» – окна на противоположную сторону, а те «трёшки», что направо от лифта, они – далеко. Докинуть из них можно, но траектория слишком мудрёная, козырёк над подъездом мешает. Получается, включая первый этаж, нас интересуют девять квартир. Всего делов-то.

– Под вашу ответственность... – На месте происшествия, рядом с криминальным трупом ребенка в нештатной ситуации начальственный лоск заместителя по кадрам потускнел.

«Это тебе не тетрадки с конспектами проверять, – ехидно хмыкнул про себя Маштаков. – Тут головой думать надо».

Коростылёв двинул к своей «Волге». Ему пришлось сойти в сторону, на поребрик, чтобы позволить проехать «буханке» УАЗ-452 с продольной красной полосой по борту и большими цифрами «03», набитыми через трафарет на двери. Медикам тут делать было нечего.

Эксперт Николаев нагнулся к чемодану за фотоаппаратом. Когда выпрямлялся, его мотнуло.

Покосившись, не видит ли Коростылёв, Миха взял эксперта за бушлат на груди и резко встряхнул.

– Сосредоточься. Берия за тобой сечёт. Дыши носом, но не сильно. Не кури. Не лезь в разговоры. Понял?

Николаев угрюмо выдавил: «Понял», обдав кислым духом перегоревшего алкоголя.

«Почему он долго так не трезвеет? Сколько он выжрал на халяву на Восходе? Неужели ума хватило у себя в ЭКО добавить? Озеров-то пришёл в себя».

Маштаков не испытывал симпатий к эксперту и никогда не прятельствовал с ним, но Николаев был такой же тягловой лошадкой, как и он сам. Без блата и перспектив на повышение, с грошовой зарплатой. Поэтому Михе хотелось обломать кадровику удовольствие от возможности уличить эксперта в употреблении спиртного во время дежурства и с позором, в назидание другим выкинуть его на улицу, как нагадившего кошака.

Подошел Швеллер, протянул сложенный вдвое, чтобы на ветру не трепыхался, рапорт.

– Можем вернуться на маршрут патрулирования или нужны ещё?

Оперативник адресовал старшего лейтенанта к ответственному от руководства:

– Жираф большой!

Маштаков направился к подъезду. Дверь была оборудована кодовым замком, но «пэпэ-эсники» предусмотрительно заблокировали её снизу осколком кирпича, за что Миха мысленно поблагодарил их.

В подъезде воздух стоял тяжёлый и влажноватый. Очевидно, из подвала просачивались испарения от протекавшей канализации. Под лестницей едко воняло кошачьей мочой, куда в России без этого. Маштаков двинулся вверх пешком, оглядывая каждую лестничную площадку и площадки между этажами, через которые проходил толстый асбестоцементный ствол мусоропровода. Освещение присутствовало далеко не везде, там, где его не имелось, под подошвами хрустела шелуха от семечек. Подъезд был типичный: стены, оштукатуренные под шубу, пластиковые покрытия с перил содраны неутомимыми вандалами. На пятом этаже через дверь тринадцатой квартиры, обитатели которой обнаружили труп, доносились музыка и хохот. Люди продолжали праздновать, чужое горе их не тронуло. Спасибо ещё, что в милицию позвонили, проявили сознательность. Здесь на пятом этаже Миха передохнул немного, а то дыхание у него сбилось. И было отчего – в последнее время пачки «Балканской звезды» на день ему не хватало.

«Надо уменьшать дозу», – зарёкся он, растирая через одежду правый бок.

Достигнув самого верха, Маштаков обследовал ход на крышу. Не исключено, что ребенка выбросили именно оттуда. Преступник мог случайно зайти в первый подвернувшийся ему подъезд. Если дело обстояло именно так, задача усложнится невероятно. Однако лаз на крышу оказался закрытым металлическим люком, в ржавых проушинах которого висел амбарный замок. Не похоже, что этим ходом кто-то пользовался в недавнее время.

На девятом этаже Маштаков позвонил в квартиру под номером тридцать три. Вскоре за обитой дерматином дверью послышались шлепающие шаги, дважды провернулась ручка замка. Затем шаги прошаркали в обратном направлении, удаляясь в глубину жилища. Никто ничего не спросил. Подождав с полминуты, Миха взялся за ручку и слегка надавил вперед, дверь подалась.

– Тук-тук-тук, – громко произнес оперативник в образовавшуюся щель. – Хозяева!

«А я милого узнаю по походке!» – в ответ из квартиры донёсся ухарский запев Гарика Сукачёва.

По одной из программ повторяли «Старые песни о главном».

Миха вытер ноги о плетёный коврик и шагнул через порог. В коридоре на застеленном ковролином полу мерцали мутные пятна света от телевизора, работавшего в большой комнате. Стараясь ступать неслышно, Маштаков прошел туда.

В полутемном «зале» перед экраном телевизора стояло кресло, все остальное плохо различалось в полутьме, тем более что оперативник зашел со света. Пошарив по стене слева от двери, он нащупал выключатель и нажал на клавишу. Под потолком ярко вспыхнула люстра с множеством стеклярусных висюлек.

На округлой спинке кресла лежал хвостик волос, стянутый резинкой.

– Ау! – окликнул Миха.

В кресле произошло шевеление, и из него поднялась девочка лет десяти в белой водолазке-лапше и джинсиках. Глаза у нее были заспанные, подбородок испачкан в шоколаде.

– А где взрослые? – спросил Маштаков.

– Мама в гости к тете Вике ушла-а, а бабушка то-оже потом ушла, – позевывая, сообщила девочка.

Стоявшая вдоль стены диван-кровать была разложена и застлана постелью. Из-под откинутого одеяла виднелся кусок постеленной поверх простыни медицинской клеенки рыжего цвета. На подлокотнике рядом лежала детская одежда: ползунки, вязаная кофточка, чепчик с завязками, пинетки.

– Тебя как зовут? – по-свойски спросил Миха.

– Настя, – девочка не испугалась чужого дяди.

– Насть, а где твоя сестренка?

Девочка вздрогнула всем худеньким тельцем, стрельнула взглядом на разобранную постель, потом на окно и обессилена опустилась в кресло. На неё напала икота. Она завывала на низкой монотонной ноте.

В этот момент скрипнула входная дверь, послышалась семенящая поступь шагов, шелест одежды. В дверях появилась пожилая женщина в крепдешиновом, давно вышедшем из моды цветастом платье. Сквозь толстые стекла очков зрачки её казались неправдоподобно большими, антрацитовыми.

– Что?! Что случилось? Настя?! Мужчина, вы что тут делаете? А где Леночка? Настя, Леночка где? Ты ее в спальню унесла? Настя?!

– Я из милиции, – сипло выдохнул Маштаков и прошел мимо кудахчущей тетки в коридор, там на полочке справа от вешалки имелся телефонный аппарат.

Он позвонил по «02», а дежурный по радиации связался с радиофицированной «Волгой» заместителя по личному составу. Спустя десять минут квартира кишела должностными лицами. Многих выдернули из-за праздничных столов, выпитый алкоголь обострил эмоции,

развязал языки. Все были чересчур деятельны и эмоциональны. Старший межрегионального отделения по раскрытию умышленных убийств Сутулов, следователь прокуратуры Максимов, местный участковый Асеев, судебный медик Пантелеев, криминалист Николаев, ещё люди в форме. В квартире стоял гомон. Примчавшаяся на такси мать девочек, узнав о случившемся, завопила на такой запредельно высокой ноте, что стоявший в метре от нее Миха вынужден был зажать уши руками.

В квартире проживали бабушка (в очках с сильными диоптриями), ее взрослая дочь (мать-одиночка) и две ее малолетние дочурки: одиннадцати лет и восьми месяцев от роду. Мать-одиночка ушла к подруге справлять Новый год, оставив девочек на бабушку. Та добросовестно сидела с внучками до половины первого. Маленькая давно спала без задних ножек. Чтобы она находилась под присмотром, ее принесли из спальни в зал, уложили на диване. Старшая Настя смотрела телевизор. Заскучавшая бабушка решила на полчаса сходить к соседке, рюмочку в честь праздника выпить и поболтать. В ее отсутствие маленькая, описавшись, проснулась и стала реветь. Настя как могла пыталась успокоить сестру, но у нее не получилось. Маленькая верещала, как резаная, заглушая телевизор на самом интересном. Тогда Настя взяла ее на руки, подошла к окну, отворила створку и выбросила сестренку с девятого этажа. Потом сделала звук телевизора погромче, поудобнее уселась в кресле, набрала в пригоршни конфет и продолжила смотреть «Старые песни о главном».

История простая и дикая. Просто дикая. Дико простая.

У Маштакова вдруг закружилась голова, он торопливо ухватился рукой за косяк. Придерживаясь рукой за стену, направился в сторону выхода из квартиры.

Бредя по коридору, боковым зрением зацепил около вешалки широкую спину в новеньком блескучем форменном бушлате.

Хорошо поставленный баритон рокотал в трубку:

– Под моим личным руководством, товарищ полковник... Я принял личное участие в поквартирном обходе... Особо тяжкое преступление раскрыто по горячим следам, товарищ полковник...

Выбравшись в подъезд, Миха плюхнулся на грязные ступени и долго хлопал себя по карманам, прежде чем наткнулся на сигареты. Вытащил пачку, выбил в прореху сигарету, она упала на пол, откатилась в сторону. Вытряс вторую, сунул в рот и завис, забыв, как прикуривают. Не обратил внимания на тяжелую поступь подошедшего вплотную человека.

Встрепенулся оттого, что его трясли за плечо. Поднял глаза вверх и увидел нависшего над собой Коростылёва. Лицо у того было суровым, а глаза – праведно торжествующими.

– Все, Маштаков, доигрался в бирюльки. Поехали в наркологию. На освидетельствование.

Миха пожал плечами: «Поехали». Всё равно оставаться в этом дурдоме у него не было сил. Пусть без него говно разгребают, а он прокатится на чёрной «Волге», потешит кадровика и сам заодно отвлечётся.

Часть вторая

1

04 января 2000 года. Вторник.

09.00 час. – 09.30 час.

Утром четвёртого января в межрайонной прокуратуре собрался консилиум по делу оперуполномоченного Рязанцева, обвинявшегося в превышении должностных полномочий. Инициатором совещания выступил Кораблёв. Он не знал какое решение ему следует принять. Больше недели уголовное дело лежало на столе, Саша несколько раз прочёл его от корки до корки, законспектировал показания свидетелей. И чем больше вникал он в обстоятельства происшедшего, тем больше утверждался в мысли, что обвинительное заключение утверждать нельзя.

При этом он прекрасно понимал – шеф заинтересован в прямо противоположном результате. Сейчас от позиции Кораблёва зависело, станет он в ближайшее время заместителем прокурора или вернётся на ход назад и снова впряжется в ярмо следователя. За шесть лет следственная работа Кораблёву осточертела, он продолжал выполнять её добросовестно только в силу инерции. Когда ещё выпадет шанс пойти на повышение? По тому, как круто шеф расправился с Коваленко, Саша усвоил, что Олег Андреевич Трель не из той категории начальников, которые толерантно относятся к своенравным подчинённым. С другой стороны Кораблёв видел, что дело гнилое, в суде оно может запросто рассыпаться. И тогда он будет крайним в незаконном привлечении лица к уголовной ответственности. Также Саша не мог не считаться с настроениями милиционеров, бок о бок с которыми он размотал немало серьёзных преступлений. Судя по последнему разговору с Птицыным, в УВД внимательно отслеживали ситуацию. Там считали, что Рязанцев сидит ни за понюшку табаку, из-за прокурорской блажи.

Накануне Кораблёв ездил на своей машине в областную прокуратуру с отчётами, вернулся в одиннадцать вечера. Он сдавал отчёты в первый раз, поэтому наделал множество ошибок, в которые его весь день с нескрываемым удовольствием тыкал старший помощник прокурора области по статистике Леонид Иванович Батанов. Этот седой сухонький дедушка лет шестидесяти, прободная язва, был известен в миру, как Леонид Бананыч.

– Инструкции надо читать внимательно, молодой человек, – скрипуче наставлял старпом. – Ни одно логическое равенство у вас не сходится. Откуда вы взяли эту цифру? Не знаете? Чего молчите? Зато, наверное, славненько повеселись в Новый год?

Какое там славненько... Саша встречал праздник вдвоём с невестой, выпил бокал шампанского. Первого числа посидел с родственниками, ограничившись ста граммами водки. Стерёгся, зная, что предстоят трудные дни.

Второго января в восемь утра Кораблёв был как штык на рабочем месте. Занимался только отчётами, добросовестно читал муторные инструкции, подсчитывал и пересчитывал показатели, разносил их по таблицам. Подсказать было некому, прокурор предупредил, что вернется в город только третьего. Со статистикой Саша упорно боролся до полуночи. С грехом пополам ему удалось свести концы с концами.

Но все эти проблемы уже позади. Правда, придется написать пояснительную записку по поводу выявленных расхождений с полугодовыми данными и внести изменения в ряд разделов отчета формы 1ЕМ⁶³. Но это рабочие моменты. За допущенные ошибки его никто не накажет,

⁶³ Отчет формы 1ЕМ – статистический отчет прокурора о работе органов следствия и дознания.

он всего лишь исполняющий обязанности зама, он считал отчёты и сдавал их в первый раз. А самое главное, у шефа в области позиции неслабые, в обиду он дать не должен.

Это на Сашу брюзга Леонид Бананыч мог наезжать, а когда шеф к нему в кабинет заглянул и поинтересовался, как идут дела, старпом сменил гнев на милость:

– Старается парень, Олег Андреевич.

– Вы помогите ему, Леонид Иванович, – уважительно попросил Трель.

– Тем и занят, – по-отечески вздохнул ветеран.

Когда за Острожским прокурором закрылась дверь, Леонид Бананыч сказал Кораблёву:

– Далеко твой начальник пойдет. Поверь старику. И держись за него крепко, если не хочешь на всю жизнь в деревне своей застрять.

За деревню Саша слегка обиделся. Острог был третьим городом в области по численности населения. Сто пятьдесят тысяч граждан проживало в нём, правда, с учётом района.

Сказанное старпомом Кораблёв на ус себе намотал.

Олег Андреевич просьбу подчиненного обсудить ситуацию по делу воспринял с удивлением:

– Чего там может быть неясного? Простейшее дело. Подписывай и в суд!

Кораблёв опустил глаза и, чувствуя, как у него полыхнули жаром уши, начал приводить доводы за то, что дело – сложное и неоднозначное. Говорил путано, сбивчиво, вряд ли убедительно.

Прокурор все же согласился провести рабочее совещание. Брезгливо оттопырив нижнюю губу, делая одолжение, но согласился. Уголовное дело отдали на изучение старшему помощнику прокурора Веткину, признанному профи поддержания государственного обвинения.

– Только не говорите ему своего мнения. Не настраивайте заранее, – поставил условие Трель.

В том, что он перешел вдруг на «вы» и не назвал Кораблёва как обычно «Саней», усматривались нехорошие симптомы.

Кораблёв Веткина знал как облупленного, доверял ему, и поэтому, вручая дело, объяснил весь расклад: кто за красных, кто за белых. Знал, что от Александра Николаевича не утечет.

На совещание, кроме Кораблёва и Веткина, был зван, само собой, следователь Винниченко, главное процессуальное лицо на досудебной стадии.

Трель сидел за своим двухтумбовым столом, откинувшись на спинку кожаного кресла. Это начальственное крутящееся кресло и резной двуглавый орел на стене появились в кабинете при нем. Лощёный брюнет южно-русского типа Трель выглядел как всегда импозантно. Красивая модельная стрижка была выполнена явно не в заурядной парикмахерской, а в дорогом салоне: слегка удлиненная густая челка цвета воронова крыла уложена на бок, виски и затылок сведены на «нет», подчеркивая аккуратность и сдержанность следящего за своим имиджем мужчины. Свежесть кожи лица подчеркивал неожиданный для зимней поры загар. Четко очерченный подбородок слегка выставлен вперед. Взгляд уверенный, с легкой долей умной иронии. Новый костюм был еще круче прежнего, в тон кремовой рубашки подобран шелковый галстук цвета красного дерева с бледным серебряным узором. На совместном новогоднем корпоративе одна из судей, слегка подвыпив, обмолвилась за столом, что новый прокурор очень похож на американского актера Алека Болдуина. С ней согласились и другие женщины.

За одной стороной приставного стола разместились Кораблёв и Веткин, напротив них сел надушенный Винниченко. Каждый из них в отдельности имел гораздо больший опыт уголовного преследования, нежели цивилист Трель, но последний был начальником, поэтому предполагалось, что он на порядок умнее и квалифицированнее их троих вместе взятых.

Прокурор с пользой провел новогодние каникулы. Пообщался с детьми, проживавшими пока у бабушки с дедушкой, встретился в неформальной обстановке с нужными людьми, в том числе из Генеральной прокуратуры. Выпивал умеренно, под хорошую закуску и под полезный

разговор. Второго января пробежал по сказочному зимнему лесу десятикилометровый кросс на лыжах. Решил ряд насущных бытовых вопросов. Чувствовал себя отдохнувшим, набравшимся позитивной светлой энергии.

– Послушаем следователя, – он начал без предисловий. – Пожалуйста, Борис Сергеевич. Четко, ясно, кратко.

Боря засопел, сунул руку под кофту, почесал под мышкой. Сегодня он пришел на работу чисто выбритым, но зато изрядно покарябанным. Создавалось впечатление, что он скоблил станком лицо насухую.

– Ну чего, – запяг Боря, – Рязанцев ничего не признает. Оперативники все в его пользу говорят. У потерпевшего телесные повреждения. На очной ставке он свои показания подтвердил. Второй бандит, этот, как его, здоровый такой...

– Рожнов, – тихо подсказал Кораблёв.

– Точно, Сашк, Рожнов. Он такие же, как и потерпевший, показания дает. Все что можно по делу, я сделал.

– Рожнов судим за бандитизм? – нейтрально поинтересовался Трель.

– Нет, – замотал лохмами Боря, – за вымогательство и за хулиганство.

– Тогда почему вы называете его бандитом? – вторым вопросом прокурор, очевидно, намеревался вызвать у следователя замешательство.

Но Винниченко не пошёл на веревочке в ожидаемом направлении.

– Потому что он бандит, это весь город знает, – с уверенностью заявил Боря.

– Вы юрист, следователь прокуратуры, даже старший следователь! – прокурор воздел к потолку указательный палец. – Будьте любезны оперировать фактами и не вешать на граждан ярлыков, уподобляясь неграмотным обывателям.

Подобных программных заявлений стены этого кабинета от его прежних хозяев не слышали.

– Таким образом, вы умышленно и незаконно предъявили обвинение сотруднику милиции? – Трель продолжил теснить подчинённого в угол.

– Нет, почему умышленно? – смешался Боря. – Телесные повреждения ведь у этого, у Костина имелись... Почему незаконно?

Винниченко не отважился озвучить, что сделал все именно так, как велел ему непосредственный начальник.

– Может, вы предпочтете, чтобы дело вам вернули на дополнительное расследование? Порасследуете еще месяц, примете меры к устранению противоречий. – Этот удар прокурора пришелся ниже пояса.

– Но какие основания? – следователь опешил.

В производстве у Бори находилось одиннадцать уголовных дел, за ним сидело восемь человек. Он наглухо погряз в процессуальных сроках, по трем глухарям работа не велась совсем, не хватало рук. По всему, новое дело, возбужденное тридцатого декабря по двойному огнестрелу, тоже останется у него. По этому убийству, имевшему признаки заказного, предстоял колоссальный объем работы. По уму, только по последнему делу надо создавать группу из нескольких следователей. Да где их набрать? С утра оперативники уже натащили целый коридор свидетелей для допросов. Боря еле свалил дело по Рязанцеву, оно тоже было проблемным, забыл о нем, а тут предлагается вновь вернуться к отработанному материалу и копаться в нем.

– Я по делу сделал все. – Винниченко взъерошил усы и с неприязнью ожег взглядом Кораблёва, заварившего эту кашу.

– Ваша позиция ясна. Александр Николаевич, вам слово, – уверенно выиграв в первом раунде по очкам, прокурор предоставил слово Веткину.

Старпом единственный из присутствовавших был в форме. В условиях его холостяцкой жизни мундир существенно упрощал проблему с гардеробом на каждый день. В погонах с двумя просветами и двумя же большими звездами на каждом, крупный, большеголовый, с окладистой русой бородой он смотрелся внушительно. В то же время, засаленные манжеты рукавов форменной куртки, плохо постиранный ворот рубашки и отросшие сзади волосы выдавали проблемы личной жизни на уровне быта.

В новогоднюю ночь Александр Николаевич позволил себе расслабиться. Первого января употреблял только пиво, зато много. Лил на старые дрожжи, пока вновь не вырубился. На следующий день сильно болел, но запретил себе опохмеляться. Несколько часов отмокал в ванной, сварил курицу, похлебал горячего бульона, отлеживался. Третьего вышел на работу не в настроении, но к обеду немного разгулялся. Сейчас он выглядел достаточно бодрым, благоухал одеколоном.

– Олег Андреевич, разрешите, я всю ситуацию вкратце восстановлю?

Трель молча кивнул.

– Сотрудники уголовного розыска, имея в производстве зарегистрированное заявление о вымогательстве чужого имущества, выехали на задержание преступника. Сотрудников четверо. Трое оперативников: Титов, Маштаков и Рязанцев, а также водитель Ларин. В мероприятии они задействовали заявителя Силантьева, которому дали диктофон. Силантьев должен был встретиться с вымогателем Рожновым, записать разговор и передать деньги. После этого оперативники намеревались задержать Рожнова с поличным. Они расположились следующим образом...

Веткин подвинул к центру стола, поближе к прокурору, лист бумаги, на котором была нарисована схема, снабженная стрелками и пояснительными надписями.

– Крестиком я пометил место встречи Силантьева и Рожнова. Титов и Маштаков проходят в парк, садятся вот здесь на лавочке и сквозь ограду наблюдают за обстановкой. Рязанцев находится у пивного ларька около магазина «Украина», примерно в сорока метрах. Рожнов приехал не один, с ним его знакомый Костин. Силантьев и Рожнов несколько минут разговаривают. Рожнов заподозрил, что Силантьев его записывает, обыскал его, нашел в кармане диктофон и растоптал его...

Трель кашлянул:

– Александр Николаевич, нельзя ли лирику пропустить.

– Извините, Олег Андреевич, без этого картина будет неполной, – твёрдо сказал Веткин.

В его словах послышался вызов. Саша Кораблёв с трудом удержался от того, чтобы вместе со стулом не отодвинуться от старпома, дистанцируясь.

– Продолжайте, – холодно произнес прокурор.

– Благодарю. Увидев, что Силантьев раскрыт, милиционеры бегут к машине. Титов и Маштаков – из парка через вход. Во-от так им пришлось обогнуть. Рязанцев бежит со своей позиции от пивного ларька. Рожнов оказывает сопротивление подбежавшему первым Маштакову, но Титов демонстрирует ему табельное оружие, и Рожнов успокаивается. Костин, видя борьбу Рожнова с Маштаковым, огибает «Ауди» Рожнова сзади, вот так, спешит на помощь к приятелю. В руке у Костина кастет, признанный холодным оружием. В этот момент подбегает Рязанцев, который толкает Костина в спину. Костин падает и ударяется головой об асфальт. Рязанцев объясняет следствию, что толкнул Костина потому, что тот замахнулся кастетом на Маштакова, намереваясь ударить. После этого подъезжает на служебном автомобиле водитель Ларин. Он стоял во дворе дома напротив и описанных событий не видел. Отвлекаться на Ларина не будем...

– Вы говорите, что Рязанцев просто толкнул Костина. А Костин утверждает, что обвиняемый ударил его ногой в спину. И потом, когда он лежал на асфальте, ногой же ударил его в бок, – Трель продемонстрировал, что и он знает обстоятельства дела.

– Противоречия, – согласился Веткин. – Рожнов подтверждает показания Костина. Титов, Маштаков и заявитель Силантьев подтверждают слова Рязанцева. Двое против четверых. Двое судимых против трёх офицеров милиции и гражданского свидетеля. Титов и Маштаков работают давно, пользуются авторитетом. Маштаков в прошлом сотрудник прокуратуры. Грамотный, убедительно говорит, хорошо ориентируется в судебном процессе, его с избранной позиции не собьешь ...

– Слышал я про эту пьянь, Александр Николаевич, не преувеличивайте его способностей, – отмахнулся Трель. – Давайте дальше.

– У меня вызывают сомнения показания Костина в части того, что Рязанцев ударил его в спину именно ногой. Как он это мог увидеть? Что у него глаза на затылке? Или на куртке Костина обнаружен след от обуви Рязанцева?

– Костин объясняет, что удар был очень сильный, твёрдым предметом. У него потом сильно болело между лопатками, – сказал прокурор.

– В заключение судебной медицинской экспертизы нет ни слова о повреждениях в области спины, – развел руками Веткин и продолжил: – Итак, четверо против двоих. Это серьёзное преимущество. Кроме того, в деле есть и независимые свидетели. Торговавшая у входа в парк семечками бабушка по фамилии...

Старпом заглянул в листок со своими записями.

– ...Филатова и гражданин Тружеников, который пил пиво около «Украины». Они показали, что видели, как парень плотного сложения, бритый, в кожаной куртке, замахнулся рукой на мужчину среднего роста, а молодой парень, прибежавший от пивного киоска, толкнул бритого руками.

– Их менты обработали, неужели не ясно? – Трель не сумел удержать эмоции.

– Это мне неизвестно, – дипломатично уклонился Веткин. – Допрошены Филатова и Тружеников нашим следователем Борисом Сергеевичем. По факту ношения Костиным холодного оружия милицией направлено в суд уголовное дело...

– Когда?! – прокурор буквально подпрыгнул в кресле.

Веткин нашёл ответ в своей шпаргалке:

– Тридцатого октября. Статья двести двадцать вторая часть первая. Они в форме дознания, как я понимаю, провели расследование, поэтому так быстро получилось.

– Кто подписал обвинительное по Костину? – Трель метнул глазами чёрную молнию в Кораблёва.

Но тот спокойно пожал плечами, за это он не боялся:

– Коваленко, кто же. Я с четырнадцатого декабря исполняю обязанности.

– Дело по Костину в производстве Молодцовой Евгении Марковны, – дальше развивал свою мысль Веткин. – Она судья жёсткая, с милицией в хороших отношениях. У Костина непогашенная судимость за грабеж. Ему могут поставить условие: или он меняет показания по делу Рязанцева, или садится на год в тюрьму за кастет. Кстати, заявления о привлечении Рязанцева к уголовной ответственности Костин не писал.

– Это причем тут? Что, это дело частного обвинения? – сморщился прокурор.

В ходе обсуждения вальяжности в его поведении и манерах заметно поубавилось.

– Я знаю. Но отсутствие заявления свидетельствует об отсутствии у потерпевшего активной позиции. Его нельзя привлечь к уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Заявления он не писал, по статье триста шестой⁶⁴ не предупреждался.

– Есть еще ответственность за дачу ложных показаний.

⁶⁴ Статья 306 УК РФ – заведомо ложный донос.

– Простите, Олег Андреевич, если потерпевший добровольно изменит показания на правдивые до удаления суда в совещательную комнату, он освобождается от ответственности за ложные показания, данные первоначально. Примечание к статье триста седьмой УК РФ.

Таких тонкостей уголовного судопроизводства Трель не знал. Поэтому от последнего довода Веткина счел нужным отмахнуться, как от полностью надуманного.

В этот момент требовательно зазвонил телефон, прокурор взял трубку, сказал: «Слушаю вас», короткое время работал на приём, после чего предложил перезвонить ему через десять минут.

«Десять минут он нам оставляет на обсуждение, – подумал Кораблёв. – До меня очередь, похоже, не дойдет».

– Плохо будет смотреться в суде, что сначала следователь отказал в возбуждении уголовного дела, подробно расписал на шести страницах, почему в действиях милиционеров не имеется состава преступления, а потом тот же следователь вопреки своим прежним утверждениям, предъявил Рязанцеву обвинение на прежнем объеме доказательств, – Веткин привел очередной аргумент.

– Первого постановления не существует, оно мною отменено. Дальше, – Трель торопил.

– Юридически его действительно нет, но фактически документ в материалах дела. Защита будет использовать содержащиеся в нём доводы, – старпом упорно продолжал гнуть свою линию.

– Вывод?!

– Действия Рязанцева уголовно ненаказуемы. Можно обосновать, что он действовал в состоянии необходимой обороны, защищая Маштакова от угрозы применения физического насилия со стороны Костина. Можно выстроить защиту на том, что он причинил вред, задерживая лицо, совершившее преступление: ношение холодного оружия. Статья тринадцатая закона «О милиции» давала ему право применить силу в подобном случае.

– Это всё теория! – раздражение прокурора нарастало. – Умные разговоры. Что ж нам смотреть, как милиция калечит на улицах людей и аплодировать?!

Веткин счёл необходимым промолчать, хотя мог сказать в ответ много и по делу.

Трель стукнул ладонью по столу:

– Александр Михайлович, ваша позиция?! Вы надзирали за ходом следствия, вы несёте ответственность наравне со следователем.

Кораблёв закашлялся, услышав неожиданный тезис. Веткин поднял руку, чтобы постучать Сашу по спине, но тот жестом остановил его.

– И-извините, – прокашлявшись, со слезами на глазах, сказал Кораблёв. – Извините. Может, в суде посоветоваться, Олег Андреевич? Или в областную съездить, дело показать?

«Да я двадцать дней всего, как “и.о.”, – мысленно возмущался Саша, – Боря в середине декабря уже ознакомление начал. Меня перед фактом поставили. Не надо было возбуждать такую хрень».

– В суде делать нечего, – в этом прокурор оказался категоричным. – Судей много, с каждым не насоветуешься. А в область, что же? Если уверенности у вас, Александр Михайлович, не достаёт, поезжайте. Созвонитесь с начальником отдела по надзору за следствием и поезжайте. Поездка незапланированная, на мой взгляд, излишняя, поэтому – своим ходом. Служебную машину я вам, увы, предоставить не могу.

«Ты мне ее и на отчёты не предоставил», – подумал в ответ Кораблёв.

В кабинет заглянула секретарша Эльвира, не в меру накрашенная, сильно близорукая:

– Извините, Олег Андреевич, к вам с механического завода пришли. Говорят, что на половину десятого договаривались.

– Пусть заходят, – распорядился Трель, давая подчиненным понять, что время, отпущенное на их аудиенцию, истекло.

Кораблёв, Веткин и Винниченко поднялись и двинулись к выходу. При этом Боря оставил свой стул далеко отодвинутым от стола, на полированную крышку которого во время совещания он накрошил кучку крохотных обрывков бумаги.

Около двери прокурорской пехоте пришлось потесниться, уступая место заплывавшим в кабинет двум солидным пузанам в расстёгнутых дорогих дубленках. Первый, луноликий, кудрявый, лучезарно улыбающийся, нёс объемный пакет.

– С прошедшим, Олег Андреевич! – громогласно объявил луноликий. – Извини, дорогой, что с опозданием!

Кораблёв, вышедший последним, прикрыл за собой дверь. Эльвира проворно выставляла на тумбочку возле клетки с двумя волнистыми попугайчиками чайные приборы, вазочку с крекерами, конфеты.

2

02 января – 05 января 2000 года.

Воскресенье – среда.

За четыре дня, прошедших после убийства Зябликова и Калинина, в Остроге случилось немало событий разного масштаба. Из нескольких несвязанных между собой источников в оперативные службы стеклись ручейки информации, неодинаковой по степени достоверности, однако тождественной по сути: заказ сделал Клыч, обозлённый тем, что парни подписались работать на москвичей, повернувших в свою сторону денежный поток с «Первомайского» рынка. Но информация без материального подкрепления не более чем пустое сотрясение воздуха, на хлеб её не намажешь и к уголовному делу не подошьешь.

Третьего января Давыдов выдернул к себе председателя правления «Первомайского» рынка Шушарина. В беседе, как договаривались, принял участие Птицын. Два часа рабочего времени оказались затраченными напрасно. Шушарин нагло вращал рачьиими глазами и на все убеждения, сделанные и по-хорошему и не очень, отвечал, что никому, кроме государства он не платит и платить не собирается. В распоряжении РУБОПа имелась аудиозапись разговора между положенцем Арчилом, Клычом и Шушариным. В начале встречи Арчил доходчиво объяснил Шушарину, что те сто штук, которые он, начиная с июля, ежемесячно платил Клычу, отныне следует передавать Зябликову, также присутствовавшему при этом разговоре. Произнеся эти слова, Арчил обратился к Клычу, чтобы Володя сразу высказал свои претензии, если с чем-то не согласен. Володя ответил, что все ровно, его всё устраивает. Кроме перечисленных лиц, свидетелями переговоров было ещё двое граждан с криминальным прошлым и настоящим, один из которых писал разговор, и потом передал микрокассету Давыдову. Запись нельзя было предъявлять Шушарину по понятным причинам, подставлялся под удар источник. К уголовному делу кассетку приобщить также не имелось возможности, потому как добыли ее непроцессуальным путем. Ставить в известность прокуратуру о существовании записи сочли преждевременным.

В итоге, пообещав Шушарину крупные неприятности в самом ближайшем будущем, оперативники отпустили его ни с чем. Хозяин рынка, в свою очередь, объявил им, что без адвоката он больше в милицию и прокуратуру – ни ногой.

Пообещать неприятности легко, куда сложнее реализовать обещанное. Птицын обратился за содействием в налоговую инспекцию. Он искренне надеялся, что объект, на котором укрываются от налогообложения огромные деньжищи, заинтересует мытарей. Всяко, сто тысяч рублей, ежемесячно засылаемые с рынка бандитам, были черным налом. Подполковник пообещал выделить для содействия сотрудников БЭП⁶⁵. Но он получил ответ, что выездные налоговые проверки планируются заранее, на ближайшее полугодие график уже составлен и утвержден. Проверка «Первомайского» колхозного рынка инспекцией запланирована на четвертый квартал начавшегося года. Птицын сказал, что его не устраивает даже второй квартал, что ему надо сейчас. Ему ответили: «Ничем помочь не можем».

Проще оказалось найти общий язык с СЭС и госпожнадзором, но на этих направлениях и.о. начальника криминальной милиции серьезных результатов не ожидал. Санитарной инспекции и пожарным милицейские проблемы по барабану, они по быстрому нарубят своих палок по незначительным нарушениям. Виновными окажутся стрелочники, которых привлекают к административной ответственности.

Чтобы крученный тамбовский мужик Шушарин пошел на сотрудничество с милицией, нужно было создать реальную угрозу приостановления деятельности рынка. Понудить загово-

⁶⁵ БЭП – отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

ритель Шушарина могла только перспектива убытков, на порядок превышающих сумму, которую он отстегивал бандюкам.

Попутно Птицын через начальника УВД решил вопрос о проведении на рынке в ближайшие выходные рейда силами службы участковых. Это конечно тоже будет не больше блошиных укусов, но пускай Шушарин от них почешется.

Оформление документов по постановке телефонов директора рынка на прослушивание поручили убойщикам. Скорых результатов здесь ожидать не приходилось, процедура это долгая, занимающая в лучшем случае неделю. Только в кино опер набирает заветный номер и проникновенно говорит в трубку: «Зина (Оля, Галя), поставь мне, солнышко, срочно такой-то номерок на прослушку. Документы я тебе потом закину. С меня шоколадка».

Похороны Зябликова и Калинина прошли спокойно. Вопреки ожиданиям, народу собралось не так уж и много. Сыграли роль праздники, приезжих оказалось чуть больше десятка. На кладбище по традиции присутствовали оперативники, две группы. Борзов из «Нивы» снимал на видеокамеру. Отсутствие на похоронах Клыча и его братьев лишней раз укрепляло слухи о том, что прилетело именно с их стороны. Катковскую группировку представляли Рожнов и Рипке, силовик и мозговик. Начальник розыска еще у подъезда на выносе положил глаз на Рубайло с Пандусом, после освобождения упорно избегавших контактов с милицией.

Поминки проходили в «Ладе» и в «Восточной» столовой. Замыслу собраться вместе воспротивилась родня Калинина, считавшая Зябликова повинным в том, что он сбил их Петю с праведного пути.

В «Ладе» Рубайло, приняв на грудь, раздухарился и стал прилюдно давать страшные клятвы, что люто отомстит за смерть пацанов. Для начала он разбил стекло в фойе и оторвал рукав пиджака деду-гардеробщику. На происшествие оперативно отреагировал экипаж ПМГ⁶⁶, выставленный в квартале от кафе. Все получилось естественно, к комбинированию прибегать не пришлось. Администратор «Лады» написала заявление о порче имущества, патрульные предложили правонарушителю проследовать с ними в УВД для составления протокола. Рубайло заартачился, за верного дружка вступился пьяный Пандус. В результате в милицию они уехали на пару в заднем отсеке «УАЗика». Жидких пристегнуть не удалось, он вел себя демонстративно корректно, спиртного на поминках не употреблял совсем.

Рубайло и Пандуса оформили по мелкому хулиганству. Утром третьего января в суд их повезли не милиционеры спецприемника, а оперативники. Умеющий быть убедительным Борзов объяснил дежурной судье Базаровой, какую ценность для Отечества представляют эти двое обаятельных молодых людей. Представленные материалы были качественными, судья – правильной, поэтому Рубайло получил десять суток ареста, а Пандус – семь. Теперь они находились под рукой, с ними можно было работать спокойно.

На следующий день после похорон Маштаков встретился со Смоленцевым. Птицын, зная об одной проблеме, возникшей в прошлом году у Смоленцева, которую Маштаков помог разрешить, одобрил кандидатуру старшего опера, хотя тот был завален работой по своей линии.

Вообще, Вадим Львович проповедовал забываемый ныне в милиции принцип, что по резонансным убийствам должны работать все сотрудники уголовного розыска.

Разговор между Смоленцевым и Маштаковым состоялся долгий и достаточно результативный. Димка подтвердил оперативнику, что есть маза за то, что убийство организовано Клычом. Предположения укреплялись длительным отсутствием Клыча в городе. Умотав с семьей на следующее утро после обнаружения трупов, он не объявился до настоящего времени. О конкретных намерениях Рубайло, Пандуса и Жидких Смоленцев говорить отказался, оно и понятно: близкие. Но все-таки упомянул, что парни, в особенности Серега Рубайло, настроены

⁶⁶ ПМГ – подвижная милицейская группа.

по отношению к Клычу агрессивно. Еще он осветил, что Рубайло плотно сидит на системе⁶⁷. Эта информация оказалась новой.

– Девять суток у нас еще осталось. Надо с ним активно заниматься. Тяжело ему будет переломаться всухую, – напутствовал Птицын сыщиков.

В областном управлении заказали полиграф. В последнее время это достижение науки стало применяться все чаще, несмотря на то, что каждую свою справку полиграфолог предварял жирной надписью: «К уголовному делу не приобщать!». Вооружившись положительным результатом исследования, оперативники убеждали фигуранта: «Вот же, смотри, умная машина, говорит, что ты при делах, а машину не обманешь». Иногда этот довод в совокупности с другими срабатывал. Кроме того, для думающих сотрудников при работе с упертым жуликом, результат проверки на детекторе лжи был дополнительным фактором, влияющим на собственное внутреннее убеждение о виновности злодея.

С Рубайло полиграфолог, соблюдая утвержденные методики тестирования, работать отказался. Вернувшись из суда в спецприемник, Рубайло сразу начал жаловаться на здоровье, изображал, что теряет сознание. Несколько раз к нему вызывали «скорую помощь». При осмотре фельдшером присутствовали оперативники МРО, потому как Рубайло запросто мог застрашать медика или посулить денег за заключение о необходимости его госпитализации. И тогда ищи ветра в поле. Фельдшер измерял давление, давал таблетки от головной боли, в один из приездов сделал инъекцию анальгина внутримышечно. Пока удавалось удерживать Рубайло в спецприемнике, но он от своей задумки сдернуть, похоже, отказываться не собирался. У него и в самом деле начался отходняк, употребление наркотиков он отрицал, говорил, что просто бухал две недели, не просыхая. Поэтому, взглянув на него, обильно потеющего, трясущегося, закатывающего глаза под лоб, полиграфолог сразу отрицательно помотал головой.

Чудес не произошло и при тестировании Пандуса. Его физиологические реакции на все заготовленные хитрые вопросы оказались нулевыми.

– Впервые вижу такое, – удивлялся специалист, активно практиковавший по области четвертый год. – Такое впечатление, что он совсем не думает. Смотрите, как все ровно... Скорее всего, перед нами социальный психопат, не имеющий адекватного восприятия социальных норм и общественной морали.

Обе камеры, в которых без вывода сидели бандиты, были заряженными⁶⁸. Под Рубайло подвели привезенную «эмрзошниками» из областного центра спарку⁶⁹. Под Пандусом корпел местный спец. Маштаков хотел напрямч своего Витька Сидельникова, в работе по камере с ним мало кто мог соперничать, однако дома его не оказалось. Со слов Валюхи, Витькиной сожительницы, за неделю до Нового года он уехал в Москву на заработки.

Конечно, Рубайло с Пандусом не относились к категории лохов, развязывающих языки с незнакомыми. Но не использовать «внутрикамерную разработку» по такому громкому делу при наличии возможности было просто неприемлемым. Червяка насадили, крючок закинули, а вдруг, какой карась и клюнет?

Жидких из города по-тихому свалил, допросить его не получилось даже формально. Предположительно он направился в Ярославль, где мутит какую-то коммерцию. В Ярославское УВД, на всякий случай, отбили телетайп: установить местонахождение такого-то, обязать явкой в орган внутренних дел города Острога для дачи показаний.

Тотальная отработка дома номер десять по улице Васнецова и прилегающего к нему частного сектора результата не дала. ВАЗ-21099 цвета «металлик» с тонированными стеклами

⁶⁷ Сидеть на системе – испытывать физическую зависимость от героина, требующую постоянного увеличения дозы (жарг. наркоманов).

⁶⁸ Заряженная камера – камера ИВС, СИЗО или спецприёмника, в которую помещён агент (проф. сленг).

⁶⁹ Спарка – агенты-«камерники», работающие вдвоём (проф. сленг).

никто из жителей в своем районе раньше не видел. Время появления автомобиля удалось сузить до полутора часов. От семнадцати тридцати до девятнадцати ноль-ноль. Приезд «девяносто девятой» не привлек внимания, на улице было темно. Удивительно, что ни один из опрошенных жителей не слышал автоматных очередей. Неужели в закрытом салоне так глушится стрельба из АК-74?

На территорию, прилегавшую к месту происшествия, невод забрасывали трижды. По домам и квартирам ходили не только участковые, но и оперативники. Не удалось попасть только в третью квартиру, в которой после смерти Кузнецовой И. С., 1928 г.р. около года никто не проживал. Остальные адреса отработали от и до, что при современных нагрузках и отношении к работе случалось нечасто.

Кстати, участковый инспектор Кладов, уличенный Кораблёвым в самогонарении, подал рапорт по собственному желанию. Начальство рассталось с ним без сожаления, он слыл лентяем и обманщиком. Слухи о том, что он гонит самогон и барьжит им, проскальзывали и раньше.

Милицейское руководство было недовольно вялыми действиями прокуратуры. Принявший уголовное дело к производству Боря Винниченко не успевал даже допрашивать свидетелей, которых к нему подтаскивали пачками. Третий день оперативники не могли вытрясти из него постановления на обыски в адресах наиболее интересных фигурантов.

Боря молчал-молчал, когда его тюкали, а потом разразился гневной тирадой на Сутулова и Петрушина, заявившихся к нему с вопросом, где обещанные документы.

– У меня десять дел! Вы понимаете?! Я до сих пор ни одной экспертизы не назначил! Вы за меня будете их назначать? Вам хорошо! Притащили человека под дверь и в сторону. А я ведь каждого минимум по часу допрашиваю! Без обеда снова работаю! Задолбали!

Оперативники, привыкшие к безответности Винниченко, опешили.

– Л-ладно, Б-борис, т-ты ч-чего? – принялся увещевать следователя Сутулов. – Н-нас н-началь-с-ство п-послало. Т-ты чего?

Вернувшись с пустыми руками в УВД, эмрээшники доложили Птицыну, а тот соответственно – Сомову.

Полковник сразу схватился за трубку.

– Оперов моих в камеру забивать, у них, задротов, хватает времени, – приговаривал он, набирая номер прокурора.

С первого захода разговора не получилось, Трель, сказавшись занятым, попросил перезвонить через десять минут. Указанное время Сомов непрестанно материл прокуратуру, застрявшую у него в печёнках и селезенках, потом нажал на кнопку повторного вызова.

– А я что сделаю, Евгений Николаевич? – не смутился прокурор. – У меня из пяти следователей по штату, в строю – трое. По делу занимается самый опытный. Между прочим, в ущерб остальной работе. Хорошо, я сейчас ему скажу, чтобы он активизировался по максимуму.

– Может, в область позвоните, Олег Андреевич? – начальник УВД предложил другой вариант. – Может, пришлют важняка из областной? Дело-то не рядовое. Не раскроем быстро, будут еще трупы, много.

– Позвоню, – легко согласился Трель и отключился.

– Щелкопер, – прорычал Сомов, бросая трубку на рычаг телефона.

Тем не менее, состоявшийся разговор возымел действие. К концу рабочего дня следователь сам принес в МРО санкционированные прокурором постановления о производстве обысков по местам жительства убиенных, а также в жилище гражданина Калачева В. Д.

В квартирах Зябликова и Калинина оперативники рассчитывали обнаружить любые носители, содержащие информацию о неизвестных им связях убитых, – записные книжки, письма, фотографии. В первую очередь милицию интересовал таинственный положенец Арчил.

После беседы со Светланой Зябликовой выяснилось, что у её покойного мужа имелся сотовый телефон «Самсунг», которого при погибшем не обнаружили. Преступник завладел мобильником явно не из корысти, а для того, чтобы отсрочить время установления абонентов, с которыми Зябликов созванивался перед смертью. Одним из них по логике должен быть киллер, договорившийся о встрече.

Валера Петрушин с вдовой Зябликова поехал в офис оператора сотовой связи за трафиками соединений. Зря проехали через весь город, менеджер «Билайна» объяснил, что так как телефон при покупке был оформлен на Зябликова Романа, получить распечатку может только он. И напрасно Петрушин показывал свое удостоверение в развернутом виде, паспорт присутствовавшей здесь же Светы Зябликовой и копию постановления о возбуждении уголовного дела по факту убийства ее мужа. Вышколенный, не по-острожски вежливый менеджер требовал постановление следователя с санкцией прокурора и гербовой печатью.

Опять дело уперлось в следователя, опять к нему на поклон идти!

Зато без всякой бюрократии оперативники изучили телефонные книжки в мобильниках Рубайло и Пандуса. При оформлении административного задержания дежурный сержант положил все находившиеся при них предметы на вещи⁷⁰. Выйдя из спецприемника, парни первым делом поменяют засветившиеся «симки», но номера телефонов, переписанные корявым почерком Валеры Петрушина на стандартный лист бумаги, подошьются в толстые корки заведенного ОПД.

В последнее время рынок сотовой связи в стране развивался стремительно. Если год-два назад мобильник считался экзотической игрушкой для новых русских, то сейчас, благодаря снижению цен на телефоны и тарифы, мобильная связь становилась все более доступной. В наступившем году специалисты предрекали настоящий сотовый бум.

Параллельно оперативные службы методом проб и ошибок осваивали возможности технического контроля абонентов сотовых операторов. При детальном рассмотрении перспективы впечатляли. Подавляющая масса преступников, в том числе и участники ОПГ, пока не подозревала, насколько уязвимыми они становятся, используя в свой повседневной криминальной жизни удобный и красивый телефончик.

Начальник РУБОПа Давыдов эти дни постоянно контактировал со своим человеком в окружении Клыча. Все встречи были только личными, на нейтральной территории. Человек подтвердил, что Клыч с семьей находится в Нижнем Новгороде. Своим телефоном, обоснованно опасаясь прослушки, Володя не пользуется, человеку звонит с переговорного пункта. Вовсю интересуется ситуацией в городе, божится, что он не при делах, что его конкретно подставили. Своих координат в Нижнем не называет, деньги у него пока имеются. Еще говорит, что решает вопрос насчет сходки, перед которой надеется оправдаться вчистую. Возвращаться в Острог боится, считает, что его или менты сразу примут и начнут прессовать или друзья убитых грохнут по беспределу. Психует сильно, тревожится за оставшийся без присмотра бизнес.

Как только следователь напечатал постановление, Птицын организовал оказию, с которой изъятые при осмотре пули и гильзы уехали в ЭКЦ⁷¹ областного УВД на криминалистическую экспертизу. В столичный ГИЦ⁷² для проверки по центральной пулегильзотеке⁷³ вещдоки отправятся только после получения заключения эксперта. Путь к преступнику через оружие тоже был окольным и пролегал по дремучему лесу.

В среду, под обед, в дверь кабинета МРО постучала Зябликова. На месте находился один Сутулов, Петрушин повел в спецприемник Пандуса, которого они подняли к себе еще часов

⁷⁰ Положить на вещи – поместить в ячейку с личными вещами арестованного (проф. сленг).

⁷¹ ЭКЦ – экспертно-криминалистический центр.

⁷² ГИЦ – Главный информационный центр МВД РФ.

⁷³ Пулегильзотека – всероссийская коллекция стреляных пуль и гильз со следами оружия ЭКЦ МВД РФ.

в десять. Толстокожий Пандус молчал, как рыба об лёд, ни на какие доводы не реагировал. Оперативники теребили его по всякому, в большинстве зывали к совести, подначивали.

– Твоих друзей завалили! Не наших! Мы знаем, что это Клыч сделал, и ты знаешь. Расскажи без протокола, обозначь направление, куда нам идти! – басил горбоносый усач Петрушин.

Пандус молчал, полуприкрыв глаза, привалившись спиной к стене.

– Т-тогда д...д-дай с-следова...т-телю п-показания на К-клыча... Х-хоть о-одну ст...р-рочку, – наседали с другой стороны эмоциональный Сутулов.

В уголовном деле пока не имелось ни единого показания на Калачева. Когда он появится, задерживать его будет не на чем.

Пандус презрительно кривил губы над сделанным ему предложением.

– Чё ты лыбу тянешь, урод?! – Петрушин замахнулся комментированным Уголовным кодексом.

Пандус не шугался, он знал, что бить его не будут, не тот расклад.

Два с лишним часа прошли однообразно. Потом оперативникам надоело брать на бас и захотелось есть.

Сутулов, гремя ключами, запирает сейф, когда в дверь постучали.

– Н-не заперто! – крикнул через плечо майор.

Света Зябликова принесла распечатку соединений телефона своего мужа за декабрь.

– К-кто т-тебе ее в...в-выдал? – удивился Сутулов.

– Дима Смоленцев договорился в офисе. Он заявление от Ромы написал задним числом, – Зябликова говорила, а губы у неё не шевелились.

В тамбуре послышались шаги, скрипучая дверь стукнула женщину по спине. Она ойкнула и шагнула в сторону.

– Никого я тут не убил? – заглянул вернувшийся из спецприемника Петрушин.

– Здравствуйте, – тихо сказала Зябликова.

– Приветствую, – кивнул оперативник, проходя в кабинет.

– П-прикинь, В-валер, – Сутулов размахивал сколотыми канцелярской скрепкой листочками, – т-тебе, с-старшему оп-оперу н-не в-выдали т-трафик, эт самое, как его, а б-бандит п-пошел и п-получил за о-одну мм...м-минуту.

Петрушин взял бумаги, не спеша пролистал, раздумчиво пожал плечами:

– Ну чего... хорошо. А то бы мы еще неделю за профессором Винниченко ходили.

В общем, двигатель работал, шестерни со скрипом, но вращались, приводные ремни передавали крутящие моменты с ведущих шкивов на ведомые, а машина пока стояла, с места не трогалась.

3

05 января 2000 года.

Среда. Первая половина дня.

Четвёртого января истёк срок содержания под стражей следственно-арестованного Рязанцева. В этот день его неожиданно привезли спецэтапом из следственного изолятора в городской ИВС.

Андрейка не спал всю ночь, ворочался на тонком поролоновом матрасике, постеленном поверх жестких досок нар, беспокоил сокамерников.

По закону его обязаны были перечислить за судом, но документы из прокуратуры почему-то не поступили. Неопределённость положения породила новую надежду.

Сколько раз за три месяца Андрейка надеялся на хорошее! Сначала – на обжалование ареста в городском суде, потом – на кассацию в облсуде. Когда истекли два долгих месяца нахождения за решёткой, он рассчитывал, что прокуратура не пойдёт на продление стражного срока. Следующие ожидания возлагались на обжалование в суде продления стражи, после – на очередную кассацию. Надежды рушились одна за другой. Прокуратура сама себе легко продлевала сроки, суд, идя у неё на поводу, тупо отказывал в изменении меры пресечения. Доводы адвоката граждане судьи пропускали мимо ушей, хотя говорил он складно и, по мнению Рязанцева, очень убедительно.

Стандартные казённые формулировки переключивались из одного документа в другой: «Может скрыться от предварительного следствия и суда, угрожать свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства». Что за бред? Вдумайтесь! Куда он может скрыться? Кому он будет угрожать? Так называемому потерпевшему Костину? Рогу? Просить бандитов изменить или смягчить показания он не станет под дулом пистолета! Это всё равно, что на колени перед ними бухнуться. А все остальные свидетели по делу дают показания в его пользу.

Адвокат Догадин вызывал у Рязанцева двойственные чувства. Андрейка знал, что защитника ему выбрали друзья по согласованию с начальством. Был в курсе, что решающим оказалось мнение Маштакова, прежде работавшего следователем и прокурором, разбиравшегося в этой кухне. Спору нет, имевший большой опыт Догадин выполнял свои обязанности добросовестно. Он писал жалобы и ходатайства, присутствовал на всех следственных действиях и судебных заседаниях, только на ознакомление с делом затратил три дня, переписав от руки все важные протоколы. Но он не так часто навещал своего подзащитного в ИВС, как тому хотелось, а когда приходил, говорил туманно. Сперва он оценивал положение, как пятьдесят на пятьдесят. Настраивал клиента на долгий изматывающий процесс. С развитием ситуации, по мере того, как следователь преодолевал один рубеж за другим, пока не добрался до выполнения требований статьи двести первой УПК⁷⁴, Догадин признал, что шансы на благоприятный исход уменьшаются.

– Прокуратура слишком далеко зашла, – сильно окая, рассуждал вслух адвокат, – обвинение предъявлено, ты три месяца под стражей сидишь... Как они могут тебя выпустить? Они потащат тебя в суд, который может длиться год, а то и больше. Они надеются, что ты в конце концов сломаешься и согласишься на условный срок, который они рано или поздно предложат. Будут грозить реальным наказанием, – что маловероятно, но возможно. Вообще, Андрей, за двадцать лет практики я не припоминаю случая, чтобы вот так, вопреки всем доказательствам, пихали дело в суд.

В такие моменты Рязанцеву начинало казаться, что адвокат, который должен всячески его поддерживать и воодушевлять, защищает плохо, и Догадин становился ему неприятным.

⁷⁴ Статья 201 УПК РСФСР – ознакомление обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела.

Его борода клинышком казалась козлиной, округлый волжский говорок – деревенским, а сам он – по-стариковски беспомощным.

Свои сомнения Андрейка высказывал Титову с Маштаковым. Свиданки оперативникам организовывал замначальника ИВС Капустин в самом изоляторе или в своем кабинете. Происходили встречи, как правило, в выходные либо поздно вечером, когда в управлении не оставалось начальства и лишних глаз с ушами.

Маштаков в ответ растолковывал, что когда адвокат рисует подзащитному реальную картину – не есть плохо. Чаще эта братия делает наоборот: сулит золотые горы, выдаивает под радужные обещания хорошие бабки, а потом разводит руками: «Извини, не получилось». Ещё Николаич говорил, что менять адвоката на другого на переправе нельзя, будем работать с этим, он вменяемый и многоопытный. Тит встревал, предлагал наехать на терпилу, но Маштаков его всякий раз осаживал, разъясняя, что накат сослужит медвежью услугу. Николаичу Андрейка доверял, как старшему брату, после разговоров с ним успокаивался на пару дней, но потом его снова начинали точить сомнения.

Физически Рязанцев адаптировался в неволе достаточно быстро. Он был неприхотлив, к разносолам не приучен. Вырос в коммуналке на Малеевке, мать поднимала их с младшим братом одна. Занимался гимнастикой, потом – рукопашным боем. После восьмого класса пошёл в ПТУ, там платили стипендию. Выучился на сварщика. Срочную служил в Забайкалье в Порт-артурском мотострелковом полку. Место, где стояла часть, называли Долиной Смерти. Дембельнулся старшим сержантом с должности заместителя командира взвода. Настоящую цену широкой поперечной лычки знает лишь тот, кто два полных года в пехоте отмантулил. Порысачил по Даурии, сопка наша – сопка ваша. После армии подался в милицию, попал куда хотел – в уголовный розыск.

Человек – продукт такой, ко всему привыкает. Вот и Андрейка почти обвыкся в камере за те три месяца, что шло следствие. В ментовской хате⁷⁵ острожского ИВС в отличие от других камер народу содержалось немного. Когда Рязанцев заезжал в изолятор из тюрьмы, он то вдвоем с бывшим следяком Проскуриным сидел, то вообще один куковал. Раз только к ним третьего кинули: вояку, сбежавшего из части с автоматом. Недельку он с ними торчал, пока этап из Ростова не подъехал. Военных во избежание проблем к «бээсникам»⁷⁶ причисляли, хотя по закону и не полагается. Потому что жулики к воякам относятся как к ментам – тоже в погонах ходят.

Чем меньше в камере народу, тем больше места и воздуха. В Остроге изолятор временного содержания в нарушении всех норм располагался в цокольном этаже здания. В камере круглые сутки – искусственное освещение, духота, влажность. А когда дежурный включал принудительную вентиляцию, она гудела как ненормальная, и через пять минут наступал такой дубак, что зуб на зуб не попадал. От перепада температур и сквозняка запросто можно простудиться.

С Проскуриным у Андрейки было ровно. Но нормальные отношения давались не просто, Проскурин отличался высокомерием, занудством и прижимистостью. Когда он находился в ИВС, жена ему каждый день таскала передачи: горячий борщ, картошку тушеную. А ещё своё украинское сало и чесночную копченую колбаску, от которых в камере стоял обалденный дух. И ни разу Проскурин не угостил сокамерника. Андрейка не нуждался в подачках, он не голодал, – то мать принесёт, то подруга, то Титов с Маштаковым чего-нибудь подгонят. Но мужики преимущественно сухпайком снабжали, а Проскурину жинка носила домашний хавчик. С ростовским воякой Бахвалом, сидевшим без подогрева на одной казенной пайке, Проскурин тоже не подумал делиться. Бахвал с Андрейкой дербанили передачи опера.

⁷⁵ Хата – камера (жарг.).

⁷⁶ «Бээсник» – бывший сотрудник правоохранительных органов (проф. сленг).

Шебутной контрактник пришелся Рязанцеву по душе, он знал множество анекдотов, мастерски их рассказывал и не парился за будущее. Когда Бахвала выкликнули на выход с вещами, Андрейке сделалось грустно, они могли скентоваться.

Проскурин сидел за взятку. Взял он десять тысяч рублей под прекращение дела о ДТП⁷⁷ с трупом. Две с половиной своих зарплаты, практически три Андрейкиных. Несмотря на то, что следователя хлопнули с поличным, больше месяца он не признавал себя виновным, утверждал, что стал жертвой провокации. Отрицая виновность, Проскурин трясся, что ему наруют ещё несколько эпизодов и в итоге вменят не первую часть двести девяностой⁷⁸, а четвертую, санкция за которую предусматривала от семи до двенадцати лет лишака. Раз боялся, значит, было за что. К концу следствия стало ясно, что прокуратура ограничится имеющимся эпизодом, и Проскурин резко всё признал. По его расчетам, с учетом наличия смягчающих обстоятельств и отсутствия отягчающих, ему должны были дать не больше полутора лет лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении. Проскурин уже подсчитал, что откинется условно-досрочно через девять месяцев.

Искоса поглядывая на белобрысую продувную физиономию бывшего следователя, с аппетитом хлебавшего наваристый гороховый супешник из пластмассовой тарелки, Рязанцев с горечью размышлял, почему все так несправедливо устроено. Почему махровому взяточнику наказание полагается куда менее строгое, чем ему за применение силы при задержании преступника?

Но у Игоря Проскурина имелось и положительное качество: он не курил. Когда Андрейку в первый раз этапировали в областной следственный изолятор, в красной хате⁷⁹, в которую он заехал, содержалось семнадцать человек. В камере стоял такой спрессованный табачный кумар, что некурящий Рязанцев едва не потерял сознание. Впервые в жизни! Потом он, конечно, принялся, но все равно, возвращаясь каждый раз с прогулки, сразу прибалдевал.

Кстати, в СИЗО сокамерники тоже удивлялись, что Андрейку закрыли по двести восемьдесят шестой⁸⁰. Обычно менты, обвинявшиеся по этой статье, оставались на подписке, а в суде получали условные сроки. Сидели по обвинению в совсем других статьях: за взятки, за наркоту, за кражи и грабежи.

Прапор с григорьевского трезвяка⁸¹ сидел за то, что доставленного алкаша насмерть запищал.

Когда отпустил первый шок после задержания, Рязанцев зарёкся каждый день по часу делать физические упражнения. Физкультура отвлекала и дисциплинировала. Андрейка старался не терять форму, по сотне раз он отжимался на ладонях, по пятьдесят – на кулаках. Правда, в те дни, когда рушились надежды, Рязанцев сникал, замыкался в себе, растягивался на нарах, часами лежал с открытыми глазами, не шевелясь. Но тренированная воля спортсмена брала свое, он заставлял себя умываться, чистить зубы, бриться, есть, мыть посуду, наводить порядок в камере, делать полный комплекс упражнений.

Бытовые лишения оказались не самым страшным. Гораздо пагубнее на Андрейкином настроении отражалась унижительность положения. Особенно остро он воспринимал её на людях. Когда отправлялся этап в СИЗО, милиционеры оберегали его по максимуму: до вокзала везли в автозаке⁸² в отдельном «стакане»⁸³, одёргивали других эсков, когда те начинали травить арестованного мента. А вот в вагонзаке⁸⁴ караул из вэвэшников-срочников⁸⁵ не церемонился.

⁷⁷ ДТП – дорожно-транспортное происшествие.

⁷⁸ Статья 290 УК РФ – получение взятки.

⁷⁹ Красная хата – камера, в которой содержатся действующие и бывшие сотрудники правоохранительных органов.

⁸⁰ Статья 286 УК РФ – превышение должностных полномочий.

⁸¹ Трезвяк – медицинский вытрезвитель (жарг.).

⁸² Автозак – специальный автомобиль-фургон для перевозки арестованных.

⁸³ «Стакан» – отгороженное место в автозаке для этапирования отдельных категорий арестованных (бывших сотрудников,

В последний этап перед Новым годом зэков в вагоне оказалось вдвое против нормы. Им с Проскуриным не досталось отдельной камеры, полагающейся «бээсникам». Затолкали их в первую попавшуюся, где встретили свои, острожские.

Двое, Помыкалов и Беликов, были крестниками. Их группу Маштаков с Рязанцевым разматили в сентябре, подняв восемь эпизодов уличных грабежей, разбой и четыре кражи из сараев. Сейчас они катались *на суд*.

Помыкалов с Беликовым смотрели дерзко, как хорьки. Находясь под стражей, они сохранили рэпперские чубчики. Оба были в униформе гопников: синих спортивных костюмах с белыми полосками.

Рязанцев, не мешкая, освободил руки. Привстав на цыпочки, отправил на верхнюю полку клетчатую китайскую сумку с вещами, затем – свернутый матрас, в котором находились подушка и шерстяное одеяло. Встал спиной к решётке, развернулся под острым углом к линии атаки. Привычно наклонил голову вперёд, выставленным левым плечом прикрыл подбородок, руки согнул в локтях.

– *Нуёптыбля*, Диман! Чё за пассажир в нашей плацкарте? – поганенько улыбаясь, спросил Беликов.

Бесплатный концерт начался. Проскурин в обнимку со своим полосатым матрасом потихоньку втиснулся на нижнюю полку в угол, присоединившись к зрителям. На его помощь Андрейка, впрочем, и не рассчитывал.

– Это не пассажир, братуха, это – Вася! – гыкнул Помыкалов, демонстрируя отсутствие двух верхних передних резцов.

Когда его закрывали, зубы наличествовали в комплекте.

Было важно, как поведут себя остальные арестанты. Если навалятся всей хеврой, в суматохе запросто могут ткнуть под ребра заточенной железкой.

– *Узнабля?* – поинтересовался Помыкалов.

– Узнал, – без паузы ответил Рязанцев, стараясь, чтобы голос не выдал напряжения. – Ты Димка Помыкалов. Шёл по делу один, потом ввалил подельников. Теперь – в группе.

– *Тычоблянах?!* – Помыкалов мгновенно побагровел, как насосавшийся крови клоп, оглянулся на Белика. – Братан, мусоряга гонит!

Теперь, если Димка канал за честного, он должен был вбить паскудные обвинения обидчику в глотку. Но Помыкалов зыркал глазами на кулаки опера, костяшки которых покрывали ороговевшие бляхи, и не решался ринуться на противника.

Готовый к активным действиям Андрейка стоял в боевой стойке в расслабленном состоянии, позволявшим избежать преждевременного утомления мышц.

– Не торчи у решки⁸⁶, пленный, загораживаешь! – тут его между лопатками сильно ткнули резиновой палкой.

Не ожидавший толчка Рязанцев сделал два быстрых шага вперед. Помыкалов вжал голову в плечи, суетливо вскинул руки, закрывая лицо, и завопил. Белик через плечо кента попытался прямым достать Андрейку, однако тот легко ушёл в сторону и сгрудил гопников к зарешеченному окну. Помыкалов продолжал орать.

– Кончай кипеж! – рявкнул из коридора караульный.

Одновременно раздалось сдавленное шипение. Купе наполнилось слезоточивым газом. В глазах у Андрейки защипало, хлынули слезы. Арестанты разом засморкались, зачихали, закаш-

женщин и др.).

⁸⁴ Вагонзак – специальный железнодорожный вагон для перевозки следственно-арестованных и осужденных.

⁸⁵ Вэвэшники-срочники – военнослужащие срочной службы внутренних войск МВД РФ.

⁸⁶ Решка – решётка (жарг.).

ляли надсадно, зашебутились. Рязанцев рванул вверх полы джинсовой куртки, накинул её на голову и присел на пол в надежде, что аэрозольное облако уйдёт наверх.

Отбежавшие от купе к открытому окну взвэшники ржали:

– Раскумарьтесь на халявку!

Все полтора часа, пока состав без остановок шёл до областного центра, в купе отплевывались и матерились.

Когда арестанты, покинув вагонзак, под дулами автоматов сидели на корточках в конце платформы, Помыкалов заорал, перекрикивая хриплый лай овчарок:

– Я с тобой, красный, попозжа попизжу!

Сумбурные воспоминания ненадолго отвлекли Андрейку от тягостных размышлений. За ночь он не сомкнул глаз, в голове неотвязно крутилась мысль – с наступлением утра что-то должно произойти. Срок его содержания под стражей истёк в полночь, срок не продлили и продлить не могут, потому как дело закрыто. Но почему же тогда его не передают в суд?

В коридоре изолятора громко заиграла музыка, знаменую долгожданный подъём. По репертуару можно было определить, какая смена дежурит, у каждой имелись собственные предпочтения.

То, что с шести утра из динамика полился пронзительный голос Ирины Шведовой, говорило о том, что дежурил Сева Казаков. Рязанцев счел это добрым знаком. Он знал, что через минуту постовой побредёт по коридору, стучая ключами в металлические «кормушки» дверей и протяжно выкрикивая: «Подъём!».

Андрейка сбросил ноги с помоста нар, нащупал тапочки, шагнул к двери. Тяжелую поступь подкованных берцев по бетонному полу он различил сквозь страдающее крещендо певицы:

*– Белое платье белело напрасно
Краски смешались в горячей долине...*

Когда постовой поравнялся с дверью их камеры, Рязанцев громко выкрикнул:

– Старшой, позови дежурного!

Вскоре снаружи заскрежетал металлом ключ, сделавший два оборота против часовой стрелки. Форточка «кормушки» распахнулась, в хату через квадратное отверстие потек воздух. Не свежий, откуда ему, свежему, в подвале взяться, но не такой спертый, как в каменной клетке камеры.

– Привет. Чего звал? – старший прапорщик Казаков, худощавый, черноусый, с четырьмя наградными колодочками над клапаном нагрудного кармана кителя был, как всегда, хмур.

– Всеволод, у меня срок содержания вышел. Доложи, пожалуйста, начальству и еще пусть адвокату моему позвонят. Догадину Владимиру Николаевичу. А то непонятки какие-то, – припав к открытой «кормушке», Андрейка говорил торопливо, словно боялся, что прапорщик его перебьет.

– Хорошо, передам по смене, – Казаков сдержано кивнул. – Я сам не люблю бардак. Оставить тебе, Андрюш, «кормушку» открытой?

– Конечно. Спасибо, Всеволод.

Рязанцев отошел от двери и присел на отделанный металлическим уголком край деревянного помоста, служившего местом их обитания. По распорядку пересменка происходит в семь. Начальник ИВС заглянет в изолятор в восемь. Заглянет всего на пару минут, чтобы узнать, все ли спокойно в его владениях. Новый дежурный доложит ему, что один из арестованных беспокоится относительно законности своего нахождения под арестом. Начальник ИВС Аббасов – заскорузлый служака, ему лишние проблемы не нужны. По уму, он обязан сам освободить арестованного, срок содержания под стражей которого истек, но он этого делать не будет.

Двадцать лет Аббасов служит в милиции, из них девять – начальником ИВС. Горячку пороть не в его натуре, он мудрый азербон. На общей сходке, которую начальник УВД проводит, он ничего не скажет, не тот уровень. Но вот когда начальник МОБ оставит в зале только своих подчиненных, непременно поставит его в известность о нарисовавшейся проблеме. Начальник МОБ примет к сведению и озадачит того же Аббасова выяснить в прокуратуре: в чем загвоздка. Аббасов спустится с третьего этажа в свой кабинетик и позвонит в канцелярию прокуратуры.

Какая-то определенность образуется не раньше десяти, половины одиннадцатого.

«За четыре часа с ума можно спятить! Или начать ломиться?! Какого хера они меня незаконно держат в камере?!»

Андрейка заметался по крохотному пятачку от нар до двери. Два шага туда, столько же обратно.

Заворочался Проскурин, с кряхтением сел, потянулся.

– Ты чего, Андрон, со сранья скачешь, как слон? Орешь! Ночью спать не давал, вертелся веретеном!

– Гош, они мне могут срок продлить, когда дело закрыто? – Рязанцев впился глазами в помятое лицо бывшего следователя.

– Они все-о мо-огут, – широко зевая, ответил тот. – Сгоняют в областную прокуратуру, там продлят еще на месяц или на два-а.

– Но дело-то мое закрыто?

– Блин, вот заладил. Закры-ыто! Закрывают магазин на обед! А с тобой произвели важное процессуальное действие – ознакомление обвиняемого с материалами дела. Они – хозяева, как хотят, так и сдают.

– И как это? Так просто – съездили к областному прокурору и тот, не вникая, продлит мне стражу?

– Как преподнесут ему, так и он сделает. Вообще-то, в областную ездить стрёмно. За продления дерут в хвост и в гриву. Опять же полагается за десять суток до истечения срока с продлением приезжать. Ну я это тебе со своей ментовской колокольни говорю, а как у них, у прокурорских – не знаю, в прокуратуре не работал... Знаю только, что ворон ворону в глаз не клонет... Ну чего, надо вставать, что ли?

Проскурин слез с нар, нашел свои резиновые сланцы и двинул к унитазу.

Пока его сильная струя журчала в сливном отверстии, Андрейка переваривал услышанное.

«В прокуратуре области за десять дней полагается срок продлевать. Его не продлили! Не может быть, чтобы рядовой следак, пусть и прокурорский, мог в любое время к начальству завалиться. Николаич, помнится, рассказывал, что областников всегда остерегался, старался им реже на глаза показываться. Не-ет, не поедет Винниченко срок продлевать, он и так, по ходу, не на лучшем счету. Жалился, что ничего не успеваает. Нынче всё решится!»

За завтраком Рязанцеву кусок хлеба в рот не полез.

Третий сокамерник, Яшка, с удовольствием срубал Андрейкину пайку. Этого Яшку в своей хате Рязанцев и Проскурин обнаружили вчера, когда с тюрьмы спецэтапом приехали. Он сидел со второго января за грабеж. Пьянствовал с дружбанами в баре «Лель», второй день нового тысячелетия отмечал, пьяный был в хлам. Вышел за угол отлить, – в уважаемом «Леле» туалета не имелось. В подворотне разодрался с посетителем того же заведения. Мужик убежал с разбитым таблом, оставив слетевшую во время потасовки норковую шапку. Яшка, чтобы добро не пропадало, головной убор подобрал, сходил в знаменитый дом «семь-восемь» на улице Абельмана, загнал там трофей за три сотни самогонщице, после чего вернулся в «Лель» дальше отдыхать. И тут избитый мужик привел в бар ментов.

Яшка возмутился: зачем этот фофан сбежал, забыв свою долбанную шапку? Не брось он шапку, ничего бы не случилось. Для Яшки ответ на вопрос «кто виноват?» был предельно ясным.

В «бээсную» камеру он попал потому, что в начале девяностых прослужил год водителем в роте ППС. После увольнения сменил множество мест работы. Шоферил, пока права за пьянку не отобрали, и подсобником на стройке вкалывал. В последнее время перебивался разовыми калымами.

– Стой на своем мёртво, и получится у тебя побои и кража, а не грабеж с насилием, – напутствовал Яшку юридически подкованный Проскурин. – Говори, что умысел на завладение чужим имуществом у тебя возник, только когда мужик ушел, и ты на снегу шапку увидел. Похитил ее тайно! За побои и кражу получишь условно. Я – знаю!

За квалифицированную консультацию Яшка согласился убираться за Проскурина в камеру. Сегодня по графику как раз следака была очередь дежурить. Андрейку это покорило, но вступать в чужое он не стал, Яша – взрослый мужик.

Время тянулось невыносимо. Так как часов в камере не полагалось, Рязанцев то и дело обращался к постовому милиционеру. Раз на пятый постовому надоело, и он закрыл кормушку.

– Андрон, ты реально достал! – возмутился Проскурин. – Из-за тебя нам кислород перекрыли!

Следователь восседал на нарах, по-турецки скрестив ноги, читал потрепанную книжку из серии «Черная кошка».

Андрейка уперся кулаками в стену, начал отжиматься. Досчитал до пятнадцати и бросил. Лег на матрас, сразу вскочил. Стал копать в пакете, где у него канцелярия хранилась, решил написать жалобу на произвол следствия. Устроился ближе к свету, написал в правом верхнем углу листа: «Прокурору города Острог». Зачеркнул последние два слова, перед «Прокурору» написал: «Генеральному», сзади – «РФ». В раздумье погрыз пластмассовый кончик ручки, затем жирно замарал написанное. Тщательно выводя буквы, вывел: «Президенту РФ Путину».

– Гош, как нового Президента зовут? – крутнулся юлой к Проскурину.

– Владимир Владимирович, как Маяковского, – ответил следователь. – Только он не Президент пока.

– Это не важно. Он – главный. Гош, как думаешь, лучше на чистом листке написать Президенту? А то я начеркал тут. Или сойдет? У меня бумаги мало осталось.

– Не занимайся ерундой, Дрон. По-твоему, Путину больше делать нечего, как твои жалобы разбирать?

Когда, наконец, в личине замка заскрежетали ключи и громыхнул отодвигаемый засов, потерявший счет времени Рязанцев находился в угнетенном состоянии и не сразу среагировал на адресованную ему команду «на выход».

Охваченный равнодушием Андрейка с заложенными за спину руками пошел по коридору впереди постового милиционера. Свернул направо у стоявшего в углу стола дежурного, подле которого на табурете в одних трусах сидел оформляемый задержанный. Начальник ИВС Аббасов дождался его в каморке, служившей дежурной смене бытовкой. Другого помещения, где можно было поговорить без посторонних ушей, в изоляторе не имелось.

Аббасов – крупногабаритный, шумный усач в камуфляже при виде понурого Рязанцева, округлил глаза и воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.